

57-40

УЛУГ - ХЕМ

**Литературно-художественный
и
общественно-политический
альманах**

№ 28

**на русском языке
Издается с 1946 года**

КЫЗЫЛ - 1994

УЛУГ - ХЕМ

Литературно-художественный и общественно-политический альманах

№ 28

на русском языке
Издается с 1946 года

КЫЗЫЛ - 1994

Учредители: Союз писателей Республики Тыва,

Госкомпечать Республики Тыва,

Правительство Республики Тыва.

Редколлегия: С.В.Козлова, М.А.Хадаханэ, Г.И.Принцева,

Ч.Ч.Куулар, В.И.Кан-оол.

Ответственная за выпуск С.Козлова.

В сборнике:

Проза: А.Емельянов, К.Черлиг-оол, М.Пахомов, Г.Неволин, Ю.Некрасов.

Поэзия: М.Кенин-Лопсан, М.Доржу, Вл.Серен-оол, И.Принцева, Ч.Кара-Куске.

Новые имена: А.Ондар, механизатор, Чыраа-Бажы (проза); Л.Шульгин, ученый, Кызыл; А.Бегзин-оол, журналист, Кызыл-Мажалык; А.Шука, учитель, Хову-Аксы; Е.Агарков, Р.Северов, А.Третьяков, рабочие, Кызыл, Балгазын (стихи);
Э.Цвигун, журналистка, Кызыл, фантастика.

Фольклор.

Драматургия. М.Рамазанова.

Фантастическая повесть. Ч.Ламажаа.

Язык и история: Б.Татаринцев, Вл.Монгуш.

Календарь культуры: Важнейшие события 1992-1994 гг.

Повесть Ю.М.Некрасова для детей иллюстрирована автором.

© "Улуг-Хем" (составление, макет), 1994

© "Новости Тувы" (компьютерное обеспечение), 1994

ПРОЗА

АНАТОЛИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ШИРОКОСТВОЛЬНАЯ ЛИСТВЕННИЦА

Художественно-публицистическая повесть

"В Ишкине моем,
где растет широкоствольная лиственница,
вырос я привольно
среди народа моего,
старик я"

*Из песен **Маржымала Ондара**
народного хоомейжи Республики Тува.*

Глава первая

-Зачем нужна музыка? - спрашивает Маржымал Очурович. Делает паузу и внимательно смотрит на ребят. В классе абсолютная тишина. Все смотрят на учителя и ждут ответа.

"Вот так лучше всего,-еще и еще раз убеждается Маржымал. - Задать вопрос, заставить задуматься, не торопиться, дать время всем подумать, даже и спросить кого-либо, как он думает. А потом самому дать ответ. Размышлять вместе с ними, учить их мыслить, рассуждать, а не только загружать их память разными сведениями. Всякая информация может и позабыться, а умение мыслить не только приобретает, но и развивается."

Долгое время после гибели сына в Афганистане он не мог прийти в себя. Продолжал работать, проводил уроки труда и музыки, но это были не те уроки, как раньше, и не та музыка. Теперь случалось, что во время урока он отключался, тогда одна неотвязная мысль билась в мозгу и сотрясала болью его сердце и все его существо: погиб Алдын-оол! Нет больше Алдын-оола! И никогда не будет! Не будет! Не будет! - стучало в голове и груди. Он умолкал, подходил к окну и минуту смотрел на школьный двор, ничего не слыша и не видя. Лицо Алдын-оола представало и закрывало все, что было в окне. Ребята все знали, понимали и все это короткое время сидели молча. Впрочем, он быстро преодолевал эту минутную слабость и заставлял себя продолжать урок. Потом, после урока, пытался осуждать и убеждать себя: "Сына все равно не вернешь, а работа не должна страдать."

-Музыка даже животным нужна. Рассказывают: пастух играл на лимби, выбежала мышка, слушает. Потом другая. Много выбежало, и все слушают,- так продолжал он прерванный тяжким раздумьем урок.

Однажды бурей сломало сосну, обломки торчат. Медведь подошел, оттянул обломок и отпустил, обломок загудел. Медведь прислушался и снова оттянул. Потом начал "играть" и видно было, что слушает он с удовольствием.

В кинофильме "Председатель": коровы истощены голодом, лежат, не поднимаются. Пастух заиграл на рожке - начали подниматься.

Когда чужого телка к корове ведут и приучают, она принимает его под песню. И овцы, и козы понимают музыку, и верблюды, и лошади. Есть кошки - "играют" на пианино, ходят по клавишам и прислушиваются.

Музыка - радость в жизни человека. Грустная тоже нужна. Когда человек идет в бой, музыка дает ему силы. С музыкой человек отдыхает, она успокаивает нервы. У настоящего музыканта тонкая душа, хороший музыкант никогда не хулиганит.

Народная музыка живет с тувинцем со дня его рождения и до смертного дня и провожает его в последний путь. Тувинка-мать, как всякая мать, убаюкивает ребенка колыбельной песней. И не только убаюкивает, но пением, покачиванием, нежными прикосновениями, теплом своего тела общается с ним, передает ему свое чувство любви и зарождает в нем ответную любовь к матери, как к первому человеку, с которым общается ребенок. И через это - любовь ко всем людям, доброту, нежность, и вызывает ответное "гульканье" ребенка, его первую речь, его первую "песню". Становится необходимой частью его жизни.

Вот послушайте тувинскую колыбельную песню - "опей ыры".

Маржымал Очурович берет свой любимый бызаанчи и очень нежная, очень ласковая мелодия сразу же находит дорожку в сердце каждого сидящего в классе. Задумались все, прислушиваясь не только к мелодии, но и к той давно знакомой с самого раннего детства теплоте и нежности, которые всегда охватывали сердце, когда мама пела эту песню. Только почему-то прибавилась к этому легкая щемлящая грусть. Дочка Маржымала Очуровича, много раз слышавшая в доме эту песню, не удерживается и подпевает: "мама, мама, мама, мама, мама милая моя!"

-Раньше тувинцы всегда пели, когда работали сообща, - продолжает урок Маржымал, - например, когда палками сбивали шерсть, чтобы потом изготовить из нее войлок. Песня украшала этот однообразный и утомительный труд. И не только украшала, но и создавала единый ритм движений, и этим облегчала труд и поднимала силы, и спланивала людей, утверждая чувство товарищества. Послушайте и эту песню, обратите внимание на ее очень быстрый, веселый, почти танцевальный ритм.

Снова звучит бызаанчи. Совсем по-другому воздействует эта мелодия на ребят. Почти все подпевают, взмахивают руками и двигают плечами в такт бодрому веселому напеву.

"Как все-таки быстро и непосредственно воздействует музыка на душу человека, на его настроение, - думает Маржымал Очурович, - какой духовной силой она обладает."

-А когда чабан с утра до вечера одиноко пасет в степи отару, сколько он дум передумает, сколько разных чувств переживет. Кто из вас пас овец? - спрашивает Маржымал, и мальчишки и девчонки дружно поднимают руки. - Ну вот, вы знаете как много времени у чабана, когда он в степи, только он да овцы. Наша степь на первый взгляд кажется однообразной, а сколько в ней красоты, если присмотреться. Трудно словами выразить. Вот это написал о красоте летней степи наш великий шулукчу - поэт Сергей Пюрбю:

"Прекрасна степь, я даже в затрудненье
ей подыскать достойное сравненье:
как будто девушка свиданья ждет,
похорошела вся и приделась;
как будто радуга, прервав полет,
на тысячи осколков разлетелась."

Красота, мощь, свобода природы волнуют нас и звучат в наших песнях.

Когда поет Кара-кыс Намзатовна Мунзук народную песню "Бай-ла Хемчиим", то в потоке ее свободно льющегося голоса, в его неповторимых тембрах, интонациях и переливах, в неожиданном переходе от спокойного речитативного распева к высокому, раздольному пению не только слышишь, но, кажется, и видишь и бескрайнюю тувинскую степь, и сверкающие на солнце быстрые реки Тувы. Могучий баритональный бас Николая Оскеевича Олзей-оола, исполняющего народную песню "Ореховая тайга", своим величаво торжественным звучанием заполняет весь зал, целый концертный зал. Это гимн человека природе, и кажется, вместе с этим богатым голосом, звучащим, как величественный орган, зрительный зал заполняет дыхание самой тувинской тайги. Давайте послушаем наших знаменитых певцов.

Отзвучала магнитофонная запись, и учитель говорит снова:

-Воздействие народной музыки - всегда очищающее. Она затрагивает самые глубинные пласты человеческой души. Слушая или исполняя ее, человек приобщается к душе своего народа, памяти его ума и сердца, освобождается от всего случайного, мелкого, наносного. Народная музыка развивалась и бытовала веками. Создавались и отбирались те песни, те мелодии, которые наиболее полно, художественно отвечали потребностям людей в труде, в

быту, в воспитании. Поэтому в народной музыке нет каких-то случайных нехудожественных произведений. Они все высокохудожественны, все духовно воздействуют на человека, все работают на человеческое в человеке. Народная музыка - душа народа. Войти в мир народной музыки - значит, открыть для себя душу народа, суть человека и самому стать человеком.

Музыка в мире одна, но у каждого народа свои мелодии. Я люблю музыку любого народа. Симфоническая мне нравится. Есть и рок-музыка хорошая. А когда она однообразная и оглушающая - плохо. Тувинская музыка - пентатоника, это музыка всех восточных народов. Тувинский музыкальный звук - мягкий, тихий,- такая музыка!

Тувинцы говорят: от правды до обмана четыре пальца,- тут Маржымал Очурович кладет четыре пальца руки между ухом и глазом - и точно, получается такое расстояние,- по пословице получается: глаз видит - это правда, а ухо слышит - это неправда. Но это правильно, если брать разговор, рассказ, тут может быть и отклонение от правды. Но если эту поговорку к музыке применять, не получается. В музыке - в ухе правда. Тут главное - слух. Конечно, и в ней глаза нужны,- видеть ноты, записать. Ноты записаны - это правда. Даже у слепого композитора Солаана Базыр-оола есть свои ноты, он их читает пальцами. Ноты для вех - правда. И мастер-изготовитель смотрит глазами, высохло дерево или нет, ель или береза - тут глаза нужны. Без глаз дерево не выберешь. А потом слухом различает, что и как звучит...

...Жизнь продолжалась, и все было в ней как будто бы так же, как много лет назад. И все-таки совсем другая жизнь началась у Маржымала. Внешне-то она вроде бы почти не изменилась. Так же, как и все годы, он ежедневно ходил в школу, давал уроки, так же вместе с женой Хор делал домашнюю работу. Но многое изменилось в нем самом. Жизнь разделилась теперь на два времени: до и после гибели сына, и это были как бы две разные жизни. Он и теперь просыпался и вставал очень рано. Но это было другое пробуждение и другое вставание. Раньше, проснувшись, он, даже не раскрывая глаз, с наслаждением прислушивался к разнообразным звукам жизни: был ли это шум дождя, или разноголосое пение птиц, приветствующих восход солнца, или Хор разговаривала с собакой или гремела посудой,- все воспринималось им с нежностью и радостью, как привычное желанное предвестие нового дня его жизни. Жизни, которую он принимал и любил. Любил свою очень серьезную, верную и теперь все еще красивую жену, своих многочисленных детей, свою работу. Весь мир, который его окружал, и в который он врос всем своим существом. Он быстро вставал и сходу включался в эту жизнь со всеми ее заботами и тревогами, радостями и печалью. Конечно, когда Алдын-оол ушел в армию, разные мысли приходили. Где-то в глубине мелькала мысль, что Алдын-оол может и погибнуть в Афганистане. Многие парни уже не вернутся, и он не считал гибель сына невозможной. Все могло быть. Но сын был жив, и пока он был жив, никак не верилось, что он погибнет.

И вот он погиб, и та зияющая пустота в душе, которую Маржымал ощутил, получив похоронку, и позже, когда хоронили Алдын-оола,- эта пустота так и осталась и не уходила. И теперь, когда он просыпался, первая его мысль была невероятной, невозможной, жестокой: Алдын-оола нет больше. Он вставал, но теперь уже не мог, как раньше, сразу включиться в жизнь. Теперь он обязательно хотел побыть наедине с собой, со своими мыслями, со своим мертвым, но для него все равно живым сыном.

Школьный двор, в котором стоит его дом, в это время был непривычно пустынным, и он мог в одиночестве ходить по двору. Очень деятельный, подвижный по характеру, он не мог сидеть, опустив руки, а быстро ходил взад-перед, как бы стараясь оторваться от своих мучительных мыслей, уйти от них. Но это никак не удавалось, и он сдавался, оттаивался и надолго задумывался.

Почти сразу же от школы начинается степь, чуть подалее, казалось бы, совсем рядом, а на самом же деле за несколько десятков километров, возвышается до самых облаков отвесной, неприступной темной стеной Кара-Даг. Все как полвека назад в пору его детства. И эта стойкая неизменность природы, пусть и не до конца, а все-таки успокаивает, دستанавливает разрушенное равновесие души, отвлекая на миг от тяжелых мыслей о сыне.

Поздняя осень, но листья в этом году долго не облетают, и кустарник по Хемчику, и леса в предгорьях все еще золотятся в лучах уже не взошедшего солнца. Все застыло в неподвижности: и прозрачный холодный воздух, и пожелтевшие, пожухлые травы и деревья. Только Хемчик, покрытый тоже неподвижными ключьями тумана, проблескивает сквозь них и нарушает тишину легким глухим шумом. В неподвижности, холоде и увядании природы много обреченности, и она усиливает щемящую тоску, но еще больше величавой торжественной красоты в стойкости жизни. И он словно бы прикасался измученным сердцем к стойкости и красоте природы, и было в ней столько близкого, и было от нее столько накоплено в душе с самого детства и тепла и близости, что боль в сердце становилась слабее и ненадолго затихала, чтобы тут же возникнуть с еще большей силой. Потому что куда бы он ни смотрел - на степь, на горы, на Хемчик,- образ погибшего сына сразу же предстал перед ним повсюду, ведь Алдын-оол побывал повсюду в этих местах.

Вот сенокос у самого Хемчика. Здесь всей семьей заготавливали по договору сено для совхоза. Сыновья Юрий, Александр, Анатолий, Алдын-оол косили, а дочери Юля, Чечек,

Чойганмаа подбирали граблями, сгребали в валки, ставили копны. Работали как бы семейным бригадным подрядом. Заготовливали до шестнадцати тонн. Совхоз платил по тридцать рублей за тонну, и это было подспорьем для многодетной семьи. Прекрасное было время, работали очень дружно, до горячего поту. Хор варила лапшу с бараниной и готовила любимый зеленый чай с молоком. Чуть подсолненный, он хорошо утолял жажду и возвращал бодрость усталым людям. Все это ярко вставало перед глазами, и Маржымал снова переживал радость этого труда всей семьи и улыбался светлой грустной улыбкой.

А когда он смотрел на Кара-Даг, то, кажется, видел в облаках над вершинами гор доброе, ласковое, улыбающееся лицо Алдын-оола. И верилось, что сын там, на Кара-Даге, с друзьями, так, ненадолго ушел снова в поход и скоро вернется. И в это верилось больше, чем в то, что сын погиб, и что это теперь навсегда и ничего уж тут не поделаешь.

Ребенком, переживая разные детские огорчения, Маржымал обычно искал защиты и утешения у родителей. Мать гладила ему ушибленное колено, вытирала слезы маленькой жесткой рукой, успокаивала ласковыми словами. Находил и отец нужные слова о стойкости, необходимой для настоящих мужчин, и у Маржымала восстанавливалось равновесие в детской его душе. С годами он научился сам преодолевать горести и печали жизни, и все-таки осталась навсегда привычка, если было уж совсем невозможно от душевных мучений, переноситься воображением во времена детства, воссоздавать в памяти дорогие образы матери, отца и других родных и как бы общаться с ними, и душевная боль отпускала, переносилась легче.

Вот и теперь, всматриваясь в места, в которых прошло его детство, он как бы вернулся в те далекие времена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Родился он не здесь, не в Бора-Тайге, а неподалеку, в Ишкине, в местечке Адыр-Терек. Постоянных поселков в то время не было, и места стоянок, вообще места, где пребывал человек, - жил, кочевал, пас скот или охотился, - назывались по каим-либо приметным особенностям. Местечко, где родился Маржымал, получило свое название по раздвоенному тополлю, который там рос: терек по-тувински тополь, а "адыр" - отросток от любого дерева. Теперь на этом месте поселок Ишкин, а в то время стояли три юрты и домик, в которых и жили семьи Ондаров.

Маржымал чуть опускает веки, и сразу же видит мать, какую она была, когда ему было десять лет: невысокая, худенькая, прямо худышка, - с нежностью вспоминает сын. - Может быть поэтому и назвали ее Чолдана, что означает короткая. Очень живая, подвижная, добрая, ласковая. Всегда на коне ездил, и по речкам, и по горным склонам. Носила две, иногда одну косу. Вплетала в нее чавагу - серебряную пластинку с узором. Тогда все это носили, теперь не носят, только на концертах увидишь, с сожалением думает Маржымал.

Мама всегда работала, никогда не уставала. Выделявала бараньи и козьи кожи, делала их мягкими, как шелк, таких теперь не встретишь. Шила, все умела по хозяйству.

Видит он и своего отца - Очура Тымбаевича. Говорят, что Маржымал очень похож на него. Но у отца одна нога была короче, - с детства болела, высохла и стала маленькой, как у мальчика. Поэтому он ходил, прихрамывая и опираясь рукой о колено здоровой ноги. Люди называли его "аскак дарган" - хромой кузнец. Руки у отца были сильные и умные. У него были наковальня, меха и другие кузнечные инструменты и приспособления. Аскак-Дарган изготавливал ножи, замки к аптара - тувинским сундукам. Его руками была сделана и железная печка, обогревавшая юрту. Кроме того, он изготавливал седла и хомуты, резал по дереву, владел секретами тиснения по коже, умел чеканить и знал тайны художественного литья - отливал фигурки людей и животных, шахматы из латуни, меди и свинца. Делал и украшения, женские и мужские.

Юношей был учеником у лам в Чаданском хурэ, там научился читать по-тибетски, но больше был на побегушках. Девятнадцати лет ушел из монастыря, потому что хорошо узнал лам, их быт и привычки, и не мог примириться с ложью и несправедливостью, царившими в монастыре. После этого он два года жил и учился у кузнеца Адыгбая. Сам иногда молился, жег травы, но детей этому никогда не учил. Говорил:

-Ламы и хамы нам дорогу загораживают.

Он и мать по традиции совершали религиозные обряды, и шаманские, и буддийские, но при этом сохраняли скептическое, добродушно насмешливое отношение к служителям культа. Отец рассказывал разные случаи из жизни:

-В 1907 году, когда мне было семь лет, приезжал лама из Тибета. Он сказал: поедем в Кызыл-Тайгу совершать обряд. Много народу понаехало. Привезли мяса, араку, хойтпак, священные ароматные травы, - артыш, горный можжевельник, агы-польнь, кустарник-увенжи, шаанак. Травы бросали в огонь, мясо, сыр, молоко "давали" духам, чтобы расположить их к себе, задобрить, чтобы люди не болели, скот был сытым и не падал, чтобы травы росли, зимой много снега было, чтобы все было благополучно. Молодые ламы читали молитвы,

приносили благодарения духам, а старшие, - улыбался отец, - руководили, ели, пили араку. Молодым ламам араку не давали, только кумыс. Но кумыс был 9-11 градусов, и они пьянели, начинали шуметь, даже подрались. Вот уж действительно, как в народе говорят: "Где молебен, там и драка."

По обычаю придерживаясь религии, все-таки многие люди рассказывали разные сказки и анекдоты о хитрости и жадности лам и шаманов.

Может быть, в монастыре и воспиталось у отца отвращение ко всякой несправедливости и лжи. Ни он, ни мать никогда не били Маржымала. Нет! Был один случай. Тринадцатилетним мальчишкой Маржымал заигрался и потерял овец. Даже и теперь, спустя много лет, он вспомнил, как шел домой без овец, но не испытывал чувства страха, что понесет наказание, он даже и не знал, как его накажут и накажут ли, потому что такой оплошности раньше никогда не допускал. Отец тогда сильно рассердился и два раза стегнул кнутом по спине. Две красные полосы сразу вспухли на ней. Но он не обиделся, понимал, что за дело. Даже и теперь, вспоминая, не обижается. Шутка ли, целую отару потерял. Ладно, что все обошлось благополучно. Нашли овец.

По соседству с юртой родителей Маржымала стояла юрта его дедушки по матери Ондара Чонга. Тоже был мастер. Может быть, даже лучше отца...

Рассказывают, что однажды Чонга вступил в спор с другим мастером и заявил, что смастерит сундук, который будет произносить его имя. И действительно, сделал такой сундук: когда открывали крышку, раздавался звон, в котором явственно слышалось: "чон-га, чон-га, чон-га..."

Жена Чонга Торлаа - куропатка хорошо шила охотничьи полушубки - хоректеш, тоны из кож, зимние и осенние, на ватной подстежке, дээли - халаты из шкурок ягнят с верхом из шелка.

В 1935 году была первая ярмарка в Чадаане. Отец Маржымала и Чонга повезли на нее много различных изделий, и среди них подсвечники, отлитые из металла с большим искусством. Их даже возили на выставку в Москву.

А в третьей юрте жил дедушка Маржымала Ондар Дагба. Вообще-то он приходился Маржымалу не дедушкой, а дядей, он был братом его отца, но по тувинскому обычаю только брат матери назывался дядей, а по отцу - братом или дедушкой, если совсем старый.

Ондар Дагба был замечателен тем, что играл на игиле, дошпуулуре, знал много песен, сказок, сказаний про богатырей, охотников, мудрецов и хитрецов и очень выразительно, ритмично, мелодично исполнял их - красивым бархатным баритоном с богатыми интонациями. И это было так интересно и захватывающе, что когда он уставал, прерывая повествование, все слушатели нетерпеливо просили:

-Шыяан!- Давай еще!

И он рассказывал, и одна сказка могла продолжаться и два, и три, и даже четыре вечера, по три и четыре часа.

В Адыр-Тереке была летняя стоянка. Летом там было хорошо и людям, и животным, не мучили зной, комары и мошкара, росла высокая мягкая трава, и дедушка Дагба пел про это место:

"Пусть у меня нога сломается, если совру,
но в Адыр-Тереке, где летняя стоянка,
такая мягкая трава, что можно босиком ходить,
как по ковру..."

Зимой в Адыр-Тереке было холодно, поэтому перекочевывали в Ак-Ой, где потеплее. И про это местечко у Дагба тоже была песня:

"Пусть у меня рука сломается, если совру,
но в старом Ак-Ое, где зимняя стоянка,
так тепло, что, когда спишь,
одеяла не надо..."

Все жители Адыр-Терека были музыкантами. Делали музыкальные инструменты и играли на них, пели. Даже бабушка по отцу играла на хомусе и чадагане, и сама их изготавливала, хотя женщины-тувинки, как правило, не занимались этим ремеслом. Сама делала заготовки из дерева, выдалбывала корпус чадагана, скручивала струны из тонких пленочных оболочек бараньих и козьих кишок, подбирала подставки под струны из косточек бараньих или козьих задних ног - все делала сама, весь инструмент.

Высокая, немного сутулая, с лицом, испещренным глубокими, добрыми, веселыми морщинками, кос она не носила, волосы были подстрижены, закрывала их синей шапочкой вроде

тубитейки, по-тувински довурзак называется. Любила красиво одеваться, по современным понятиям ее можно бы модницей назвать. Носила тон, халат, но не шелковый. Шелк - таргу - был тогда самой дорогой тканью. У бабушки халат был из чичи, тоже дорогой ткани, чесучи, подстеженной верблюжьей шерстью. Предпочитала чичи розового цвета. Очень подвижной была, говорила быстро-быстро. Очень любили играть на хомусе, сделанном из бамбука, по-тувински бамбук - кулузун, и хомус, сделанный из бамбука, называется кулузун-хомус. Хомус - небольшой по размерам инструмент, умещается на ладони. Это пластинка из бамбука, тростника или камыша с тонким язычком посередине. Когда на нем играют, подносят ко рту и, подергивая за шнурок, прикрепленный к язычку, вызывают его вибрацию - звучание хомуса, своеобразное шелестящее жужжание. Изменяя движение язычка хомуса, движения губ, языка, гортани, дыхания, изменяют и звучание хомуса, исполняют музыкальные мелодии. Все это, конечно, требует большого искусства.

Маржымал любил слушать игру на хомусе, а однажды попросил:

-Дай, бабушка, хомус, я поиграю.

Ему было восемь лет. Бабушка боялась, что испортит, сломает, и не дала. Но желание играть на хомусе было настолько сильным, что Маржымал, понимая всю тяжесть совершаемого поступка, все же решился взять без спросу. Он знал, что бабушка кладет хомус под подушку, и взял его с собой, уходя на пастбище. "Я же не украл, просто взял на время, верну," - утешал себя. Бабушка хватилась - нет хомуса, расстроилась, подняла крик: "Где мой хомус? Кто взял мой хомус? Ваш сын взял, больше некому!.." А Маржымал был уже далеко и играл. Удивительным, волшебным был этот маленький инструмент. Кажется, он таил в себе все звуки весенней степи, окружавшей Маржымала, даже еле слышные шорохи. Но степь давно была уже в душе Маржымала, и все ее звуки, как очень родные звуки, и душа трепетно отзывалась на звучание хомуса. И казалось: и он сам, и степь, и хомус были в это время как бы одно живое существо. Он играл весь день, а вечером, возвращаясь с пастбища, спрятал хомус в щели скалы. Решил, что завтра сделает точно такой же для себя.

Дома отец спросил, где хомус. "Верни, весной нельзя играть, заболеешь," - запугивал он Маржымала. Н другой день, отправляясь на пастбище, Маржымал взял у отца старый нож и бамбук. Начал мастерить хомус. Один сделал - не звучит, второй - нет звука. Третий зазвучал, и не хуже, чем у бабушки. Вечером вернул бабушке хомус и заиграл на своем. Она удивилась: где взял хомус и когда научился играть? Так сделал Маржымал свой первый музыкальный инструмент и научился играть на нем. С этого все и началось, а может быть, и раньше. Ну а потом, как увидит какой-либо инструмент, не отступался, пока не научится играть.

В школе научился играть на балалайке, мандолине. Смастерил бызаанчи и играл на нем. Появилось пианино - начал и на нем подбирать народную мелодию "Дээн-дээн". А как услышал на патефонной пластинке лучших мастеров горлового пения, начал петь сам.

Когда учился в педучилище, приехала из Москвы учительница музыки. Играла на пианино. Очень красивая была. каждый день новое платье надевала! - это ведь очень важно, когда человек во всем стремится к красоте, даже и внешне. Начала с того, что всех вызвала и знакомилась, кто на чем играет. Почти всем трем курсам поставила двойки. Многие плакали, хотя были взрослые люди. Отговаривали Маржымала: "Не ходи к ней". Он сказал: "Я играю с сороковых годов", пошел. Она сидит красная, расстроенная. Спрашивает: "На каком инструменте играете?" - "На балалайке немного играю, башки." Сыграл "Подгорную", она засияла: "А на пианино?" Сыграл "Дээн-дээн".

Другие оправдывались: "Нас не учили музыке." Она сказала: "А товарищ Ондар почему хорошо играет?" Поставила пятерку, сказала: "Тебе будет легче работать с детьми". Потом всем поставила тройки и сказала всем: "Не знаете музыки - как будете работать с детьми? А Ондару будет легко работать, хотя он и играет только по слуху." Действительно, Маржымал не изучал нот, и теперь не знает. Ориентируется, конечно, но не профессионально. Знает гаммы, фа низкое, высокое, но все на слуху.

Играет почти на всех тувинских музыкальных инструментах: на бызаанчы, игиле, дошпуулуре, чанзы, чадаганс, хомусе, лимби. И на русских народных - балалайке и мандолине. Однажды на сибирском фестивале его премировали скрипкой. Посмотрел на нее, полюбовался, погладил, взял смычок и заиграл, как на бызаанчы. А как мастер горлового пения владеет всеми основными его стилями - хоомеем, сыгытом, каргыраа и даже такими редко исполняемыми как эзенгилээр и борбаннадыр. "Ну, есть и получше меня, - думает Маржымал, - в игре на хомусе и бызаанчы до сих пор никто не превзошел Кара-Сала Ак-оола. Так, как он играл, никто не играл и не играет."

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Между тем школьный двор постепенно заполняла жизнь. Первой прошла в школу его жена Хор. Более тридцати лет она работает техничкой. Раньше, когда не было водяного отопления, сама рубила и таскала дрова, топила печи. Но для школьников она была не просто техничкой, но и воспитательницей требовательной и тактичной.

Да, жизнь продолжалась так, как будто в ней ничего не произошло. Ничего не изменилось, как будто гибель его сына не имеет для нее никакого значения. Так же шли учителя и ученики в школу, как шли, когда Алдын-оол был жив и шел вместе с ними.

Учителя и ученики шли в школу, и проходя мимо, все здоровались с Маржымалом, и в каждом приветствии звучало не только уважение к учителю, но и участие в его горе, хотя об этом прямо и не говорилось. Почти все учителя учились в этой школе, и он хорошо помнил их школьниками на своих уроках труда. И теперь, когда кто-то из них здоровался, то он, отвечая на приветствия, видел перед собой не только учителя, взрослого человека, но обязательно возникал и другой образ - озорного мальчишки, мешавшего ему проводить урок, или невозможно серьезной школьницы в чистой отглаженной форме, с аккуратно заплетенными косичками. И все они, идущие по школьному двору, и учителя, даже и поседевшие, и учащиеся из младших и старших классов,- все они были для него как родные дети и каждый был любим и дорог ему. И каждый вызывал у Маржымала свои особенные воспоминания и свои особенные чувства.

Прошла Валентина Торукпаевна Ондар, директор школы и преподавательница математики и физики. Стройная с живыми черными сверкающими глазами, очень молодой и красивой выглядела она, хотя уже проработала в школе более 20 лет. И она, и ее сестра Мамаа Торукпаевна Ховалыг, тоже учительница физики и математики в этой же школе, с еще большим стажем, и еще семь их сестер, все были ученицами Маржымала. "Удивительная все-таки семья Торукпая Ондара,- подумал Маржымал.- Девять дочерей, и все - отличные учительницы."

Подошла Александра Бораевна, тоже учившаяся у Маржымала, а потом учившая всех его детей русскому языку. Маржымал Очурович уже издали заметил Александру Бораевну. И пока она подходила, успел увидеть ее и маленькую, полненькую, очень активную, очень бойкую, даже и озорную черноглазую девочку с кругленькими щечками, с большими белыми бантами в черных косах,- такой она была, когда училась у него,- и увидел и то, во что эта девочка теперь превратилась,- немолодую полноватую женщину в строгом темном костюме и в темной же, очень старомодной, с небольшими круглыми полями, шляпке, какие носят многие сельские учительницы. Маржымал Очурович пытался как-то объяснить для себя пристрастие своих коллег именно к таким шляпкам и пришел к выводу, что, видимо, эти шляпки были куплены давно, когда обладательницы их были еще молодыми, да так и остались, и старились вместе с ними. При большой загруженности работой и семьями некогда было следить за модой, ну да и привычка людей к вещам тоже имеет значение.

И в свои детские школьные годы, и теперь Александрия Бораевна часто встречалась со своим учителем, и каждая встреча, независимо от того, где она случалась - во дворе школы или в самой школе, или еще где, и независимо от того, о чем они говорили и какое у нее было настроение, всегда делала ее духовно сильнее, усиливала и поддерживала то равновесие души, без которого трудно жить, работать, правильно решать непростые вопросы жизни. Такое воздействие Маржымала испытывали и другие люди, взрослые и дети. Но и она, и другие люди, если бы их спросить, не смогли бы объяснить, почему и как это происходит, в чем тут скрытая таинственная сила Маржымала, тем более, что в его внешнем облике нет ничего особенного, броского, яркого, а с первого взгляда - вроде бы, и ничего примечательного. Он среднего роста, широк лицом, вообще всей фигурой, в движениях нетороплив, несуетлив. Встретишь где-нибудь, посмотришь, и скорее всего, не удержишься на нем взгляд, вроде бы и не за что зацепиться: все обычно, обыкновенно. Мало ли встречается таких стариков. И надо приглядеться к нему, чтобы заметить, что его карие маленькие глаза светятся живым умом, добротой, радостью общения, молодым и даже и озорным блеском, что он общителен, но не навязчив. Надо пообщаться с ним, чтобы заметить его крайнюю отзывчивость на настроение людей, на состояние их души; его сохранившуюся, кажется, с самого детства способность удивляться окружающему миру; его открытость в разговоре и крайнюю осторожность и щепетильность в оценке людей, их поступков; наконец, выразительность его речи, насыщенной юмором, народными оборотами и присловьями, разнообразными интонациями, неожиданными поворотами мысли. По-видимому, все это и создает особую атмосферу общения, особое поле духовного взаимодействия, а в конечном счете, может быть, и особое БИОПОЛЕ, благотворное для души человека. Ведь известно, как угнетают, можно сказать, убивают душу недоброжелательство, невнимание, равнодушие, злоба, несправедливость - потому что они создают другое поле взаимодействия и другое биополе.

Подошла Александра Бораевна в своей знаменитой шляпке. Поздоровались, поговорили. Большое было желание у Александры Бораевны еще и еще раз посочувствовать Маржымалу Очуровичу, но не решилась, потому что прошло уже несколько дней после похорон Алдын-оола, и много было пережито, и надо ли снова открывать едва затянувшиеся или даже и еще кровоточащие раны в душе. Да и очень хорошо знала она характер своего учителя. Знала, что обычно он не сетует, не жалуется на какие-то личные невзгоды и никогда не показывает случившиеся в жизни тяжелые состояния души. И не потому, что не хочет, чтобы с ним разделили его горести и печали, а чтобы не омрачать жизнь других людей. Этим он всегда напоминал ей другого учителя - известного тувинского поэта Леонида Борандаевича Чадамбу, который, как рассказывала его дочь Айлана, советовал ей: "Ты, дочка, никогда не показывай

своего плохого настроения другим людям. Мало ли что? Люди разные бывают, иной и заболеть от этого может."

Ничем не напомнила Александра Бораевна Маржымалу о погибшем сыне, опасаясь: усугубить и без того непроходящую боль утраты, но и оставлять его одного таким одиноким, несчастным, наедине со своим горем не решилась, пригласила к себе на урок литературы. Знала, что и на уроке не обойдется без разговора об Алдын-ооле, но этот разговор может быть и утешительным в чем-то для Маржымала.

Как вошел в класс, Маржымал Очурович увидел большой стенд, сделанный руками детей, посвященный жизни и подвигу Алдын-оола Ондара. Он прошел к задней парте и, сев за нее, оказался как раз напротив портрета сына, нарисованного с фотографии, присланной из Афганистана. Худой загорелый солдат в военной шляпе с круглыми полями смотрел на отца серьезным взглядом, и Маржымал, не отрываясь, смотрел прямо в его глаза. И узнал родные мальчишеские черты, в которых еще много оставалось от тепла и света детства, но появилось в лице и что-то новое, неизвестное, из того мира, в котором Алдын-оол жил последнее время и которого Маржымал не видел и не знал. Прямо из детства попал Алдын-оол в пекло войны и полной мерой познал всю гнусность и мерзость убийства людьми друг друга. И сам жил по законам войны, утверждающим жестокость, беспощадность, бесчеловечность, и все это не могло пройти для него бесследно. Кто знает, каким после этого стало его сердце, но лицо изменилось: жестокость, суровость, решительность потеснили детские черты, мужчина оттеснил в нем ребенка.

Занятый своими мыслями, Маржымал Очурович отключился от всего окружающего и не воспринимал происходящего в классе. Он был как бы один на один со своим сыном и со своим горем и очнулся только, когда услышал голос Александры Бораевны и понял, что она рассказывает об Алдын-ооле:

-...Вот за этой партией, вот, четвертой от меня слева, сидел. Я и сейчас вижу его лицо, открытое, веселое, доброе. Когда говорил, глаза смеялись и ямочки на щеках появлялись... У него была хорошая душа. К девочкам относился мягко, с уважением, никогда их не дразнил, не обижал. Хорошо учился, попусту не бегал, много знал стихов наизусть. А когда изучали Николая Островского, выучил отрывок из романа "Как закалялась сталь", тот самый, о главном в жизни. Ему нравился этот отрывок. Хорошо изучил русский язык, уже из Афганистана написал сестре: "Из тувинцев я здесь один, русский язык в школе изучил хорошо, поэтому не встречаю в этом трудностей." Его мама, Хор Дагбаевна, передала мне эти слова, они согрели мое сердце.

Наш Алдын-оол,- говорила Александра Бораевна,- начал теперь вторую жизнь, которая принадлежит уже всем людям. Память о нем, о его подвиге живет и будет жить вечно, щедро питая души людей величиим, силой и красотой его души, его жизни.

Дрожит голос у Александры Бораевны, и видно, что она с трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться. Сильное волнение захватило весь класс. Ведь в нем все знали и помнили Алдын-оола. У некоторых девочек покраснели лица, у других побледнели, у многих на глазах слезы, а одна не выдержала и заплакала. Мальчишки нахмурили брови, смотрят сурово. Один Алдын-оол с портрета смотрит на всех спокойным взглядом.

Надрывается от тоски сердце Маржымала. "Сынок,- мысленно разговаривает он с Алдын-оолом.- Ты никогда не узнаешь, как любят тебя в Бора-Тайге, и не только мать и отец."

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Закончился урок, класс опустел и Маржымал Очурович остался один. Он думает о судьбе сына и все больше осознает, что не случайна гибель Алдын-оола в Афганистане. Так он был воспитан, что не мог уклониться от выполнения высокого гражданского долга перед Родиной, перед своим народом. Так воспитывали его отец и мать, и школа, и весь настрой жизни в то время.

Он вырос в большой семье и привык делать разные работы и заботиться о младших братьях и сестрах. В доме всегда звучала музыка, Алдын-оол слушал ее с колыбели, и с этой музыкой входила в его внутренний мир нравственная чистота и красота души народа.

Нравственно и физически он был подготовлен семьей и школой, честно и добросовестно трудиться на любом участке. Его судьбой стал Афганистан.

"Афганистан, видно, судьба моя,"- написал он в одном из писем домой. Как он понимал это - судьбу- неизвестно. Но известно, что это не было случайностью. Он сам выбрал, сам сделал эту судьбу, готовился к ней, и это определялось всем гражданским и нравственным настроем его как человека, как личности. Он учился в десятом классе, когда из Афганистана вернулись его двоюродные братья Геннадий, Чечен-оол, Юрий. Алдын-оол был на встрече с ними в клубе и подробно расспрашивал, как воевать и как это можно - убить человека? Уже в это время он понимал всю нравственную тяжесть и ответственность такого чрезвычайного акта, как убийство человека, даже на войне, и задумывался об этом. А придя с этой встречи домой сказал:

-Мама, я буду служить в Афганистане.

-Трудно там, сынок,- тяжело вздохнула Хор Дагбаевна.- Вон, Юру ранили и ... убивают там.

Но он понимал всю вероятную возможность воинской службы в Афганистане и готовился к ней. Много занимался спортом, ходил с ребятами в туристские походы на гору Кара-Даг и озеро Сут-Холь, неоднократно занимал первые места в хуреше. Был награжден серебряным значком ГТО. В аттестате о среднем образовании по трудовому обучению, физической и начальной военной подготовке имел пятерки.

-В Афгане, когда в гору шли,- рассказывал прапорщик Сигитас Виткачюскас, это он привез в Бора-Тайгу цинковый гроб с телом Алдын-оола,- всегда Ондар был впереди. Я удивлялся, а потом понял: он же вырос среди гор.

В письмах из Афганистана Алдын-оол не писал о трудностях воинской службы. Писал, что здоров, что служба идет хорошо, только очень жарко в Афганистане. Заботился о младших братьях и сестрах, советовал им больше заниматься спортом и хорошо изучать русский язык. Спрашивал, как живет мать его друга Сылдыс-оола, служившего на флоте, как ее здоровье и просил передать ей горячий привет. Одноклассницу, любимую девушку Урану, у которой не получалось с учебой в институте, успокаивал: "Это ничего, приеду, будем вместе учиться." Интересовался, как идет сноκος, когда будет поставлен в поселке новый Дом культуры.

Об опасностях боевой службы ничего не писал, хотя участвовал во многих операциях и был награжден медалью "За боевые заслуги". Таким было и его последнее письмо 6 октября 1987 года. Но было в этом письме и волнующее, радостное для родителей известие:

"Приближается такое время, что скоро я приеду,- писал он.- Приказ уже подписан, в начале ноября буду дома. Мать и отец, берегите свое здоровье. Скоро я, как горный орел, прилечу в свое родное село. Хорошо встречайте меня, отец и мать! Пока до свиданья. Ваш сын, демобилизованный из Советской Армии."

А вскоре, почти вслед за этим письмом пришло известие из воинской части, что "гвардии младший сержант Ондар Алдын-оол Маржымалович 10 октября 1967 года рождения, выполняя боевое задание, верный воинский присяге, проявив стойкость и мужество, был тяжело ранен и умер 19 октября 1987 года."

Хор Дагбаевна и Маржымал Очурович пожелали узнать как погиб их сын. Об этом им сообщалось в другом письме:

"Во время сопровождения колонны через зеленую зону провинции Кандагар боевая машина, на которой находился младший сержант Ондар А.М., подорвалась на mine и была обстреляна мятежниками из стрелкового оружия и гранатометов. Будучи тяжело ранен, Алдын-оол огнем из личного оружия прикрывал группу, которая эвакуировала раненых и погибших товарищей в безопасное место. Он лично уничтожил огневую точку противника, но потерял в бою много крови. Спасти его не удалось.

...Вы можете гордиться своим сыном. Он погиб, прикрывая своих боевых друзей. За этот подвиг товарищ Ондар А.М. награжден орденом Красной Звезды."

Алдын-оол вернулся в родное село, где так ждали его мать и отец, братья и сестры, любимая девушка Урана и все односельчане. Вернулся, чтобы остаться здесь навсегда. От самого Кандагара, из Афганистана до Бора-Тайги, провозжал его в последний путь товарищ по оружию, гвардии прапорщик Сигитас Виткачюскас. Он и говорил прощальные слова на траурном митинге в новом здании сельского Дома культуры - того, где директором старший брат Алдын-оола Юрий Ондар.

Приехали проститься с Алдын-оолом семеро воинов, проходившие вместе с ним службу в учебном подразделении в Ашхабаде, а затем и в Афганистане, только в разных частях. Маржымал Очурович попросил каждого написать что-нибудь о себе.

"Попал в Афганистан по собственному желанию",- написал сержант Бичелдей Саая, сын чабана из Барум-Хемчика, десятый в семье. Он был разведчиком, десантником. Теперь - студент Кызылского филиала Красноярского политехнического института.

Вся школа, все село прощалось с Алдын-оолом. Тяжелое это было прощанье. Маржымал Очурович до самого конца не верил в смерть сына.

-Нет, нет,- говорил он над закрытым гробом.- Это не он. Вот же письмо, сын пишет, что приедет...

Да, кажется и теперь он все еще не примирился с мыслью, что нет больше Алдын-оола. Смотрит отец на китель сына с боевыми наградами, на его фотографии разных лет и вдруг снова упорно утверждает:

-Он - живой.- И в голосе его звучат одновременно и горькое отчаянье безнадежности, и убежденность в правде этих слов.- Он как бы живой,- поправляет себя тут же Маржымал

Очурович. И неуверенно добавляет:- ведь говорят же: герои не умирают.- Молчит долго, отрешаясь от всего и сосредоточиваясь на возможности этой утешительной мысли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

-Я больше люблю лиственницу. Из нее все можно сделать - и дом, и мебель, да и дровами хороша. А тополь люблю, потому что раньше из него тувинцы делали посуду: доска - бочку для хойтпака, хуун - ведра, маленькие и большие, шуурун - бочонок для араки. Тополь мягкий, не расколется. И березу люблю: из нее делали седла, топорща, остов юрты, она крепкая. А из ели и кедра делают музыкальные инструменты. Ель дает хороший звук. Когда отшлифуешь, она дает хорошую текстуру, покрось лаком - красиво! А пихта - лекарственное дерево, и смолу дает. Из черемухи вкусные блюда получаются. Раньше ее сушили, мололи, смешивали с пенкой кипяченого молока или сметаной и получался чокпек, вроде халвы. Пробовали?

Идет урок труда в производственной мастерской школы. Маржымал Очурович рассказывает ребятам об использовании человеком природных материалов в труде и в быту. Познания его поистине энциклопедичны. Они накапливались постепенно, начиная с самого раннего детства. Поэтому и рассказ его бесстрастный. О каждом дереве, растении, животном он рассказывает обстоятельно и точно определяет назначение его в жизни человека и свое личное отношение к нему.

-Вот, например, как используются различные древесные породы и другие материалы при изготовлении музыкальных инструментов,- продолжает рассказ Маржымал Очурович.- Здесь, в нашей мастерской, есть разные заготовки из дерева. Некоторые выдерживаются годами. Вот дека из березы и тополя, для пробы: что будет лучше звучать? Грифы из ели и лиственницы, шесть лет хранятся. Гриф из ели прогнулся, в нем есть желтый слой, он более твердый и, видимо, перетянул другие слои. А что лучше будет звучать - Неизвестно пока. Светлый слой в дереве - весенний, а желтый - осенний. Вот игил, смычковый инструмент, он сделан из ели. Еловые доски лежали на школьном складе сорок лет. Хороший игил получился! На деку натягивается шкура козла, тайменя, а лучше двухгодичного теленка. Тайменья шкура после дождя портит настрой. Раньше делали натяжку из кожи морды коня. Конь всегда в движении, в быстром движении его обдувает ветер, конская шкура тонкая, даже тоньше, чем у тайменя. И прочная. Поэтому раньше жерди юрты связывали ремнями из конской кожи.

Я как увижу музыкальный инструмент, сразу узнаю, из какого дерева он сделан, какая была сушка, естественная или искусственная, и как он должен звучать. У каждого мастера свой секрет: какое дерево для чего пригодно, сколько его выдерживать, куда ставить, каким лаком покрывать все надо знать.

Под Москвой есть старик, делает балалайки, гармони, и они лучше фабричных звучат. Я слышал об итальянском мастере, он делал скрипки, давно делал, сотни лет назад. И они до сих пор славятся, И никто не знает их секрета.

У тувинцев есть пословица: "Где передняя нога, там и задняя нога", это о лошади и о других животных, о волке, лисице, но это и человеке. Как отец ступает, так и сын. У меня были в роду мастера, я у них учился и иду за ними след в след.

Маржымал Очурович изготавливает почти все тувинские народные музыкальные инструменты, не делает только буюкуру, тувинский кларнет, но этот инструмент стал редкостью, единственный экземпляр его хранится в краеведческом музее. А лучше всего получается у Маржымала дошпулуур, двухструнный щипковый инструмент, очень распространенный и любимый тувинцами и в прошлом, и теперь. Нередко обращаются к Маржымалу Очуровичу учреждения искусства и культуры с особенно ответственными заказами.

Был такой случай в его жизни: Ленинградский этнографический музей обратился в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории с просьбой помочь в приобретении тувинского бубна - дунгура для подарка японцам. Найти шаманский бубен с украшениями было не просто. Научный сотрудник института Ондар Киш-Чалааевич Дарыма сказал, что такой бубен может изготовить Сут-Хольский мастер Маржымал Ондар. У Маржымала Очуровича такого бубна не было. Был один такой бубен, изготовленный еще его отцом, у шаманки. Ленинградские ученые осмотрели этот бубен и сказали, что он представляет большую этнографическую ценность как памятник старинной тувинской музыкальной культуры и его нужно сохранить в музее. А для японцев изготовить точный дубликат. И Маржымал Очурович сделал, и его бубен был отправлен в Японию, а отцовский остался в Ленинграде.

По заказу республиканского центра народной культуры изготовил он музыкальный инструмент чанзы для выступлений молодого исполнителя горлового пения Геннадия Чаша в США.

Впрочем, свои достижения в изготовлении музыкальных инструментов Маржымал Очурович оценивает скромно:

-Есть и другие мастера,- говорит он.- Например, Хомушку Идамчап Сюрюнович. Из Бай-Тайги, в Тээли живет. В изготовлении хомуса с ним никто не сравнится. А Кужугет

Балдан Ленчаевич из Кара-Холя - большой знаток и умелец в изготовлении шаманских и ламских музыкальных инструментов. Правда, сам он не играет на них.

Мыржымал Очурович владеет многими ремеслами, сам делает для себя и учеников рубанки, фуганки и другой столярный инструмент и учит этому детей: не только действовать разным инструментом, но и изготавливать его. Впрочем, он строго реалистически оценивает и свои способности в каждом ремесле:

-Столярное дело я лучше знаю,- говорит он.- Знаю, как сделать двери для юрты или дома, косяки, рамы, этажерки, полки.

И тут же, вроде бы и виновато улыбаясь, признается:

По металлу хуже умею, "на троечку". Я ведь в училище этому не учился, до всего доходил самоучкой, да в книгах много узнал, есть такие книги, вот здесь, на полочке. Учусь сам и вас учу.

Хороший мастер,- заключает Маржымал Очурович,- такой инструмент делает, что вещи эти его переживут и послужат его сыновьям и внукам.

-Вот кержек,- показывает он небольшой инструмент с деревянной ручкой из сучка и железной насадкой в виде изогнутого ножа.-Его сделал мой отец, Аскак-дарган, хромой кузнец. Много пришлось потрудиться этому кержеку,- даже ручка стерлась, стала тонкой-тонкой, ничего, я сделал новую, из березы. Вот можете использовать в работе. Он передает кержек мальчишкам, и они уважительно рассматривают инструмент, передают друг другу. Каждому хочется прикоснуться к этому удивительному ножу.

Заканчивая урок, Маржымал Очурович раздает задания ребятам, каждому свое, по интересам. В мастерской разные станки и инструмент, и здесь можно научиться столярному, слесарному, токарному делу, паянию, художественному выпиливанию, выжиганию, работать с деревом, металлом, картоном.

На уроках слесарного дела ребята учатся изготавливать петли, крючки для дверей, шарниры, угольники для рам, делают из проволоки подставки под утюги, чайники, а из жести - тазы, ведра. На уроках столярного дела - табуретки, столы, шкафы, тумбочки, деревянные рейки и стеллажи для оформления школы.

Делают деревянные лопаты убирать снег и навоз, они чабанам очень нужны и летом на току, зерно подгрести. В прошлом году сдали в магазин триста авторучек, ученических и сувенирных, заработали 90 рублей. А всего 200 рублей, деньги от продажи изделий идут на спецсчет школы.

В мастерской, на специальных стендах, представлены лучшие изделия учеников. Чеканка по жести Ховалыга Байыр-оола "Вечный огонь": изображены Спасская башня Кремля и звезда Героя Советского Союза в языках пламени. Другая его работа изображает памятник советским воинам в Трептов-парке в Берлине. Байыр-оол учился в одно время с Алдын-оолом, в армии служил в Казахстане. На стенде выжигания по дереву - портрет Ленина, сделанный Монгушем Шолбаном. Он тоже отслужил на Дальнем Востоке. Работа Андрея Семис-оола - маралуха, защищенная ладонями, и слова М.Пришвина: "Все прекрасное - от солнца и все хорошее - от человека." Есть здесь работы и детей Маржымала Очуровича. Дочь Чойганмаа в школе хорошо рисовала и выжигала по дереву. На стенде - ее работы "Голубь мира", сказочная птица, рыба. Чойганмаа окончила учебно-производственный комбинат и работает в Кызыле, в ателье. Пригодились ее художественные способности. Набор молотков и топоров сделал сын Маржымала Алексей, а набор отверток и кисточек - Алдын-оол...

Многие ученики Маржымала Очуровича стали учителями. Есть среди них и учителя труда. Его ученик Тюлюш Дыртый-оол, учитель труда Алдан-Маадырской школы, в 1984 году, на смотре детского технического творчества, переиграл своего учителя: работы его учеников заняли первое место, а учеников Маржымала Очуровича - второе. Посмеиваясь, Маржымал вспомнил, как пошутил тогда, сказал Дыртый-оолу: "Я - твой учитель, мне 60 лет, ты уж уступи мне первое место." А тот серьезно ответил: "Бери, бери, башки, я все равно буду еще занимать первые места".

Маржымал Очурович следит, как действуют его ученики, и незаметно для себя задумывается, вспоминает, как начинал он, молодым, работать учителем труда. Что-то часто он стал вспоминать, обращаться к прошлому.

Глава шестая

Когда Маржымал отслужил в армии и вернулся в Туву, он был направлен учителем начальных классов в Алдан-Маадыр. Директором школы там работала в это время горьковчанка Командрина Евстолия Михайловна. Вообще в поселке тогда было много русских. В одном домике с Евстолией Михайловной жили ее подруги, тоже учителя и тоже горьковчанки Беляева Маргарита Петровна, преподававшая немецкий язык, Шумова Мария Емельяновна, учительница русского языка, все молодые, веселые, много знали и много умели. Мария Емельяновна хорошо рисовала, умела выпиливать лобзиком, выжигать по дереву, вышивать. Маржымал учился этому у нее и потом сам учил детей.

Евстолию Михайловну все любили: и ученики, и механизаторы, и чабаны, и даже кайгалы. Давала деньги в долг и никогда не спрашивала обратно. Быстро выучила тувинский язык, ходила по интернату, разговаривала с учениками. Спрашивала: "Как у тебя дома? Как отец живет? Не трудно ли учиться? В чем затруднения?" Приводила учеников к себе домой, беседовала с ними. Маржымал слышал, как один мальчишка сказал другому: "Сегодня я пойду к директору, завтра Сарыг-оол пойдет."

В 1957 году она сказала ему: "Очурович, будешь учителем труда". Он смутился: "Не смогу." - "Сможешь, у тебя хорошие руки. Ты уже - учитель труда." Он тогда учил детей делать рамки и даже бызаанчы.

Но помещения для мастерской не было, а начинался учебный год. Евстолия Михайловна сказала: "Очурович, давай построим мастерскую." Начертили план мастерской, разметили площадку 6 на 8 метров, начали строить. Строили все: колхозники, учителя, технички, учащиеся седьмых-восьмых классов, - школа была восьмилетняя. Саман и глина были недалеко. Колхозники делали из самана кирпичи, большие, 50 на 60 сантиметров. Строили без цемента, его не было, разводили раствор из глины и клали кирпич на кирпич. Шофер колхоза Монгуш Бавуу был хороший мастер, - и столяр, и все умел. Вдвоем с Маржымалом они изготовили стропила, косяки, рамы, двери. Печку Бавуу тоже сам сложил из кирпича. Праздник сорокалетия Великого Октября проводили уже в мастерской. Пол не успели покрасить, но хорошо вымыли. Собрались все строители.

Оборудования для мастерской не было. Евстолия Михайловна подсказала учителям: у кого какие инструменты есть - рубанки, фуганки, топоры, пилы-ножовки, - все принесите в мастерскую. Собрали много, можно стало работать. А верстак сами сделали из досок.

На первом уроке Маржымал начал учить ребят строгать рубанком, объяснил, показал, как отмерять, обрезать, строгать.

Прошло немного времени, Евстолия Михайловна говорит: "Очурович, давай делать вешалки для школы, для каждого класса, для интерната." Сделали. Тогда она говорит: "Давай, Очурович, сделаем для интерната шкафы под одежду." Сделали шкафы. Потом делали тумбочки, тоже для интерната, и этажерки, много этажерок. Для ребят это была и учеба, и труд. На следующий год завезли верстаки и другое оборудование для мастерской, инструмент. На районной выставке изделий школьников заняли первое место.

Сами делали и пристройку к столовой. Маржымал с завхозом, конюхом заготавливали лес, а уроки труда в это время проводила за него сама Евстолия Михайловна.

Здоровый был, хорошо ел, ну, и грузил лес хорошо. Когда приезжал из леса, Евстолия Михайловна встречала: "Прилетел, орел? Рассказывай, как там у вас дела."

Тогда же создали пришкольный участок, работами на нем руководила Назия Назиловна, татарка. Работал с русскими, украинцами, хакасами, татарами... Если всех собрать - куда посадить?..

Это - одно из любимых выражений Маржымала Очуровича. Глубоко живет в нем память о дорогих людях: всех бы собрать, повидаться, поговорить со всеми.

Это было очень счастливое время его жизни. Он жил и работал в очень дружной учительской семье, его труд был нужен, он делал людям добро.

И в своей семье он был счастлив

Глава седьмая

И до службы, и во время службы в армии Маржымал, при всем его боевом характере, был очень робок в отношениях с девушками. Товарищи по службе постоянно подшучивали над ним по этому поводу, в особенности после одного случая.

Недалеко от части жила семья. Хозяин и его дочь Лида, красивая, стройная девушка с длинными черными косами, выполняли разные хозяйственные работы для части. Однажды Маржымал был в наряде, топил баню для бойцов. Истопив, ненадолго отлучился, а когда вернулся и открыл дверь, увидел, что кто-то в бане уже моется. Непривычная, ослепляющая

белизна девичьего тела, округлые нежные линии, длинные черные волосы ошеломили его: Лида!

- Заходи, Маржымал! Иди сюда! - услышал он звонкий задорный голос. Быстро, с силой захлопнув дверь, скорым шагом пошел прочь от бани. Сердце гулко стучало в висках, колотилось, кажется, в каждой клеточке тела. Испугался! Может быть, единственный раз за всю жизнь. А Лида после этого, встречаясь с Маржымалом, всегда смеялась, но не зло, не схибно, а добродушно, даже с сочувствием, и все пыталась: "Что, испугался?.." Впрочем, смеялась вся часть. Каким-то образом стала известна эта история.

После армии Маржымал некоторое время жил холостяком на квартире у Сарыглара Карма, - тот был директором школы до Евстолии Михайловны. Пришло время обзаводиться семьей, девушки поглядывали на него и заводили об этом разговоры. Заведующая медпунктом Галя, русская девушка, тоже, как и учителя, из Горьковской области, как-то предложила ему жениться на ее подруге-учительнице, а он, отшучиваясь, сказал: "А может, я на тебе хочу жениться?" - "А что? Я соглашусь!" - с вызовом сказала Галя. Но он не торопился, как будто кого-то ждал.

В клубе на танцах встретил юную Хор. Отлично играла на балалайке! Она и сама по себе была хороша тонкими правильными чертами лица, живостью и в то же время строгостью поведения. Хорошо танцевала. Но вот игра на балалайке - это было едва ли не решающим обстоятельством для Маржымала, для мгновенно вспыхнувшего в нем чувства восхищения девушкой. Он смотрел на нее неотрывно и уже любовался ею, наслаждался ее игрой. Был еще в военной форме. И тут кто-то предложил: "Дадим военному человеку, нашему башки, балалайку, послушаем, как он играет." Это было, конечно, как бы испытанием: посмотрим, мол, чего ты стоишь, учитель. Балалайку Маржымал впервые увидел в пятом классе, в Шаганаре, тогда и научился на ней играть. В армии, в части, где он служил, были балалайки, мандолины, гитары, и Маржымал основательно освоил игру на этих инструментах, даже участвовал в концертах. Играл хорошо. Но тут, в клубе, немножко поломался, пошутил, что вот, мол, не умею играть. Тут стали еще настойчивее просить, и он заиграл "Сибирскую подгорную". Все притихли, слушали, потом начали танцевать. Поиграв на балалайке, Маржымал вернул ее Хор, и она, поиграв, сделала то же самое - поднесла ему балалайку. Так они играли поочередно и передавали балалайку друг другу, а вместе с ней - что-то и еще, очень важно для них, о чем они не говорили ни слова, но уже чувствовали это в изумленных взглядах, в обжигающих прикосновениях рук, - вторжение самой судьбы в их жизнь.

Да, все вроде бы началось с балалайки. Она как бы соединила их, чтобы никогда не разлучать.

Парни и девушки, когда расходились с танцев, говорили: "Учитель молодец. Хорошо играет." На другой вечер Маржымала уже специально пригласили. Он не только хорошо играл, но и танцевал краковяк, подгорную, вальс. На этом вечере они поговорили. Маржымал узнал, что у Хор нет матери, живет в юрте у старшей сестры, а в соседних юртах живут ее отец, брат, другие родные. Он написал ей письмо и предложил пожениться, на что она ответила тоже письмом: "Я не знаю. Отец знает. Старшая сестра знает, дядя и брат знают." Конечно, в этом письме не было прямого отказа, скорее было согласие. Но Хор давала понять, что по старинному тувинскому обычаю с таким важным делом нужно обращаться к ее родителям, старшим родственникам.

Узнав об этом Сарыглар Карма сказал: "Все ясно. Пойдем сватать. Кто пойдет? Я, Монгуш Пюрбю, он уполномоченный из райисполкома, фронтовик, твоя родня. Еще Кара Очур пойдет, он председатель колхоза, Кара-Чыраа, друг твоего отца. Еще попросим Виктора Шогжаповича Кок-оола, он поэт, артист, известный, уважаемый человек." Виктор Шогжапович тогда писал пьесу "Самбажык" и жил в родных местах Шестидесяти богатырей, тоже на квартире у директора школы. Очень авторитетные собрались сваты. Зарезали барана, взяли с собой угощенье и пошли. Маржымал остался дома, ждал.

Сваты договорились, получили согласие, и скоро была свадьба по тувинскому обряду. Очень красива была Хор, когда ввели ее в юрту в нарядном халате, в свадебной фате - тумалай, с тремя по обычаю заплетенными косами, скрепленными чавагой. И чавагу, и перстни "с глазами" изготовил Ондар Чонга. Все запели свадебную песню, а Маржымал смотрел, любовался и не мог налюбоваться своей невестой. По обычаю они взяли друг друга за руки, и родители повязали их руки платками. Потом Маржымалу дали вареную баранью губу, он стиснул ее зубами, а Хор должна была попытаться откусить от нее хотя бы кусочек. Очень смешно это было, но Маржымал и Хор не смеялись, потому что это было серьезное дело: в это время родные смотрели и определяли, счастливой ли будет жизнь новобрачных. Очень много красивых обрядовых песен звучало во время свадьбы. А в конце ее родители новобрачных и сваты пели: "Сваты мои спокойны, спокойны, сватам моим здоровья желаю". Величаво и торжественно звучала мелодия древней обрядовой песни. Она утверждала создание новой семьи, выражала чувства уважения породнившихся семей друг к другу и радость, что свадьба прошла благополучно. В ней звучала надежда и даже уверенность в будущей счастливой жизни молодоженов.

Так, 27 марта 1954 года, поженились Маржымал Очурович Ондар и Хор Дагбаевна, тоже Ондар и по девичьей фамилии, и стали жить в маленькой избушке. Он учительствовал в первом классе, а она работала техничкой в той же школе. Тогда они, конечно, не знали, не могли знать, что впереди предстоит им долгая, нелегкая, но все-таки очень счастливая

жизнь, наполненная работой в школе, воспитанием детей и, конечно же, музыкой. Что Маржымал Очурович станет знаменитым на всю республику изготовителем тувинских музыкальных инструментов, прославленным на всю страну исполнителем народной инструментальной музыки и горлового пения, заслуженным учителем школы Тувинской АССР. А Хор Дагбаевна - матерью четырнадцати детей, Матерью-героиней. Веселая бойкая красавица Хор станет строгой и нежной матерью, преданной любящей женой на всю жизнь. И все они разделят вместе, все радости и горести жизни. И всегда будут рядом с ними и другие добрые, смелые, неравнодушные к чужому горю люди, готовые прийти на помощь в беде.

В том же году родилась дочь Люда, а через два года Юля. Когда ждали третьего ребенка, Хор Дагбаевна тяжело заболела. Требовалась срочная сложная операция. Из Кызыла не могли послать опытного хирурга. В это время в район приехал совсем молодой специалист хирург Николай Васильевич Сизых, он взял на себя ответственность - удачно сделал операцию, спас Хор. Родился сын Юра. Через год - еще сын, Саша, а затем через каждые два года рождались, и всего родилось шесть дочерей и восемь сыновей.

Четырнадцать детей в одной семье - факт, конечно, необычайный, даже и для тувинских, обычно многодетных, семей. В Туве многодетная семья - не редкость, и нередко многодетны они не только за счет своих, кровных детей. В случае какой-либо беды, приключившейся с родителями, дети не становятся сиротами: их сразу же, по установившейся многовековой традиции, принимают в свои семьи родственники отца, матери, и относятся к ним точно так же, как и к своим родным детям, не выделяя и не обделяя ничем. В тувинском языке даже и специальных слов нет для выделения родных и неродных детей: нет слов "пасынок", "падчерица", - все дети родные. Отец обычно не меньше, чем мать, проявляет внимания, нежности к детям, и они жмутся к нему. Отец, окруженный, как бы облепленный детьми, - довольно типичная картина в тувинском доме или юрте. И наряду с материнской колыбельной песней - опей ыры - есть специальные мужские мелодии в стиле хоомей, которыми отец убаюкивает ребенка. Вот и Маржымал Очурович для всех детей - очень добрый и заботливый отец.

Глава восьмая

С годами детей прибавлялось, семья не вмещалась в маленьком домике и к нему сделали пристройку. Потом и эта пристройка не выручала, и к ней пристроили еще одну.

Зарплата учителей в то время была ничтожно мала, и нелегко было Маржымалу и Хору обеспечить всем необходимым большую семью. Денег всегда не хватало, старались меньше покупать, а больше, - все необходимые продукты, одежду, предметы обихода, - производить сами. Как и многие учителя в селах, они держали скот - корову, козу, было свое мясо и молоко. Мебель тоже не покупали. Столы, шкаф, кровати, скамейки Маржымал делал сам, делал добротно, не на один год, и теперь эта мебель стоит в доме. Как пожениться, первым делом купили швейную машинку. Эта машинка до сих пор сохранилась и работает.

- Разные жены бывают, - задумался Маржымал Очурович. - Есть у тувинцев такая поговорка: "Плохая дверь - холод проникает, плохая жена - муж страдает."

У него так не было. Жена хорошая, и мужу хорошо. Всегда помогала в жизни. Детей вырастили, воспитали. Она всегда говорила детям: "Смотрите на отца. Он у нас башки, учитель, не подводите его." Никогда не ругала за поездки на фестивали, на концерты. "Поезжай, - говорила, - у нас много детей, будь хорошим человеком, и детям будет хорошо. Вырастут хорошими людьми."

А отлучаться из дому приходилось ему нередко. Уезжал надолго и далеко, не только в Чадан или Кызыл, но и в Москву, Новосибирск, Читу. Первая поездка в Москву была в 1979 году. Председатель сельсовета сказал: "Поедешь в Москву с ансамблем "Сыгырга". Маржымал удивился: "Почему я?" Собрали ансамбль в Чадане, 12 человек, сильные мастера были: Кара-Сал Ак-оол из Чыргаланды, солист на игиле, горловик в стиле хоомей; Хунаштаар Ооржак из Алдан-Маадыра, исполнитель в стилях хоомей и сыгыт; Дмитрий Очур из Кызыла, играл на хомусе и пел каргыраа; еще были три девушки-хомусистки. В Чадане порепетировали и выехали в Кызыл, там с ними занимались композиторы Алексей Чыргал-оол и Ростислав Кенденбил. Из Кызыла вылетели самолетом "ТУ-154", первый раз тогда он летел на таком самолете. Летят сразу 150 человек! "Весь наш интернат вместить можно", - прикидывал.

В Москве много собралось ансамблей из разных краев и республик. Были якуты, буряты, татары, узбеки, грузины. Готовился концерт к столетию Российского хорового общества. Снова были репетиции, режиссер Шароев из Азербайджана хвалил: "Молодцы, тувинцы, хорошо поете". Выступали во Дворце съездов в Кремле. Через год снова вылетели в Москву, участвовали в концерте на открытии Олимпийских игр. А еще через год выступали в концертном зале Останкино, в телевизионной программе "Радуга". Бывал и в Новосибирске, участвовал в Панораме сибирской музыки. А в Чите, на смотре самодельных театральных коллективов, в спектакле Чаданского народного театра "Красный поток" по драме Сергея Пюрбю сыграл роль сумонного чиновника, при этом пел и играл на бызаанчы.

Но и это не все. После уроков, бывало, ребята окружали Маржымала Очуровича, просили его: "Башки, научите меня, я хочу петь и играть, как вы." И Маржымал решил создать детский фольклорный ансамбль. Таких ансамблей в Туве прежде никогда не было. Не просто это - создать детский ансамбль, особенно горлового пения. Хочешь руководить таким ансамблем - сам должен быть хорошим певцом-горловиком, уметь играть на хомусе, дошпулууре, игиле, бызаанчы, уметь отобрать способных детей и научить их играть и петь сольно и в ансамбле. Да при этом учитывать их физические возможности и возраст: горловое пение требует большого физического напряжения.

Даже взрослый исполнитель, знает Маржымал Очурович, не выдерживает длительных периодов горлового пения, обычно не более 25 секунд. Только знаменитый певец Ооржак Хунаштаар-оол выдерживал 45 секунд в одной тональности - фа мажор. А дети поют в своем диапазоне короче, 10-12 секунд.

И еще Маржымал знает: у детей разные способности. Одни сразу все схватывают, мелодию, слова, другие хуже. Думается ему: музыкальность - редкий дар. Горловиком может стать каждый, но хорошим - редко кто. Так и у певцов: каждый человек поет, а хорошо - редко кто поет. Это и у камнерезов есть, нигде специально не учились, а мастера! Их принимают в Союз художников. Главное тут что: если ребенок не слышит в семье или где-либо музыку, он и не развивается в ней.

В октябре 1980 года Маржымал Очурович отобрал шесть мальчиков и шесть девочек и создал первый в республике детский ансамбль горлового пения - "Сарадак", "Мараленок". Мальчики пели в основном в стиле сыгыт, но были исполнители и в стилях каргыраа и хоомей. Девочки подпевали и играли на хомусах. В июле следующего года на республиканском конкурсе исполнителей горлового пения,- на него приезжали гости из Башкирии, Хакасии, с Алтая и даже из Прибалтики,- впервые прославился этот ансамбль. И с ним потом пришлось тоже немало поездить...

Хор собирала и провожала его во все поездки. Сама оставалась одна с детьми. Старшие ей помогали.

Он сочиняет песни, некоторые посвящает жене. Когда по радио или телевидению выступает, поет эти песни. Вот одна из них:

Будешь ходить по родным местам
и никогда не находишься:
такой уж чистый и прохладный воздух
в высокогорном Манчуреке!

Будешь хвалить и не нахвалишься,
до того она работающая,
героиня-мать,
милая моя Хор.

Жена ругается: "Опять про меня пел, старый дурак!" Но ей все равно приятно, он знает. Она и сама хорошо поет, играет на хомусе, балалайку тоже не забыла. Сколько раз вместе выступали на концертах в клубе в Бора-Тайге и на районных смотрах. А 23 апреля, в день его шестидесятилетия, устроили семейный концерт, в нем участвовали и дети - Юра, Чечек, Буян, Баяна...

Дети выросли и уходили в самостоятельную жизнь, и уносили в эту жизнь в себе, в памяти своего ума и сердца, главные богатства, которыми их щедро одарили мать и отец,- доброту, справедливость, чистоту души, жажду познания и жажду труда, понимание и постижение красоты жизни. Вся жизнь отца и матери была для детей той главной мерой, которой они проверяли свои мысли, чувства и поступки. Саша и Чечек закончили в Кызыле педагогическое училище, Саша пошел по стопам отца, "след в след", как любит говорить Маржымал,- стал учителем труда в родной Бора-Тайгинской школе. А Чечек учительствует в Чадане, растит дочь и сына. Можно сказать, что след в след за отцом пошел и сын Юрий: он служил в армии на Дальнем Востоке и там играл в ансамбле "Арион" на гитаре, теперь в родном селе директор Дома культуры. И жена у него хореограф там же, и из трех дочурок старшая учится в Кызыле, в школе одаренных детей...Отлично играет Юрий на чадагане, бызаанчы, хомусе, дошпулууре, гитаре, может и на баяне, аккордеоне, синтезаторе. При Доме культуры он создал вокально-инструментальные ансамбли, взрослый и детский, там звучат и тувинские национальные инструменты. Отец, помогая сыну, сделал для Дома культуры два девятиструнных чадагана. А лимби делали вместе.

На Курильских островах служил в армии сын Анатолий. Теперь он в Чадане, монтажник в ПМК. И у него две дочери. Отслужил в армии в ГДР и окончил потом сельскохозяйственный техникум Алексей. У него семьи пока нет. Буян-оол, Баяна, Белек, Виталина еще учатся... Только старшие, Люда и Юля, не получили специального образования. Люда в детстве тяжело болела и теперь на пенсии по здоровью, а Юля, как мать, в школе техничка.

Много тепла и света вносят в жизнь Маржымала Очуровича, Хор Дагбаевны дети и внуки. "Тепло обуеешься - ногам всегда тепло будет, нет - всегда холодно будет", есть такая тувинская поговорка, часто вспоминает ее Маржымал: это и о детях и родителях тоже сказано.

Но вот - не обошла эту семью большая беда...

Глава девятая

Никак не мог Маржымал примириться с гибелью сына. Умом, кажется, понимал, что сын погиб, выполняя свой воинский долг перед Родиной, что так было раньше, есть это и теперь и будет всегда: кому-то приходится жертвовать жизнью, защищая интересы Родины. И столько было таких жертв и в годы революции, гражданской войны и особенно Великой Отечественной войны, да и в мирное время, что, действительно, кажется, можно и привыкнуть к мысли, что такие жертвы естественны и обыкновенны. Что уж тут поделаешь? Кому-то выпадает и такая доля, и кому бы она ни выпала, надо ее принимать, в страдании, в муках, но принимать как неизбежность.

- Но что нам было нужно в Афганистане? - все-таки невольно задумывался Маржымал. Был ли какой-то государственный смысл посылать туда наших парней погибать?

Газеты, радио, телевидение, приезжие лекторы из Москвы утверждали, что вмешательство Советского Союза в афганские дела было абсолютно необходимо, что если бы не высадились советские войска в Афганистане, то его все равно бы оккупировали американские войска, и наставили бы там своих ракетно-ядерных установок, и вся территория Советского Союза, от западных до восточных границ, была бы под их прицелом. И об интернациональном долге говорили, что, мол, должны помочь братскому афганскому народу построить социализм.

"Ничего не поделаешь, - думал Маржымал, - кто-то должен воевать и погибать, защищая интересы Родины, Советского Союза, братского афганского народа, интересы социализма." И он, конечно не мог опуститься до мысли, что пусть бы кто угодно участвовал в этой войне, только бы не его сын! И у него, и у всех его детей слишком развито чувство гражданского долга, чтобы так думать. "Участие в афганской войне, нужно было государству, народу, и Алдын-оол выполнил свой долг перед Родиной и народом", - так успокаивал себя отец и не мог успокоиться.

Такое понимание хотя и не примирило Маржымала до конца с гибелью сына, но все-таки утешало в горе, облегчало боль утраты. В Афганистане погибло 14 тысяч парней, и Маржымал был не одинок в своей беде...

Но вскоре жизнь нанесла новый жестокий удар. Оказалось, что военное вмешательство в Афганистане было ошибкой, что это была попытка силой навязать социализм афганскому народу, экспортируя социализм в страну, которая не была к этому готова. В результате война в Афганистане зашла в тупик, ей не видно было конца и края и тысячи молодых парней продолжали сгорать в ней. Во имя чего они сгорали? Во имя чего причинен огромный урон всей стране? Кому нужна была эта война?

Может быть, Брежневу с его непомерно развитым тщеславием и честолюбием не терпелось вписать свою страницу в историю победой в этой войне и повесить себе очередную звезду Героя Советского Союза? Горе стране, во главе которой становятся мелкие, тщеславные, ограниченные и корыстные люди, неспособные правильно решать вопросы и руководить и озароченные только одним, - как бы сохранить власть, утвердить себя и отстоять различные привилегии, которые она им обеспечивает.

Теперь Маржымал узнал, что и его сын, и тысячи других погибших сыновей были принесены в жертву непомерным амбициям бесчестных и бессердечных руководителей. Своих-то сыновей и внуков они не посылали в Афганистан. А если и случалось такое, то уж их сыночки отсиживались в тылу, в боевых действиях не участвовали. Один такой случай был описан в "Комсомольской правде", Чойганмаа показала отцу газету. В ней было написано, как сын высокопоставленного военного чинуши в Афганистане не то что в боевых действиях не поучаствовал, проболтался в тылу, - нет, он еще пил коньяк, резвился. И получил орден Красной звезды.

Истина об Афганистане открылась Маржымалу во всей ее жестокости и неприглядности, и навалилась на него новым тяжелым испытанием.

"Как же так? - думал он. - Мы работали честно, готовы были и жизнь отдать, лишь бы Родина процветала. А руководители, которых мы сами выбирали, убивают нас и наших детей, просто так, ни за что? Где справедливость?"

Но и это было не все. Маржымалу пришлось пережить невероятное, чудовищное - разрушение самой Родины.

Он всегда знал, что Советский Союз - держава великая и могучая. Знал с детства, когда в Туве сопредельную эту страну называли просто Союзом и пели о ней песни, в которых, трудно сказать, чего было больше - восхваления или мечты? Союз представлял в этих песнях страной сказочной, почти заоблачной. так было. И когда в той стране шла

война, и значительная часть ее была захвачена врагами, и школьник Маржымал, и его сверстники, и старшие - все в Туве знали: все равно велика и сильна Страна Советов, только ранена. Сжалась от боли, но не обескровлена. Помочь ей, чем могут, отдать часть своей крови - и она поднимется, поведет богатырскими плечами, стряхнет с себя захватчиков. Так и получилось. И четырнадцатилетний Маржымал со сверстниками гордились тем, что стали тоже советскими людьми, будущими гражданами этой великой общей Родины. И в армию он сам уходил, готовый эту Родину защищать. И сыновей своих к этому готовил, этому наставлял.

И вот - нет Советского Союза. А что есть? Вот же они, родные горы, и степи, и тайга, такие, как были всегда. Это, как говорили часто, малая родина. А может, и не малая - просто Родина: суверенная Тува, все еще, по крайней мере, пока, часть России - но уже не Советского Союза? Она неизменна, с ним, своим сыном. А дальше что? За Саянами, там, где он бывал, на Западе, вплоть до Москвы, и на Востоке, где Чита, где Дальний Восток? Какая там страна или страны? Умом он, вроде бы, все понял, и независимость, и единое экономическое пространство... А сердце сжималось, как услышит, бывало, по радио или в газете прочитает: "бывший Советский Союз". Да разве такая держава может оказаться бывшей? Бывшая Родина... Кошунственно звучит. Все равно что сказать "бывшая" о незабвенной его матери Чолдане. Или сына, Алдын-оола, назвать "бывшим"... Невозможно. Немыслимо.

Межнациональные конфликты. Это тоже из газет и по радио часто говорят. Сам он никаких столкновений между людьми разных национальностей никогда не знал и не помнил. Но вот - не из радио и не из газет, из его родного района страшная весть донеслась, на берегу озера Сут-Холь рыбацкая избушка загорелась, три человека погибли - двое взрослых и мальчик. Что это? Правда "межнациональный конфликт" - или просто ужасная случайность, преступление закоренелых уголовников? Он не смог дать ответа, когда прискал в Кызыл, в семью своих русских друзей, и там его спросили об этом. Он и сам, для себя, ответа не находил.

Только все чаще задумывался Маржымал: как же это может быть? Такое международное влияние имела Советская страна, а теперь свои же общественные деятели с экранов телевизоров, по радио и в газетах признают ее безнадежно отсталой, и как будто даже радуются этому, и Родину называют странно, нехорошо как-то - Совдепией, а самих себя - совками... Совок - вещь полезная, золу из печки выгребать, ну, и на другие нужды годится, сор сметать, например. Сколько их в мастерской изготовили за многие годы его ученики. Но тут другое имеется в виду. Что-то очень оскорбительное. Стыдно почему-то слышать слово по радио и с телеэкрана. Почему? Странная мысль: если бы от этих, которые так себя называют, польза была, как от простого жестяного совка, хоть грязь убрать помогли бы, чтоб чище стало в стране, - так нет ведь, не убирают, все только говорят, говорят и радуются. Чему? Что грязи больше стало?

Вон, на улицах Кызыла, встречаются ему последнее время молодые парни. Ходят бесцельно. Им бы полезное что-нибудь делать, в городе ли, в родных ли поселках, скот бы пасти, хлеб растить, учиться чему путному - нет, ходят, ездят, куда, зачем, - непонятно, и глаза у них пусты, словно стеклянные. Напоминает это, говорят: кто дикую коноплю собирает и курит, а кто, смешно и сказать, бензин нюхает... Да испокон веков росла в Туве конопля, так не курил же ее никто! И запах бензина от первых машин - Маржымал еще помнит, как поражал этот запах, резкий, непривычный, его и его сверстников в детские годы, как шарахались от него в стороны кони, пугались овцы... Животные пугались, а мальчишкам он нравился, этот запах, им хотелось самим сесть за руль машины, и чтобы после этого от их одежды так пахло. Но ведь не забираться же куда-то в подвалы и не нюхать там бензин, нарочно, чтобы "забалдеть"! Зачем молодые люди оглуляют себя? Кто одурачил их, кто принес эту грязь на чистую тувинскую землю, на русскую землю и другим народам его большой - нет, не "бывшей", а просто большой Родины? И на этот вопрос он не мог себе дать ответа. Искал и не находил.

Ведь вот как странно получается. Как трудно жили люди во времена его детства и юности, а ничего подобного не было тогда. Ни такого разгула преступности. Ни тунеядства - да просто невозможно было тогда человеку жить, не работая. Ни пьянства. Были, конечно, любители араковать, но это больше люди немолодые, и не во все же времена года, летом, когда обилие молока позволяло гнать из него араку. А уж если зимой - то по самым большим праздникам. Или вот еще понятие - бездуховность. Откуда она-то взялась? Как может человек жить, не имея ни цели перед собой, ни радостей не испытывая, кроме самых примитивных телесных - от пищи, от той же выпивки и тому подобного? Как все это может случиться с человеком? И человек ли он после этого?

До десяти лет Маржымал жил в юрте, как большинство тувинцев в то время. Условия жизни были суровыми, а если смотреть из нашего времени, то можно сказать, и жестокими: в пятидесятиградусные морозы взрослые и дети спали на кошме, постеленной на землю. Тепло поддерживалось только до тех пор, пока в центре юрты горел огонь в очаге. От резкой смены температур, вообще от переохлаждения люди болели. Больниц, медпунктов, аптек не было не только поблизости, но и в отдаленности, за десятки, а то и сотни километров. Лечились травами, желчью животных. Их целебные свойства были проверены многолетним опытом: растение шенне - марьин корень - собирали, сушили, толкли, заваривали вместо чая с молоком и употребляли от отеков и других болезней; больные почки лечили отваром карая; если у ребенка воспалился ротик и он плохо сосал, сыпали в ротик порошок сары-ыяша,

таежного кустарника. При родах помогали дутукчу - повитухи, обычно старые люди. Этим искусством владели и женщины, и мужчины, умеющие определять положение плода и весь путь ребенка во время его рождения.

Не было бань. Не было почты. Различные вести передавали с попутчиками, а государственные бумаги пересылались с нарочными.

Человек жил один на один с окружающей его природой и все необходимое для жизни - пищу, одежду и жилье, - брал у нее своими руками. Не трудиться было невозможно, это означало бы неизбежную гибель. Потому что каких-либо других источников добывания необходимых средств существования попросту не было. Трудились все, и взрослые, и дети. Маржымал уже с восьми лет начал самостоятельно пасти овец, выполнял эту взрослую ответственную работу.

Машин не было, использовали самые простые инструменты и приспособления, какие исповзовали сотни, а некоторые - и тысячи лет назад. Пахали уже плугом, не сохой, железные плуги брали у русских землепашцев, были и самодельные, деревянные с железным лемехом. У русских же брали косы и другой инвентарь. Сеяли ячмень, просо, овес, пшеницу. Зерна пшеницы мололи на водяных и ручных мельницах, а зерна ячменя и проса толкли в ступе.

Далган, поджаренные зерна ячменя, или тараа - просяные, смешанные со сметаной, маслом, были основной едой. Повседневным продуктом был хойтпак, квашеное молоко, из него делали сыр, творог, курут. Кроме того, в лесах водилось много разных зверей - косули, маралы, зайцы, белки, лисицы, рыси, а в реках кишела рыба - таймень, хариус, ленок. Все было рядом. Только за спичками, для порохов, дробью, за тканью ездили к монгольской границе и там выменивали у монголов эти необходимые товары.

Чтобы превратить богатства природы в пищу, одежду, жилье, нужно было хорошо знать природу, знать свойства деревьев и других растений, условия обитания и поведения домашних животных и диких зверей, знать землю, на которой живешь, уметь обрабатывать ее, выращивать зерно сообразно с климатом и погодными условиями. И все взрослые в семье, деды и бабки, отец и мать Маржымала, много знали и много умели. Маржымалу было у кого учиться, с кого брать пример.

Как все дети, он был любознательным, не переставал всему удивляться, над всем задумываться. Соседи говорили его отцу и матери:

- Маржымал у вас странный, как бы не стал ненормальным. Стоит лиственница - он смотрит, смотрит, не оторвется. На скалу смотрит, обойдет с другой стороны - опять смотрит. Волк воеет - он слушает, медведь ревет - тоже слушает, не боится.

До десяти лет Маржымал был неграмотным и, следовательно, ничего не читал. Учиться грамоте начал в ликбезе, учились взрослые, среди них его мать и отец, и он сидел рядом, смотрел, слушал, записывал. Десяти лет пошел в чайлаг-школу - летнюю школу. В ней учили читать, писать, считать. Вся-то учеба продолжалась один месяц. Настоящих школ в то время не было, даже и слова такого, "школа", не знали. Потом учился в Кызыл-Тайге, в начальной школе, в маленьком домике занималось 30 учеников.

Отец кочевал, и Маржымал кочевал вместе с семьей, и поэтому учился в разных школах: второй класс закончил в Суг-Аксынской, третий и четвертый - в Арыг-Узюнской, пятый - в Шагонарской, а шестой и седьмой - в городе Чадане. Но еще до поступления в школу, в самом раннем детстве, когда закладываются основные нравственные понятия человека, определяющие всю его дальнейшую жизнь, Маржымал прошел другую школу. Он читал книгу природы в непосредственном общении с ней. Не изучал цветок по рисунку в книжке и не забубривал, сколько у него тычинок и пестиков, чтобы рассказать учителю на уроке и тут же забыть. Он видел этот цветок. Брал его в руки, любовался им, вдыхал его аромат. Он знал предназначение этого цветка в жизни человека, и это запомнилось. Детское удивление миром постепенно превращалось в стремление все познать, дойти до самых корней. И оно осталось с ним навсегда. Жажда познания все больше утверждалась в труде. Без этого труд был бы просто невозможен, невозможна была бы и сама жизнь.

В самом раннем детстве труд для Маржымала, как и для всех окружавших его людей, имел прямой и очевидный смысл: получить все необходимое для жизни, облегчить жизнь человека. Труда, далекого или даже совсем оторванного от производства жизненно необходимых благ, тогда попросту не было, и такое понимание труда также сохранилось у него на всю жизнь.

В таком труде рождались не только знания, но и очень-очень личное, благодарное отношение к растениям и животным, ко всему живому, чувство уважения и любви к природе, бережность к ней.

Детство Маржымала прошло в такое время, когда несправедливости и жестокости феодального, байского и чиновничьего гнета были уже уничтожены. Никто не унижал достоинство человека. Национальные нравственные и гуманистические традиции народа в то время приобрели особое значение как главные основы человеческих взаимоотношений. Драки были редким явлением, а убийство человека - явлением чрезвычайным и исключительным. Маржымал Очурович долго пытался припомнить хотя бы один случай убийства в то время.

Да, вспомнил наконец, был один такой случай. Уже восемнадцать лет тогда было Маржымалу, и до этого он ни разу не слышал об убийстве. И вот услышал, что убили охотника

Балбыра. Он добыл много маралых рогов, сдал их в Чадане и получил много алдын акша - золотых денег, говорили тогда. Возле речки Чаданы его ограбили и убили.

Это убийство было воспринято как факт редкий, необычный. Разговоры о нем шли долго и слух распространился далеко по всей Туве.

Различные конфликты, конечно, были. Были и столкновения между людьми, но оружие, как правило, в ход не пускалось. Хотя почти каждый тувинец за поясом на спине носил нож, необходимый для разных хозяйственных работ и считавшийся украшением мужчины.

- Приходилось видеть: подвыпили двое, сидят на земле и таскают друг друга за волосы, и у обоих ножи за поясом, - смеется Маржымал.

Нож в таких случаях никогда не использовался - он имел другое назначение.

Во время народных праздников, гуляний и по случаю разных семейных событий пили араку, но пьянства как бедствия в Туве никогда не было.

- Отец до тридцати лет араку совсем не пил. Да и потом если пил, то понемногу. А мать никогда не пила. Чонга совсем не пил, говорил, что "некогда этим заниматься"...

Нарушения нравственности, конечно, были, например, скотокрадство, но, как правило, родители не показывали дурных примеров своим детям. Детей, тоже как правило, физически не наказывали.

Так прошло детство Маржымала. В нем истоки его души. А что такое душа человека? - задумывается Маржымал. - Это знания его ума и знания его сердца, память ума и память сердца. Это - то, что накапливается в уме и сердце человека в его общении с природой, с людьми.

С детства, в общении с людьми труда, рождались высокие нравственные чувства Маржымала: любовь к труду и к людям - главные устои души человека. Они воспитывались в нем не под влиянием религиозных или идеологических воздействий.

...Вечером Маржымал Очурович долго сидит на скамеечке возле входа в интернат.

- Ну и красотища! - изумляется он в общем-то давно уже знакомым, привычным картинам природы и жадно оглядывает степь и горы, и Хемчик, и все вокруг, как будто видит все это в первый раз. Все такое родное, знакомое, и все равно всякий раз изумляется он этой красоте и не может на нее насмотреться.

За свою долгую жизнь он побывал во всех районах Тувы и сравнивал их природу, жизнь людей, их занятия, обряды и обычаи. Он мыслит образами, и каждый район предстает перед ним по-своему. Тоджа, например, как яркая красавица, которая сразу же бросается в глаза, ошеломляет и восхищает душу и даже утомляет. Там изумрудно-зеленое озеро Азас, оправленное пышными, буйными, сверкающими на солнце зарослями, врывается в душу светлой лучезарной красотой и радостью жизни, переполняющей его. Так, может быть, правы те, кто говорит, что Тоджа - самое красивое место во всей Туве?

Впрочем, в Туве что ни район, то и своя неповторимая природа и свое неповторимое очарование.

Стоит перелететь самолетом из Тоджи, самой восточной окраины Тувы, в самую западную ее оконечность, в Монгун-Тайгу, и сразу же попадешь в совсем иной мир, даже как бы и на иную планету. Настолько необычен, фантастичен монгун-тайгинский пейзаж. Огромные белые, шарообразные и овальные валуны, неизвестно когда и как обработанные, отшлифованные, усыпают обширные пространства, и когда едешь среди них, чувствуешь себя путешественником, попавшим в какой-то неземной, инопланетный мир. Говорят, что в древние времена это место было дном озера или даже моря.

А в соседнем Бай-Тайгинском районе есть озеро Кара-Холь - Черное: высокие темные скалы, поднявшись над ним, отражаются в воде и сотворяют мир мрачной таинственной глубины, напрягающей, тревожащей душу ожиданием появления неведомых сказочных чудовищ. Особенно это ощущается в непогоду, когда высокие черные валы вздымаются к небу и все озеро кипит и бурлит, как море.

В Тандинских степях озера - Чагытай, Лус-Холь, Хадын, Чедер. Последние три не выделяются особой красотой, но насыщены щедро целебной силой, разной в каждом озере.

Родина Маржымала Сут-Холь не отличается яркой, очевидной с первого взгляда красотой природы. Восприятие, осознание красоты природы Сут-Холя приходит не сразу. Она - не в броской яркости красок, а в необыкновенной гармонии их многообразия в одном пейзаже, в очень тонких и плавных переливах одного цвета в другой. Скромный светлозеленый, желтоватый, сиреневый наряд степного разнотравья, серебрищегося на солнце, постепенно переходит в темную насыщенную зелень хвойных лесов, покрывающих предгорья и нижние склоны гор. А еще выше сменяется цветом самих гор, который может быть и серым, и коричневым, и красным, с разными оттенками, что зависит уже от состава горных пород. И названия поселков здесь - от окраски гор. Бора-Тайга означает Серая тайга, Кызыл-Тайга - красная, и здесь действительно красные горы, а выше, по реке Ишкин - поселок Хор-Тайга, - Снежная, там часто и летом даже лежит на горах снег. Снег по-тувински "хар", а "хор" - тоже снег, только по-монгольски. И в этом районе есть озеро, совершенно необыкновенное, не похожее на все озера Тувы. Находится оно высоко, на самой вершине горы Кызыл-Даг, и белеет среди окружающих гор и лесов, как молоко в огромной чаше. Поэтому и называют его

Сут-Холь, Молочное. А может быть, оно было названо так потому, что раньше в нем не ловилась никакая рыба, - а рыба ведь в молоке не живет. Высказывают старые люди и такое предположение о происхождении названия озера. Ученые исследовали его воду, и она оказалась по составу близкой к воде Байкала. Запустили омуля - он прижился, прижились и монгольские хариус и пелядь.

Люди тоже сильно зависят от природы: как живут, чем занимаются, даже какой характер у них - на все влияет природа.

Только в Тодже водятся северные олени, только там и живут оленеводы. В Монгун-Тайге - сарлыки, и там живут сарлыкководы. В южных и западных районах Тувы больше чабанов, а в Танды земледельцев.

Только в Бай-Тайге есть месторождение мягкого камня агальматолита, легко поддающегося ножу, и именно Бай-Тайга стала родиной тувинских мастеров-камнерезов. Здесь родился, жил и творил известный мастер резьбы по камню Хертек Тойбухаа, оставивший после себя целую плеяду учеников-камнерезов.

Овюрский район богат устными рассказами сказителей, хранителей народных легенд и преданий, стал родиной многих выдающихся тувинских писателей. Отсюда родом любимец народа Виктор Шогжапович Кок-оол, драматург, поэт, композитор, артист, знаток тувинского фольклора, человек неистощимого юмора и оптимизма; Степан Агбанович Сарыг-оол - народный писатель Тувы. Их творчество - поистине энциклопедия тувинской народной жизни.

Сут-Холь - родина богатырей и борцов, говорят в Туве. Здесь, на горе Кара-Даг, был стан Шестидесяти богатырей, поднявших восстание против феодального гнета. И жизнь, и сознание последующих поколений с самой колыбели неразрывно связаны с неумирающей памятью о героях, легендами, сказаниями о них.

Сут-Холь - родина и многих добровольцев, участников Великой Отечественной войны. Среди них - старший лейтенант, командир пулеметного взвода Монгуш Доржу и Байыскылан Монгуш.

- У Байыскылана любимое выражение было: "А, чепуха!" - вспоминает Маржымал Очурович. - Видно, у кого-то на фронте перенял. Спросят: "Ну, как восвал, Байыскылан? Трудно было?" - "А, чепуха!" После войны случайно на охоте был он ранен в живот. "А, это не война, - чепуха!" - только и сказал.

В Сут-Холе родился и жил великий борец хуреша Сарыглар Семис-оол. Пятнадцать раз надевали на него ленту чемпиона республики по национальной борьбе, а всего он боролся сорок лет.

В этом районе родился и вырос герой нашего повествования Маржымал Очурович Ондар. В его биографии нет революционных, военных да, вроде бы, и каких-либо других подвигов. И все-таки он совершил высокий нравственный подвиг. Жил и живет по законам добра, справедливости, правды и красоты и утверждает эти законы в жизни других людей, в жизни детей. Творит добро своей работой, примером своей жизни, чистотой своей души. И я невольно любуюсь моим героем.

- Коршун самый последний прилетает, - замечает он, задумчиво глядя на птицу, медленными кругами плавающую в небесной синеве. - А галка иногда и не улетает, она знает: если теплая зима будет - остается, а если холодная - улетает.

...В октябре 1989 года призвали в армию его сына Аян-оола. Мелодия - так переводится его имя на русский язык. Маржымал Очурович - человек несуетливый, но в октябре погиб Алдын-оол. И было тяжело провожать именно в этом месяце в армию другого сына. Односельчане тоже сказали об этом и даже посчитали плохой приметой. И сказали еще, что тяжело будет матери это случайное совпадение, хотя сама Хор Дагбаевна об этом ничего не говорила. Решил отец попросить в республиканском военкомате, чтобы немножко отсрочили призыв сына, и Аян-оол ушел в армию через месяц, в ноябре. Он очень похож на Алдын-оола, высокий, молчаливый, собранный внешне и внутренне.

Маржымал Очурович теперь на пенсии, но не на "заслуженном отдыхе", как говорят в подобных случаях, хотя, конечно, отдых он заслужил. Но нужно еще определить в жизни Буян-оола, Белек, Баяну, Виталину. Да и по складу своей души, по своему характеру не привык он находиться в бездействии. Так что подводить итоги жизни еще рано, хотя, конечно, много лет осталось позади, многое пережито, есть о чем поразмыслить, поделиться своими мыслями о жизни.

- Я свою жизнь считаю нормальной. Мне больше добрых людей встречалось. Добрый человек запоминается. Ну, тут много от самого человека зависит. Если ты добрый, то и к тебе относятся по-доброму. Кто меня обижал? Обид не было, не помню обид.

Так уж устроена память души Маржымала, память его ума и сердца: вбирает и сохраняет все доброе, все человеческое и как бы забывает зло, забывает обиды, которые причинили ему люди.

Рассказывая о своей жизни, он прежде всего вспоминает, с восхищением и благодарностью, какие добрые, умные и умелые люди встречались и помогали ему в жизни, и то добро, которое удавалось ему сделать людям. Это для него главное.

Даже и службу в армии тепло вспоминает, хотя она была нелегкой.

Служил он на Дальнем Востоке, у озера Ханка, на границе с Китаем. Никакой дедовщины, какая теперь развелась, когда старослужащие и "дембеля" издеваются над новичками, тогда совсем не было.

- В армии служили еще и солдаты-фронтовики, - вспоминает Маржымал Очурович. - Они нас воспитывали, говорили: "Пойдем, малыш, сапоги чистить" или "Салага, пойдем в баню". А в бане говорили: "Плохо шею моешь, шея грязная." Командир отделения Красноусов - длинный, худощавый фронтовик, - за обедом говорил: "Вот покушай, возьми мое первое, мне второго хватает". Добрый человек. Еще был младший сержант Петров, коренастый, мускулистый, сильный, делал "мостик" и на "мостике", на груди держал наковальню весом сто килограммов.

Петров научил Маржымала поднимать гири. В 1977 году, когда Маржымалу было 46 лет, он на республиканских соревнованиях занял третье место. Первое занял мастер спорта из Ак-Довурака, а второе - Евгений Черногоров.

- Еще был командир старший лейтенант Чукавин, тоже фронтовик, длинный такой. Жена его, лейтенант медицинской службы, хорошо стреляла.

Это для Маржымала - главное, когда человек что-то умеет хорошо делать.

- У них было три сына. Жили они недалеко от казармы. Когда он уезжал в командировку, просил меня за детьми приглядывать, говорил: "Маржымал, ты любишь детей, у тебя будет много детей." Он меня за сына считал.

И в армии Маржымал Очурович нашел применение своему столярному мастерству и склонности постоянно учиться и делать добро людям. Раздобыл столярные инструменты и изготавливал чехолы из фанеры. Купить негде было, а солдатам очень они были нужны.

Он был командиром отделения, отличником боевой и политической подготовки. В части служило тридцать тувинцев, и Маржымал Очурович на занятиях был для них переводчиком с русского языка. Служил хорошо, награждался грамотами, удостоился стоять у знамени полка в штабе военного округа.

- Человек должен жить своей силой, силой своей души, - говорит Маржымал Очурович. - В жизни человека самое главное - счастье. А это - чтобы среди своего народа быть человеком, делать добро маленьким и большим. Мы с женой так и жили, всю жизнь посвятили детям. Богатства, драгоценности нам не были нужны, и много денег тоже не нужно было. Трудно, конечно, было. Теперь удивляемся: как мы детей вырастили? Мне особенно трудно было, когда отец умер, когда мать умерла. А самое трудное - сын погиб. Вот три трудности в моей жизни...

Эпилог

В разное время и в разных местах, не часто, но не так уж и редко, случалось мне встречать удивительных людей. С виду, вроде бы, ничем не примечательных и даже неприметных. Но странное дело: добрая, надежная, уверенная сила исходит от них и оказывает сильное воздействие на окружающих. Встречаются многие поярче, погромче обличем, голосом, манерой держаться, но эти яркие и громкие, даже и после многих встреч, нередко исчезали из памяти без следа. А те, ничем не примечательные, даже и после одной случайной встречи, единственного мимолетного, даже ни к чему не обязывающего, разговора, запоминались навсегда. Память, с неизменной обязательностью, сохраняла, восстанавливала, возвращала их сознанию. Особенно в трудных обстоятельствах жизни эти люди, их образы как бы вставали рядом, и не то, чтобы утешали, но поддерживали стойкость духа, укрепляли веру в добро и правду жизни.

Они как бы сохраняются до времени в самой глубине памяти, живут в ней всегда, помогая утверждать тот мир души, те нравственные ее устои, на которых только и может она держаться. Может быть, осознание самого факта, что где-то рядом живут такие люди, делает нас сильнее в противоборстве с бытом. Самое удивительное в этих людях заключается в том, что они были, есть, и, надо полагать, будут всегда, независимо от того, в каком состоянии находится окружающее их общество.

Вот и Маржымал Очурович прошел и сложный период культа личности, и период застоя, когда многие погружались в бездуховность, безнравственность, утрачивали человеческую сущность, но остался человеком. Главная загадка таких людей - как им это удается.

Долгое время задумывался я над этой загадкой. Так уж устроен человек: все хочет познать, понять, докопаться до самой сути. И вот, можно сказать, уже на исходе жизни решился я попытаться эту загадку разгадать. Трудная загадка. Посильна ли для меня - не знаю. Знаю только одно: разгадывать ее надо. А как?

А почему бы и не описать жизнь такого человека, жизнь его души от самых ее истоков, чтобы понять, что и как питало его душу, делало ее человеческой, и что отторгалось душой. Может быть, что-то и прояснится.

МОЕ ИМЯ

Рассказ

С земляками, едущими в Кызыл, мама обычно отправляла мне гостинцы. Откроешь мешок, а там оказывается творог или топленое масло; или чокпек - тувинский деликатес, или сушеное мясо. А какой сыр она готовила!

Конечно, самый вкусный и интересный гостинец - это хырында-саржак (топленое масло - верблюжонок). Верблюжонком у нас называют раздутую брюшину съеденного ягненка или козленка. Осенью в юрте, как желтые шары, висят на хараача эти брюшины. Остатки после перегонки топленого масла смешивают с сушеной толченой черемухой, по вкусу туда добавляют ячменную муку-талкан и сахар. Это и есть лакомство чокпек. Золотисто-шоколадный чокпек наливают в желтую брюшину, затем кладут ее на бок, на корыто. Быстро стынет маслянистая смесь, принимая форму стоящего верблюда.

Мы жили на улице Гагарина, как раз напротив роддома. В зимнюю стужу счастливые мои дети, получив такой подарок, не знали, что я, тайком от них, уронил над ним слезу.

Меня мама родила на дороге. В декабре. Не та, которая посылала потом эти подарки, а ее старшая дочь.

В год Дракона, когда охотники возвращались из Западных Саян, дедушка со сказителем Тевек-Кежеге на двух волах везли мою мать в Чадан, в больницу. В то время женщины обычно рожали в юрте. Как раз дедушка был повитухой, соседние аалы его приглашали как народного фельдшера. Говорили, что он когда-то рукой погладил змею, проглотившую живую мышь. Это считалось хорошей приметой. В таких случаях змея, спасая свою жизнь, нарочно выползает на дорогу навстречу мужчине. Как видите, Чашкымай оказался нетрусливым человеком: он спокойно погладил по змеиному горлу, застрявшая там мышь проскользнула вниз, до желудка, куда ей и следовало прибыть, а желудок, естественно, справится со своим делом сам. А хозяйка желудка, поблагодарив мужчину, поползла дальше своей дорогой.

У дочери Чашкымай еще со вчерашнего дня болела спина, но почему-то она все не разрешалась от бремени. Вот и везли ее в больницу. На одном повороте ровно шли двое волов. Между их седлами, на весу, был растянут войлочный мостик-"диван". Если бы не родовые муки да не зима, можно было бы сказать, что мама ехала, словно бухарская царевна, на таком мягком ковре. Прости мне, господи, я же не смеюсь над своей покойной матерью...

Когда доехали до устья реки Шеми, начались родовые схватки. Мать двоих детей, конечно, знала, что неминуемо настал час родов. Дала знать об этом отцу, стоном или словом, один бог знает: постелили войлок на снегу, попутчик-сказитель подержал над ним дохи шатром, дедушка сам принял меня от собственной дочери. Вокруг мела пурга.

От стыда и испуга, может, мама все свое тепло отдала мне, себе ничего не оставила. Через полтора года, родив четвертого ребенка, она скончалась в Чадаме, в больнице. Было ей всего 24 года. Ее звали Дары. Дары - это порох. У нас не принято произносить имя умершего, поэтому в нашей семье порох не называли порохом, а тевер-кара, буквально - пыхалка-чернушка.

Меня воспитала бабушка Манмаа из рода Куулар. По отцу бы я должен носить фамилию Ооржак. Этому противилась бабушка, она обратилась к своим сватам с просьбой: мол, я вам отдала свою дочь; вместо скота возвращают какую-то часть копыт, прошу вас отдать

мне мальчика вместо моей дочери, того, которого она родила на дороге. Предки наши почитали древний обычай, так и Ооржаки отдали меня бабушке вместо ее дочери.

В знак того, что я родился на дороге, мне дали имя Черлиг-оол. "Чер" - земля, суффикс "лиг" придает значение - с землей или с пупом земли; "оол" - мальчик, так можно расшифровать мое имя. Ой, как нелегко досталось мне оно! Свидетельство о рождении выдавали в 1949 году, когда мне было уже девять лет. Вместо буквы "г" написали по слуху "к" и исказили значение имени: вместо "мальчика с землей" получилось очень оскорбительное - "дикий".

Девятилетним подростком я поступил в Хорум-Дагскую школу. Когда учитель спросил, как твое имя, я невнятно пробормотал свое имя, упирав на букву "г". Учитель Сынаа тут же крикнул: "Назови почетче свое имя, Черлик-оол!" Прокатился смех по классу:

- Ха-ха! Дикарь! Туземец!

Впервые я почувствовал стыд и унижение за свое имя. Зло и напряженно стучало мое сиротское сердце. Чумазый, с которым я вместе сидел на одной парте, нарочно, чтобы подлить масла в разгорающийся огонь смеха, змеино прошипел на весь класс: "Черлик соок!" - "Дикая косточка!" Снова раздался смех, я больше не смог стерпеть и ударил чумазого по лицу кулаком. Учитель выставил нас обоих перед классом, я заплакал...

...Мой дед Чашкымай, - а я с малых лет называл его отцом, бабушку - матерью, - был единоличником. Он имел около 600 овец и, чтобы сохранить отару, кочевал. В послевоенное время тяжко было таким аратам, сталинские планы по сдаче зерна, мяса, шерсти в буквальном смысле сдирали с них шкуру. Да еще чуть что - "феодал!", "кулак!"... И не дай бог против слово молвить...

Детей в семье было девять. Старшие пахали плугом, сеяли, убирали вручную хлеб, на волах обмолачивали зерно, пасли скот. Не до меня было.

Мне одному пришлось познавать книжную премудрость.

В интернат на государственное обеспечение не принимали детей таких, как мой дед, "кара-баев": говорили, что родители - состоятельные люди, пусть сами одевают и кормят. Выделяли в интернатах отдельные комнаты для таких детей.

По сигналу, как бойцы, выстраиваются, бывало, гособеспеченцы - дети бедняков, на них форменная одежда с блестящими пуговицами, ботинки черные, тоже блестят. Даже запах их строя душистый, должно быть, красным мылом. А мы стоим отдельно, кто в чем, да все самодельное, неуклюжее - "дети богачей"... А тут еще дежурные в красных повязках высокомерно командуют:

- Воробышки, держите строй!..

Прозвище "воробышки" - оттого, что родители нам привозят в мешках тараа - жареное просо.

С моим именем шутки плохи. К тому же частенько, по разным обстоятельствам, менял школы: из Хорум-Дагской перешел в Алдан-Маадырскую, из нее в Чыргака, оттуда в Суг-Аксы... Где я только не учился! Хоть и "перепрыгнул" через второй класс.

В четвертом или пятом классе мы проходили по родной литературе "Слово арата" С.Тока. Учитель, как назло, устроил громкую читку именно главы "Черликпен". Стоило прозвучать этой кличке собаки - тут же все поворачиваются в мою сторону, и опять смех. Так я превратился в объект насмешек.

На каникулы я возвращался домой в синяках.

- Дрался?

- Ага, за свое имя. Мама, почему ты мне такое имя дала?

- Судьба, мой мальчик, судьба тебе дала такое имя. А ты его оправдай! Оправдай имя своей матери, своего рода. Вот и твоя победа. Далеко ли пойдут драчуны и болтуны? Назло им учись хорошо. Кстати, тебя хвалят твои учителя Осур-оол, Дакпай. Не надо привыкать к нежностям, нужно учиться трудностям...

Больше я не жаловался ей. Имя есть имя, данное временем, судьбой. К черту, пусть кричат, что хотят!..

В старших классах обстановка сама собой изменилась, мальчики не стали дразнить меня.

Странно: зато тихо стали шептать мое имя девчонки. А потом - громче:

- Дикий, а Дикарь?

- Дикарь-ка! Ты что, глухой?

- Чертик, Черлиг-оол, Черлишка!..

- Черлигпе-эн! Черлик, э-эй!

- ой! Надо сказать, что хотя имя мое скверное, сам собой я мальчик неплохой, даже симпатич...

Признаюсь, первое время я дрался даже с девчонками. Было разбирательство.

- Зачем ты обидел Бичел?

- Обзывается она. - Собакой. Дикой какой-то Динкой дразнит.

- Дурачок, возьми, прочитай эту книгу, может, поймешь, почему она так тебя "обзывает".

И Софья Ивановна дала мне книгу Р.Фраермана "Дикая собака Динго или Повесть о первой любви".

Я залпом прочел, и дрогнуло мое сердце. От стыда или ... от чего-то еще...

Наконец-то, после долгих унижений, проснулась нежданная радость! Я вспомнил, как тревожно билось ее сердце, когда я хулигански зажал ее в угол. Какой же я дурак!..

Она, единственный человек, этому прозвищу внезапно придала нежный, горько любовный оттенок!

Я не заметил ласкательной музыки в этих звуках. Может быть, то был голос сердца?..

Я стал тихим и задумчивым. С этого дня наглухо закрылись мои уши для злых прозвищ. Передо мной шумел Тихий океан из книжки, такой голубой, и над ним мерцали тайные звезды.

Я стал поэтом.

Михаил ПАХОМОВ

ГНЕДКО

Из повести "Верность"

На доброй полусотне телег крестьяне из деревень, что дремали у подножия Ганды, перевозили из Верхне-Никольского, - так назывался тогда Бай-Хаак, - в Хем-Бельдыр, бывший Белоцарск, утративший прежнее имя после славного боя, партизанский госпиталь: армия, уходя на Минусинск, и госпиталь забирала с собой. Среди подводчиков был и молоденький Митька Зазнобин. Пока передавали армейскому хозяйству больных да провожали их за реку, ушло три дня. Подводчики свободное время проводили на поляне под увалом, с которого, сказывали очевидцы, и начинали щетинкинцы штурмовать захваченный беляками городок. Отца парнишке там увидеть не довелось: был где-то, видно, в отъезде. Утомленный да отошавший, к себе в Атамановку Митька возвратился, когда на деревню опускалась ночь.

Проколев в свою ограду, он подбросил корму распряженному Гнедку и понял, что отца еще дома нет: у избы и в пригоне не видно было ни седла, ни второго коня, на котором Иван Зазнобин уезжал на войну. Парень направился, было, в избушку. Навстречу никто не вышел. Остановился, вспомнил: перед самым его отъездом мать подарила им малюсенького братика и, наверное, все еще болеет. Пошел, на всякий случай, закрыть ворота ограды, и тут услышал с улицы знакомый перестук копыт отцовского коня. Замер в ожидании - и не ошибся! У самых ворот всадник осадил ретивого. То был долгожданный отец! Старший Зазнобин спрыгнул с коня и горячо обнял Митьку.

- Жив, сынок?! - дрогнувшим голосом спросил отец.

- А чего мне исделается-то! - как будто бы лихо, но тоже с дрожью в голосе ответил малый...

В избе из печурки хилым светом перемигивались горевшие березовые лучины. Навстречу мужикам, превозмогая боли, с постели поднялась Агеевна. И вскоре за столом, чем бог послал, ужинала вся семья Зазнобиных. При радостной встрече разговор как-то не клеился. Но скупыми

обрывками фраз отец все-таки поведал, как закончился бой с белогвардейцами и как проводили они, с армией Щетинкина, своих партизан.

Под конец небогатого ужина в избушку Зазнобиных несмело вошли митькины подружки - Митряшкина Маня да Юдаева Зина. Поздоровались, наперебой начали спрашивать: почему все еще не приехали из города их родные?

- Что же, дядя Иван, мой брательник-то там еще задержался? Али вы его, может, и не видели... уж жив ли он?! - сквозь слезы сыпала слова Мария.

- А мой-то папаша, что там с ним приключилось? Ждем - не дождемся! - в свою очередь негромко молвила Зина.

Поднявшись из-за стола, Иван Иванович стряхнул с подола рубахи крошки и заговорил:

- Да вы не беспокойтесь, девчата. Скоро приедут ваши Иваны! Я знаю, што в бою-то ничего с ними не приключилось - живы и здоровы, слава богу! Иван-то Петрович, слышь, Зинуша, по службным делам собирался заехать на Чагытай, к нашему "другу", монгольскому воеводе. Комиссаром же сво тут оставили - по делам советских граждан, с монгольскими, да китайскими-то воеводами. Вот он к Максаржаву и направился. Взял с собой уже знакомого воеводе нашего Билчира да и твоего, Манька, братишку, Ваню прихватил. Комиссару же в его делах нужна и охрана. Вот и попривержались ваши с возвращением-то домой! Понятно?

Счастливо переглянувшись, подружки наперебой поблагодарили партизана за добрые вести, и он, по привычке уже приглаживая свою огненно-рыжую бородку, ласково сказал девушкам:

- Вот и добро! Кипятите чай да пускай ваши мамы пекут пироги. Скоро явятся ваши соколы!

...Помнил Митька, как, еще на Алтае, из села Сентелека отвозил отца на Гнедке до железной дороги, откуда впервые увиденный мальчишкой паровоз увез его родимого на войну. Как читал писанные печатными буквами, видно, кем-то из сослуживцев малограмотного отца, письма от него сперва из окопов, потом из Петрограда, где боролись за власть Советов. Как выучился играть на гармонике-табьянке и был, еще малолетком, незаменим на деревенских гулянках парней и девчат.

Вернулся отец с войны и затеял переезд с Алтая в Урянхай, под хребет Танды. Не подвел Гнедко и в это дальнем пути. И вот она предстала перед семьей Зазнобиных, тихая да по-своему прелестная после многолюдного Сентелека Атамановка. Среди близких и дальних сверстников Митя быстро обзавелся друзьями, новыми, но такими, без которых, казалось, для него и жизнь была бы не в жизнь!

Потомственный хлебороб, Иван Зазнобин приобрел в Атамановке у такого же крестьянина усадьбу с поливным участком плодородной земли. А прежний хозяин от белогвардейского засилья в крае решил перекочевать обратно за Саяны, в деревушку Калы, из которой в Урянхай переселился еще в начале века. Зазнобин хорошо понимал, что сносно жить на новом месте сможет, когда вырастит свой хлеб. А пока надо было обзавестись пропитанием для семьи и кормом для своих лошадей и коровы, которую только что купил у богача Ажыкая. Некоторым деревенским хозяевам в пору сенокоса и жатвы позарез нужны были рабочие руки. И это для Ивана было как нельзя кстати.

Когда на полях под поливом, что лежали сразу же за поскотиной, созрели хлеба, отец и его малолеток, а с ними изредка и отяжелевшая после возвращения Ивана Дарья Агеевна, почти не разгибаясь, серпами жали колосистую пшеницу богача. За каждые сто снопов он обещал им по пуду зерна! Вместе с Зазнобиными работали на этого хозяина дочь и два сына старого арата Сергелена - Майылбаа, Идам-оол и Уруптар. Там же, пока созревал хлеб на крохотных полосках Митряшкиных, зарабатывали впрок зерно и их дети: семнадцатилетний Ванюша и помоложе его синесокая сестричка Маня

Нагнувшись, почти касаясь земли, с горбатыми серпами, цепочкой двигались на колосистую стену пшеницы сноровистые жнецы. Следом за каждым оставались головастые снопы, которые в конце дня выстраивались в суслоны. Работали молча. Лишь самые молодые изредка бросали друг другу горячие слова, как бы переключаясь с певучими жаворонками, которые там и тут неистовыми свечками уносились к голубому небу, к неторопливо плывущим кучевым облакам.

...Ходил молодой Зазнобин с новыми друзьями - Уруптаром, Ванюшкой да хорошенькой Маней, - и в обветшалую кошемную юрту шаманки Тумаяк, смотреть ее камлания. Не на шутку робевшая Маня каждый раз после удара колотушки в бубен тихонько взвизгивала, хваталась за брата, прижималась к нему, как к спасителю. И весело было, и немножко впрямь жутковато...

...К концу приближалась золотая осень, а следом за нею сразу же взлотовала и долгая да сердитая своими морозами зима. И в эту суровую пору из-за заснеженных Саян жар-птицей прилетела всколыхнувшая всех радостная весть: Колчак разгромлен! Комиссар Иван Юдаев тут же об этом поведал и нойону Ажыкаю, и монгольскому воеводе хатан-батору Максаржаву.

В деревнях люди ликовали. В Атамановке же всеобщую радость подогрело и новое событие: нагрянул со своими товарищами по оружию бывший вожак красногвардейцев в этой деревне Сергей Кочетов. Вместе с ним, а кто и чуть пораньше, домой возвратились освобожденные из минусинской тюрьмы его отец, Кузьма Петрович, шурин Семен Митряшкин и десятка

два бывших красногвардейцев и красных партизан из Дургена, Бай-Хаака и других деревень, что лепились у самых подножий косматого Танды.

Вскоре в Атамановку слетелись вооруженные группы самообороны, созданные в деревнях еще Щетинкиным. На слете красные бойцы решили слиться в единый отряд и, по предложению комиссара Юдаева, командиром сводного отряда единогласно избрали Сергея Кузьмича, а начальником штаба - Алексея Петровича Квитного с Малого Енисея.

Как-то вечером после ужина у светившейся печурки сидели Зазнобины, большой и малый. Хозяйка вышла проверить, не поспела ли банька мужикам париться. Пользуясь ее отсутствием, Иван Иванович наклонился поближе к сынку и вполголоса, чтобы не потревожить дочурку Настю и годовичка Венку, сказал:

- Слышь-ка, Мить! Ты у нас уж большой вырос. Мужиком в деревне зовут. Смотри, ни слова никому...

- Не разболтаю. Не боись! - настороженно сказал сын. - Я же ведь понимаю, что про войну ты, наверно, опять...

- Войны-то покедова нет. От прошлых ишло зубы ноют. А вот люди на нашей сходке-то у товарища Кочетова сказывали, будто кое-где бандитшки появились. Опять придется, однако, поразгонять... Только ты смотри у меня, матери не проговорись. А если как-нибудь ночью и отлучусь, то скажешь ей, што в город, мол, што-то вызвали. Понял?

- Угу!-глухо и озабоченно откликнулся парень, веря и не веря сказанному отцом.

...При помощи сотни пограничников да усинских добровольцев с бандой Шмакова в Маады-хошуне быстро было покончено. На Малом Енисее после первой стычки банда рассыпалась и укрылась в горах.

Между тем подоспело начало полевых работ, и натасковавшиеся по родному делу земледельцы - крестьяне и араты живо принялись за него. Незаметно пронеслись и животворная весна, и теплое лето. Да вдруг полыхнула новая тревога: Кочетову доставили срочную телеграмму из Хем-Белдира. Щетинкин приглашал партизан Урянхая пополнить ряды формировавшейся им добровольческой дивизии сибиряков, отправлявшейся на фронт, чтобы помочь Красной Армии быстрее разгромить в Крыму Врангеля. Кочетов долго не думал: до ледостава, когда люди пользовались при переправе через Енисей еще плашкоутом, стянул в городок часть партизан из всех русских поселков, кто помоложе, и его кавалерия тут же умчалась за Саяны.

Уходом из края основной части красных партизан не замедлили воспользоваться укрывшиеся минувшей зимой от разгрома белобанды на Малом Енисее: в некоторых поселках тут же были спровоцированы столкновения с частями монгольского отряда, в Кок-Хааке убили секретаря сельского Совета Петухова, для "острастки" жителей ряда поселков восточной части Подхребта постреляли, и многие крестьяне укрылись в лесу...

Чтобы выяснить и уладить отношения с монголами, в Кок-Хаак в сопровождении десятка партизан из Атамановки выехал комиссар Иван Юдаев. Но едва минуло три дня, как партизаны привезли в Атамановку тело своего комиссара...

- А все случилось... потому что не успел ишо смыться и был дома бывший когда-то дружок товарища Юдаева, Кузька, - рассказывал в сельсовете ездивший с комиссаром Василий Антипин. - Сдаться нам не захотел. Заперся с ружьем в своей избе... Комиссар кричал ему, штобы не горячился да сдавался... "Я к тебе войду без оружия. Пустим. Поговорим по добру", - крикнул в окошко бандиту. А тот... Вдруг, слышим, выстрел, и наш комиссар упал. Тут мы пригрозили Кузьке, что если не выйдет, подожжем его халупу и живым не выпустим. Струсил, видать, гадюка: выполз с поднятыми лапами, да тут мы его, за нашего товарища, без всякого суда и шлепнули!..

На похороны комиссара собралась вся деревня. Оставленные для самообороны партизаны пришли с винтовками, берданами, а Сергелен прихватил старую кремневку.

Митька чувствовал себя повзрослевшим, но стоял безоружный. Видел, как его ровесница, голубоглазая Зина, горячо и безнадежно целовала заостреннее лицо отца с прокуреными до желтизны усами, и сам готов был разреветься, как маленький. Но сдержался...

Мирная жизнь еще долго не приходила в деревню. Вот уже, казалось бы, все спокойно, как вдруг трое вооруженных китайцев из отряда Ян Шичао убили председателя сельского Совета Алексея Сниткина за то, что не дал подвод таким же троицам да еще и арестовал по подозрению. Вытолкали на улицу и расстреляли прямо у крыльца. Секретарь сельсовета Барабанов и Семен Митрашкин, послуживший в Красной гвардии, через спешных нарочных созвали в Атамановку партизан из всех ближайших деревень. Выставили охранения. Но, не прошло и трех суток, на рассвете бандиты, подкравшись, беззвучно сняли с поста двоих - здешнего Михаила Зырянова и карабулунского крестьянина Федора Казанцева, увезли их, связанных по рукам и ногам, в свой стан на Оттук-Даше. Поехал туда приглашенный самим Ян Шичао и Буяном Бадорху на мирные переговоры Иннокентий Сафьянов с советской делегацией, полуротой красноармейцев и тридцатью местными партизанами, Иваном Зазнобиным в их числе - и не переговоры вести пришлось, а воевать. Пятеро партизан и красноармейцев погибли, вдвое больше были ранены. И пятерых обозников, которые везли своей делегацией сухари, в куски порубили бандиты по дороге. И двух заложников, захваченных на посту, убили, да и своих троих, которых арестовал еще Сниткин, а делегация привезла для обмена,

тоже не пожалели, - уничтожили. Лишь в начале двадцать первого года поднявшиеся против захватчиков тувинские партизаны начисто разгромили Ян Шичао.

А деревня так хотела жить мирно! Пятистенник под тесовой крышей, принадлежавший прежде Степану Тимошенкину, - а он сбежал с белогвардейцами, - наскоро переделали в Народный дом, с осени должна была там же разместиться и школа. Даже старики помогли перестраивать. И они же, в это же время, выстроили на окраине небольшой дэмик с еле заметной колоколенкой, повесили загодя привезенный из опустевшего Белоцарска тоже небольшой колокол, и начались богослужения: бывший писарь Семен Лапшину пригодился как доморощенный священник... Старые - в святую обитель, грехи замалывать, а молодая поросль потянулась в Нардом, где бывали и веселые вечера с играми и танцами, ставились уже и спектакли.

Выступали на подмостках поначалу партизанские командиры - Кочетов, Тещуков, Мордвинцев. Пьесы русских классиков где-то раскопал и ставил спектакли секретарь сельсовета Григорий Алексеевич Барабанов. Поднадосло командирам - и привлекли они, в замену себе, молодежь. Вот и Митька Зазнобин стал заправским артистом. Доставалось от него и его друзей и "попу" Лапшину, и обманщикам-знахарям. Лам и шаманов старались не касаться, хотя Уруптар и его сестра Майылбаа, частые посетители Нардома, соблазнили Митьку разыграть на сцене камлания Тумаяк.

Довелось зато ему, крестьянскому сыну, сыграть роль королевича Елисея в сказке Пушкина о спящей царевне и семи богатырях. Царевну изображала Зина. Артистам в меру помогал Григорий Алексеевич. Усевшись в суфлерской будке с дымящейся самокруткой, с которой расставался разве что во сне, он часто и шумно кашлял, но старательно подсказывал реплики.

По ходу спектакля Митька должен был, при всем честном народе, горячим поцелуем разбудить спящую красавицу.

Зина лежала на столе наряженной в белос платье, на голове - искусно смастеренная из бумаги корона. Лицо ее, как показалось "королевичу", было ангельски красивым, и он, наклонившись, чтобы коснуться ее губами, вдруг растерялся: представились ему залитые слезами глаза Зины, когда прощалась она с отцом на его похоронах, и уж совсем некстати вспомнил свои неказистые отражения в зеркале... Но в тот же миг взял себя в руки и горячо поцеловал сладкие губы красавицы.

"Очнувшись" от "дивного сна", Зина улыбнулась, как утренняя зорька! Оказывается, она прищуренным взглядом все время следила и удивлялась, что так оробел ее "суженый"? И представление продолжалось.

А переборы голосистой митькиной тальянки, казалось, не переставали хохотать и плакать не тролкю в Нардоме, но и на улице, где собиралась молодежь.

Зимой, по заснеженному и обледенелому насту ватаги ребят, делившиеся на две равные половины, "стоеросовыми" березовыми клюшками из конца в конец гоняли обшитый кожей шерстяной мяч. Те, кто проигрывал, получали добрый пинок коленкой под зад или должны были возить победителей на своем горбу через всю улицу.

Как-то в конце масленицы день выдался по-весеннему ясный и теплый. За околицей деревеньки у подножий Танды от самого Шангана устраивались праздничные состязания на лошадях - верхом и в упряжке.

Собрался на скачки на своем мосластом Гнедке и молодой Зазнобин. Еще при заезде к месту пуска бегунцов он с дотошным любопытством посматривал на лошадей соперников и втайне от товарищей посмеивался: "Куда вам на этаких клячах? Тоже мне! Обгоню, как миленьких!"

В самом начале, когда пустили бегунцов, его Гнедой с легким седоком на могучей спине, вытянув тонкую морду, вырвался вперед. Дмитрий, ликуя, косил взгляд справа налево, легонько попинывал коня пятками по бокам и, высоко над головой подняв плетку, лихо помахивал ею, но не пускал, однако, в дело: залетный и без этого отдавал, казалось парню, все свои силы и неся жар-птицей.

Но вдруг мнимый победитель заметил, как справа, у его согнутого колена показалась ушастая морда вороного с коротко стриженной гривой. Взглянул на седока и... то был Уруптарка! "Неужели обгонит?! - резанула тревожная мысль. - Ведь его Мурашу расти бы еще до моего Гнедка! Тоже мне..."

- Гони, гони, Митька! - озорно прокричал товарищ, обходя на "мураше" долговязого скакуна.

Обиженный насмешкой, Зазнобин резко опустил плетку на круп бегунца. Но тот, однако, прыти не прибавил. Между тем, стриженный Мураш был уже на половину корпуса впереди и, будто подгоняемый упругим ветром, все заметнее удалялся к установленной мете у околицы деревни... Митька понял: скачка проиграна, и чуть не заплакал!..

Когда стусились сумерки, вдоль улицы там и тут запыльхали костры: жители провожали веселую масленицу. Из конца в конец по дороге носились запряженные в розвальни и кошевки разъяренные в азарте тройки и пары ретивых, одинокие рысаки и иноходцы с вплетенными в гривы разноцветными лентами, под дугами некоторых упряжек мелодично звенели колокольцы; в возках с веселыми песнями и смехом мчались празднично наряженные девки и парни, бабы и мужики с непоседливой мелкотой; в компаниях некоторых гулеванов надрывно тренькали

балалайки, а кое-кто умудрялся какой-нибудь железкой - вилкой или ложкой - наигрывать на жестяной печной заслонке...

- Чего ж ты приуныл, Мить? - весело обратился к сыну Иван Иванович. Он помнил, что на завершившихся днем скачках его наследник оказался далеко не первым, и был не менее парня раздосадован. Однако скрывал это. - Не горюй, сынка! Вон как носится на своем Соловке твой дружок, Ванюшка-то. Бес и бес: снопами искры за ним летят! Зови-ка и ты своего варнака, что так досадил тебе на скачках: Руптарка, што ли? Поноситеесь ишо и по деревне. Видишь, как народ-то развеселился, а ты што - в поле обсевок?!

Это было неожиданной наградой отца сыну. И через какие-то минуты Митька с Уруптаром уже в неистовой скачке носились из конца в конец деревни. Видя, как люди у своих ворот любят праздничным гуляньем, он направлял Гнедка на самые высокие космы пылавших костров, и тот летел над ними коршуном; следом легкой синицей неся на Мураше и Уруптар. Ему впервые пришлось участвовать в таких скачках через вереницы жарких костров, разожженных на улице с разрешения партизанских командиров...

Промчавшись на другой конец улицы, Митька вдруг увидел, как бородатый партизан Куприян Мордвинцев, стоя в розвальнях, выехал со двора и озорно крикнул на своего рыжего, для порядка стегнув его бичом:

- А ну-у-у, Колючий

Зазнобин понимал, что бородач был чуть под хмельком; знал, что рыжий этот мерин никогда иноходью не только не бегал, но вообще не двигался, но на этот раз хозяин решил потешить соседей - заставить коня поиноходить! Перевязал ему ремнями ноги - попарно зание с передними, и бедолаге ничего не оставалось, как с опасными заминками иноходить, подобно долговязому верблюду!

Мордвинцев, между тем, надрывно гикая, размахивая над головой бичом, мчался да изредка покрикивал:

- Колючи-ий, пошел, Колючи-и-й!

Следуя за ним, деревенский гармонист увидел у ворот небогатой усадьбы Митрашкиных знакомых ему девчат - Маню с подружками Клавой и Зиной. Проезжая мимо, приветливо помаhal им лохматым треухом. Они ответили возгласами радости и вдохновенными хлопками в ладошм.

* * *

Отлжотовали последние морозы. Под обгревом мартовского солнца рыхлел и испарялся потемневший снег; кое-где на стылой земле появились рваные плешины.

Мужики готовились к полевым работам: надо было не только очистить от сорняков семена, отладить плуги, бороны, упряжь, сбрую, но и вовремя соорудить на речках Элегесте и Шангане водозаборы для орошения пашни, посевов хлеба.

И в это хлопотливое для земледельцев время из Красного (так уже стал называться бывлой Белоцарск и Хем-Белдир) пришло распоряжение, чтобы атамановский Совет прислал пать упряжных лошадей для участия в вывозке парового котла: открылась первая в столице электростанция, не хватало только двигателя, взять который можно было лишь на заброшенном прииске в сорока верстах от города, в Кара-Хеме.

Председатель Совета Тешуков подобрал пять мужиков с лошадьми. Иван Иванович Зазнобин, занятый полевыми работами в своем хозяйстве и общественными делами в деревне, вместо себя отправил на прииск сына. Понимал, правда, что маловат еще его Митька для столь важного дела, но, думал, если что, - мужики в беде не оставят!

...В глубоком горном ущелье, где петляет речка Кара-Хем, еще до революции предприимчивый хозяин Железнов с помощью драги начал было добывать золото. Но революция сокрушила его замыслы: прииск закрылся, а оборудование осталось нетронутым, но пока и пользы никому не принесило.

Когда молодой Зазнобин со своими старшими товарищами прикатили на прииск, там уже на специально сооруженных из бревен санях громоздилась готовая в путь железная машина.

Упряжка в восемь пар лошадей. В корню - специально приведенный из Минусинска вороной битюг. И вот готово, Тяжелый воз тронулся.

Сидя на своем Гнедке, запряженном в первую от коренника пару, Зазнобин видел, как на поаротах под богатырским напором битюга опасно гнулись оглобли-бревна! Вороной богатырь упрямо переставлял могучие ноги. Парню казалось, что космач и без помощи своих собратьев по упряжке мог уволочь великана!

Однако затея с вывозкой котла столь большой "компанией" лошадей удалась лишь отчасти. Пока дорога петляла в лесу со снежным покровом и по льду, "поезд" двигался, но как только от речки Тасы по пути началась оголенная от снега песчаная степь, лошадям везти паровик стало не по силам.

...Забежим, любезный читатель, на минутку вперед, чтобы заметить, как, спустя после этого три года, Дмитрий Зазнобин выезжал с друзьями в город на заработки. Вот только тогда он увидел и осознал, что перевезенный, наконец, злополучный паровик уже завидно

дымил в небо своей высоченной трубой, давал жизнь и мельнице, во чреве которой азартно, шумно крутились каменные жернова, перемалывая словно бы позолоченные зерна пшеницы, и первой в городе электростанции, энергией которой повизгивали да посвистывали о металл токарные да сверлильные станки в мастерских.

... Не прошло и двух месяцев с тех пор, когда Митька мотался в Кара-Хеме с неудавшейся перевозкой железного чудища, как от наступившего было мирного времени и присущего ему благого настроения людей не осталось и следа. Из монгольских степей поползли в Урянхай недобитки разгромленных банд барона Унгерна...

И вскоре, темной ночью, чтобы не посеять паники, Кочетов во главе небольшого отряда партизан спешно умчался в Тарлашкын, где, как сообщила разведка, приготовилась к прыжку белая свора. Знал, что сражение будет нелегким: белогвардейцев было около пятисот, а в его отряде, если не подоспеет вовремя к месту боя красноармейцев, насчитывалось всего полтора партизан.

Слишком долгой показалась Митьке Зазнобину неделя, когда ждал он возвращения из Тарлашкына партизан и прежде всего, конечно, своего отца. И эта злосчастная неделя миновала, партизаны одержали полную победу и вернулись в деревню. Только отца своего не дождался Дмитрий. Сосед Билчир, розовощекий глазастый воин, каких во всем хошуне мало было, остановился возле избенки Зазнобиных вместе с командиром второй роты партизан Иваном Тешуковым и бережно подвел к Митьке оседланного Гнедка. К седлу у стремени был приторочен отцовский карабин.

Принял парень повод как бы тоже осиротевшего скакуна и медленно, как побитый, повел коня во двор. Выглянула мать и все поняла...

... Оставшись в семье за главного, молодой Зазнобин в то же лето для нужд в хозяйстве научился обрабатывать шкуры животных: изготавливать "сыромать" для гужей и прочей упряжи и дубленую кожу для обуви. И сапожничать обучил парня партизан Иван Рубов. Ему после сражения при Тарлашкыне, уже при возвращении отряда домой, пришлось хоронить умершего в пути от раны товарища, Ивана Зазнобина, и он считал долгом передать сыну друга свое ремесло.

Настал жаркий август. Собрался в Атамановке Великий учредительный съезд и впервые в истории было создано самостоятельное государство - Народная Республика Танну-Тува. Уже всем, и тувинцам, и жившим на их родной земле русским крестьянам и рабочим казалось, что наступил, наконец, долгожданный мир и снизошла благодать. И работали, и радовались жизни. И партизанский сын Митька ходил в народ в сапогах собственной пошива из самодельного хрома, и заливалась его гармонь, и сердце разрывалось между двумя подружками - Зиной и Марией: с одной сближала общая сиротская судьба, другая была сестрой лучшего друга Ванюшки Митряшкина, красавца, лихого партизана, и все больше, сама того, может быть, не сознавая, привлекала к себе...

Но... Видно, недаром нашел Митька, работая на огороде, заржавленный браунинг с тремя патронами, отчистил его и хранил: вдруг пригодится оружие? Пригодилось. Из далекого Китая через Монголию двинулись на новорожденную республику несколько тысяч белогвардейцев.

У подножья крутолобого Танды, над впадиной межгегейских болот с зарослями кустарников, берез и тополей, обрамлявших берега речки Элегест, безмолвствовал лютый мороз. Все силы партизан и красноармейцев, прибывших им в помощь из Усинска, приготовились встретить новое нашествие врагов. В "серебряной" роте командира Куприяна Мордвинцева, спешно сформированной из стариков и подростков, были и Митька Зазнобин с неразлучным другом Уруптаром. Зазнобин был вооружен оставшимся от отца пятизарядным карабином, да, втайне от командира, имел в кармане еще и браунинг.

В ночь на второе декабря в тесном жилище Зазнобиных поселились необычные постояльцы - красноармейский расчет пулеметчиков. Сама хозяйка Дарья Агеевна с малышами теснилась на глинобитной печи, Митя с командиром пулеметчиков разместились на скрипучей деревянной кровати, под которую воины до поры до времени закатали своего "максима", а сами расположились на полу. Спал ли молодой хозяин в ту тревожную ночь, сказать трудно: в печурке неустанно перемигивались огоньки хило горевшей лучины; уж далеко за полночь, должно быть, он услышал, как полущепотом переговаривались пулеметчики, но безуспешно пытался уловить смысл их слов... И уже под утро вдруг услышал, как с окраины деревни долетел перезвон колокольного набата.

Все вскочили. Послышался сначала вдали и потом тихо, потом все сильнее и громче, тревожный призыв мчавшегося по улице верхника: "В ружье, трево-о-ога! В ружье-о-о!" ... То неистово кричал сам командир серебряной роты Мордвинцев, во весь опор мчавшийся на своем Колючем по безлюдной улице.

Над межгегейскими холмами и болотами еле-еле брезжил рассвет. Все бойцы, сколько сил, будто к крепости, надежно опоясывавшей деревню, помчались к поскотине, откуда продолжался тревожный перезвон колокола, и там занимали заранее отведенные им позиции.

Из немудрящего снежного укрытия с ледяным бруствером впереди Митя вскоре разглядел: в затуманенной морозом притихшей степи к деревне наторопливо, как казалось ему, неровной цепью передвигались нестройные же колонны и просто группы - конные и пешие белогвардейцы. Он, с нетерпением ожидая команды, готовился к бою: плотнее прижимаясь к замезшей

покрытой снегом земле, вставил в магазин карабина обойму, передернул затвор и живо вогнал в канал ствола первый патрон. В тревожном ожидании его неотступно и беспощадно колотил озноб - не то от мороза, не то от волнения.

Меж тем, в туманной дали над межегсйской впадиной несмело выкатилось неприветливое солнце. И тут же, пронизывая до костей, подул "сиверок"... Вскоре от плотно нависшего над полем морозного тумана не осталось и следа. Казалось, что и наступавшие враги, и державшие оборону красные воины опасались нарушить священный покой зимнего утра. В этой тишине молодой воин вдруг приподнялся над обледеневшим бруствером своего "окопа" и поблдедел: откуда-то с правого от него фланга слух резанул неистовый рык:

- Эй, бабы! Топите бани, пеките блины! Угощайте!

Ответом дерзкому воюке мгновенно громынул ружейный залп, и он тут же умолк, свалился в сыпучий снег. И тогда слева и справа застрочили пулеметы красноармейцев, в морозном воздухе один за другим хлестко били выстрелы партизанских винтовок. Начал разряжать свой карабин и Митя. Пулеметные очереди и треск залпов над степью, казалось, не прекращались ни на секунду. Парень увидел, как колонны конников противника начали обход флангов защитников Атамановки, намереваясь охватить ее в кольцо и задушить, а пехота залегла. Он слышал, как где-то совсем близко цвикали пули, видел, как мелькали снежные завихрения...

Но вскоре там, за цепью белогвардейцев, сверкая саблями, к месту боя понеслись конники. Это были партизанские эскадроны Кочетова. И белые, оказавшись между двух огней, дрогнули, смешались. Не приняв встречной контратаки, их конные подразделения, ломая порядки своей пехоты, ринулись на левый фланг, чтобы укрыться в зарослях берез и кустарников в пойме Элгеста и, если удастся, умчаться подальше от кавалерии красных.

Когда затих бой, Зазнобин увидел, как из деревни на позиции се защитников мальчишки и девчонки вели связки заседланных лошадей. Среди юных коноводов были и Зина, и Мария: в валенках, полушубках, с закутанными в теплые шали головами, примчались они верхами и тут же, протирая варежками озябшие лица, передавали хозяевам боевых коней. Два Ивана, командир атамановской обороны Тешуков и молодой партизан Митряшкин, не медля, вскочили в седла и в россыпи других полетели в погоню. Мите было досадно: ему-то пришлось остаться, сопровождать в деревню пленных.

Бродя потом по бранному полю среди трупов белогвардейцев, он увидел убитого атамана Казанцева - "Серебряная шапка".

- Вот он какой, атаман! - сказал Балчир. - Это ведь его банду разделили мы в Тарлашкыне!..

И Дмитрий понял, что перед ним, поверженный, лежит убийца его отца.

...И еще год прошел. В суматохе забот и работ по хозяйству незаметно миновало лето, промелькнула осень и властно наступила наредкость суровая зима.

В день Рождества комсомолец Зазнобин, как уже истый безбожник, нарочито пораньше выехал на мельницу. Надо было размолоть три мешка пшеницы. Запряженный в розвальни застоявшийся в безделье Гнедко сразу, от ворот, перешел на рысь, и под коваными полозьями звонко закрипел накаленный морозами снег.

Проезжая усадьбу Митряшкиных, парень заметил: в ограде у самой избы стояла запряженная пара гривачей с колокольцами под дугой, а вокруг толпились празднично одетые люди, старые и молодые. Повернув ретивого к плетню, он спрыгнул с саней и живо пошел в раскрытые ворота, готовые пропустить торжественный выезд.

Увидев друга в столь раннюю пору, из толпы навстречу ему выбежал молодой хозяин и, поздоровавшись, возбужденно спросил:

- Куда это собрался, Мить? Надолго ли?

- Да вот муки надо. Кончается. Еду на мельницу. А что это у вас-то происходит, Рождество, вроде бы, встречаете? - вопросом на вопрос ответил Зазнобин.

- Да какое там Рождество! - смутился тот. - Что поделаешь, братишка, женюсь! Но родители моей суженой, Наташи, ты ж ведь знаешь, какие богомольцы: без венца ни в какую! А она без их благословения замуж никак не идет. Вот и... - оправдывался жених.

- Что ж, валайте,- согласился Дмитрий и, повернувшись, хотел было направиться к своему возку, но Иван крикнул:

- Да чего ж заторопился-то? Мы к вечеру вернемся. Бай-Хаак не так уж далеко. И ты непременно приходи, да гармошку-то прихвати! Погуляем, попляшем! И завтра свадьбу продолжим!

Зазнобин возражать не стал: дорожил дружбой со смелым партизаном. Да и сам был не прочь посидеть за праздничным столом с его хорошенькой сестренкой Маней и покатать ее потом на своих розвальнях в свадебной поездке. Пожимая друг другу руку, он пообещал:

- Ладно, вот сгоняю на мельницу и вечером приду. А завтра уж подъеду на ряженном Гнедке. Ладно?

- Вот это дело, Мить! А в пристяжные возьми нашу Чайку. Она ж в упряжке вон как выфантывает: вихрь!

На мельнице в первый день Рождества помольщиков совсем было мало, и старый мельник, помнивший Дмитрия как сына погибшего партизана, смолот его зерно вне очереди и бесплатно.

Вечером в низенькой избе Митряшкиных было весело и шумно. Чествуя и поздравляя молодых с законным браком, родные и близкие обнимали и целовали их, кричали "Горько!" Нестройно пели, отчаянно плясали под разговорчивые переборы зазнобинской тальянки.

Назавтра, лишь только ободняло, Зазнобин, как условились, подкатил на гриваче к воротам. После свадебных блинов с часом за столом были лишь самые близкие чете молодых. Потом старший Митряшкин подпряг к зазнобинскому Гнедку свою "белокрылую" и велел Марии вместе с первым товарищем жениха - Зазнобиным созывать на свадебное застолье гостей.

Празднично разнаряженная пара лихих скакунов в разминку пронеслась из одного конца улицы в другой: коренник в неистовом оскале будто просмоленных зубов шел размашистой рысью; его напарница, Чайка, изящно изогнув шелковистую белую шею, касаясь мордой своего левого бока, легко, как будто паря по воздуху, неслась галопом; из-под резной, узорчато окрашенной дуги по притихшей улице разлетался мелодичный перезвон колокольцев, которые Зазнобин вместе с дугой и кошевкой позаимствовал для праздничной прогулки у домовитого соседа.

Шустрой парой ретивых с цветными лентами в гривах и хвостах, с бумажными красочными цветами на сбруе проворно управлял хозяин коренного; рядом с ним по левую руку в кошевке сидела Мария; одетая в меховую черненую шубку, в цветастом, совсем даже не для зимней стужи, полушалке, эта голубоглазая плясунья казалась парню сказочной королевной!

В обратном направлении по улице, то и дело пересекая ее, эта красочная пара жар-птицей носилась от двора ко двору. Парень с девушкой в том возке, казалось, не имели ни минуты для сокровенного разговора, а вынуждены были довольствоваться лишь мгновенными загадочными взглядами самых счастливых на свете людей!

Но вдруг, на середине деревни, настигла их неожиданно-негаданно беда. До последней крайности разгоряченный, яростно стремившийся вперед Гнедко у ворот одного из домов, осаженный возжами, с хода, тяжело, как подрубленный, рухнул; насмерть перепугавшаяся Чайка, оборвав ременный повод, которым была соединена с коренником, молнией метнулась в сторону. Но была не в силах, однако, увлечь опустевшую кошевку: свалившийся на оглоблю могучий Гнедко был неподвижен, и она оказалась бессильной оборвать постромки, да так на месте и билась, словно смертельно раненная птица.

Зазнобин не заметил, как из рук выпали возжи, вывалился из кошевки и, вяло переставляя ноги, пошел к гривастому другу. Обнял его и, сквозь обильно заставшие глаза слезы, увидел у морды коня лужу крови.

Мария в растерянности выбралась из возка и разревелась. И трудно было понять, кого ей больше всего жаль, - внезапно павшего гривача или как бы еще раз осиротевшего друга...

ГЕОРГИЙ НЕВОЛИН

ТАЙНА ПРИВЕРЖЕНЦА "ДЖУДШИ"

РАССКАЗ

"Он показал мне бронзовую статую, которой больше тысячи лет. Она облита воском, на котором нарисованы санскритские буквы. Стоит ткнуть серебряной иглой в определенную точку, как выступает капелька жидкости. На этой статуе студентов обучают чудесному

искусству целебных игл. Хамбо сказал мне, что на теле человека есть 695 активных точек, укалывая которые, можно излечить многие болезни. Я тут же пожаловался, что застудил позвоночник и часто мучаюсь жесточайшими болями. Меня раздели и посадили на каменное сиденье, напоминающее большой котел. Хамбо внимательно ошупал мое тело и разрисовал его черной тушью, а два студента вонзили в указанные места длинные серебряные иглы. Я вздрогнул, но не от боли, а от неожиданности или, может быть, от ожидания боли. Но никаких неприятных ощущений я не испытывал. Мне только казалось, что уколотые места постепенно разогревались. Это было очень приятное успокаивающее тепло. С тех пор прошло три месяца, и ни разу меня не беспокоили боли в пояснице. Ничего подобного наша медицина не знает."

Еремей Парнов. "Бронзовая улыбка", повесть.

История эта правдива от начала до конца. В ней изменены только имена героев, но от этого достоверность не пострадала. Человек, выступивший в роли рассказчика, пожелал остаться неизвестным: каждый волен поступать, как ему заблагорассудится.

Итак, время действия - тридцать лет назад. Место - прямой вагон "Абакан-Москва" поезда дальнего следования. Что ж, если вы не возражаете, поднимем занавес...

- Наивные ребята! - воскликнул он. - Почему вы рассматриваете такие серьезные вещи, словно отражение в кривом зеркале? Вы не замечаете, но ведь каждый из вас более чем смешон, когда начинает рассуждать о том, чего он достоверно не знает. К чему подобное дилетантство? Нет, не перебивайте меня, пожалуйста! Я вас слушал, теперь послушайте вы...

Ритмично стучат колеса поезда, уносящего нас с Темиром Полатом все дальше от дома, от родственников - в неведомую и манящую Москву, а затем - с пересадкой - в Ленинград. И этот странный попутчик, волею случая оказавшийся в одном купе с нами...

- Боже мой! - горячо продолжал он. - Вдалбливать в детские головы вместе с букварем и арифметикой учение о сверхгениальности русской мысли, русской науки, русской техники, совершенная умалчивая о достижениях зарубежных ученых или извращая их в сторону малоприятности, что может быть вреднее для человека, для общества?! Сегодня мы с гордостью говорим о русском приоритете, - о котором, кстати, нельзя и умолчать, - но если об этом твердить и завтра, и послезавтра, и каждый день, не заговорим ли мы вскоре о неполноценности всех прочих рас и народов, кроме русского? Не возведем ли мы - совершенно произвольно - на пьедестал величия только родную, русскую нацию?

Наш спутник замолк, нервным, торопливым движением снял очки и начал протирать совершенно чистые стекла. В этот момент, без очков, он показался нам до того слабым, болезненным, что невольная жалость прилила к груди. Серые волосы его беспорядочно падали на лоб, прикрывали глаза, он беспрестанно откидывал их резким движением головы или худой рукой, и почему-то манера эта порождала сходство с плачущим ребенком.

- Вы мне можете Мичурина подать: а разве, мол, у русских нет достижений? Правильно, есть! Я не против этого, - он помолчал. - Восемь лет назад мне предъявили обвинение в том, что я отрицаю полезность и ценность работ русских и советских ученых, инженеров, врачей и вообще... Обвинили в космополитизме... Вот только возвращаюсь домой.

Наступила неловкая пауза. За окном разнообразно бежала осенняя, хмурая и неуютная Барабинская степь. Где-то проводник кричал: "Граждане! Вагон некурящий."

- Простите, ребята, - улыбнулся пассажир, - совсем некстати о своем личном обмолвился. Думаю, студенты, интеллигентные люди, не должны мешать черное с белым. А вы, оказываясь, до сих пор не выкинули из обращения этого слова - космополитизм... Хотите, расскажу одну историю?

...В начале века придворным врачом Николая II был некий Лазаверт. К сожалению, имя и отчество его я не знаю, не в них дело. По происхождению и подданству Лазаверт был исконно русским человеком, настоящим патриотом России. Он отличался широтой кругозора, был очень образован. Еще будучи молодым человеком, он за три года закончил шестилетний курс Императорской медицинской академии, получив диплом врача и Большую золотую медаль за успехи в учебе. Он был богат, знатен, принят при дворе. Добавьте к этому пылкий ум ученого и колоссальную память, неиссякаемое стремление к совершенствованию избранной профессии.

Лазаверта увлекла медицина Востока, в частности, тибетская. Ради достижения поставленной цели молодой врач изучил монгольский, тибетский, английский и китайский языки. В сравнительно короткий срок - за один год - он постигает премудрости запутанного учения Будды, до тонкости познает ламаизм Тибета, буквально вгрызаясь в английские, русские, непальские, сиккамские, китайские и индийские рукописи и тексты, книги и манускрипты. Лазаверт до тонкостей усвоил обычаи и нравы населяющих Тибет народов...

Что мы знаем сейчас о Тибете? Страна снегов и гор, обитель снежного человека, священный центр ламаизма, недоступный для цивилизованного мира. Тибет - розовая мечта Пржевальского, которой - увы! - не суждено было осуществиться. Пять попыток проникнуть в Лхассу предпринял географ и каждый раз вынужден был отступить перед суровостью климата, дикостью пограничных

народов и служб, железным заслоном буддизма и китайских властей. С семнадцатого века Небесная империя Дайцинов, китайские императоры начали прибирать к рукам эту страну, самой природой хранимую доселе от любопытных взоров и алчных замыслов чужеземцев.

Тибет... Страна со средней высотой над уровнем моря четыре тысячи метров, страна, о которой никто не знает, сколько живет там людей. Страна религиозного блеска и народной нищеты, где каждый четвертый - лама, а трое остальных - угнетенные ламаизмом бедняки. Тибет - государство служителей богов, государство высокой многовковой культуры и невежества. Тибет... Малая страна великих тайн.

Впервые русские познакомились с Тибетом во время царствования Екатерины II. В честь красивой женщины в короне, изображение которой тибетцы видели на русских деньгах, ламаисты создали новое божество - Белую Тару, призванную защищать бедный человеческий род и всегда откликаться на молитвы несчастных.

Правительства Лхассы и Пекина, сговорившись между собой, закрыли Тибет для иностранцев, сделав исключение лишь для исповедующих буддизм. Этим воспользовались англичане, засылавшие шпионов под видом ученых-панди, японцы, открывшие свои секты во многих монастырях страны, и русские, направившие в Лхассу множество паломников-буддистов из бурятского населения. Научным экспедициям путь был закрыт, а одиночки-путешественники навсегда оставались в мире гор с высеченными на скалах ликами богов, что сурово глядели в мертвые глаза незваных гостей. Лишь прикрываясь учением Будды, в Тибет проникали смельчаки, окрыленные доверием и тайным заданием своего правительства, снабженные проводниками, караванами яков и деньгами.

Так продолжалось до 1904 года, мальчики. Военная английская экспедиция вторглась с юга в Тибет, который находился под лапой британского льва до 1951 года, когда части Народно-Освободительной армии Китайской Народной Республики вошли в эту небольшую страну. Сейчас Тибет - национальный автономный район Китая...

Такова вкратце история этой загадочной, полной тайн горной страны.

В 1876 году Лазаверт под видом ламы-паломника из Бурятии отправился в Тибет и за два года изнурительного, труднейшего путешествия достиг Лхассы. Здесь он посетил самые знаменитые ее святыни, удостоился благословения живого бога Тибета - далай-ламы и, больше того, проник в медицинский Манба-дацан - своеобразный факультет из шестидесяти лам, отобранных по одному из разных монастырей Тибета. Поистине, счастье сопутствовало ему. Так русский подданный стал первым студентом-европейцем недоступного Лхасского медицинского учреждения. Иными словами, Лазаверт стал ламой-буддистом.

Я не знаю, чему и как обучали студентов в Манба-дацане. Могу лишь предположить, что обязательными предметами были йоготерапия, иглоукальвание, прижигание травами и другие приемы лечения болезней, о которых не только в России, но и во всей Европе ни один врач не имел понятия. Лазаверт пробыл в роли ламы медицинского Манба-дацана двадцать пять лет. Да, да, не удивляйтесь и не спрашивайте, почему так много. Наивные создания, а вы знаете, что в горном институте, куда вы сейчас следуете, при Петре Великом учились не пять лет, как сейчас, а по двадцать? Тоже не знаете? Петр I приказал обучать детей в институтах с восьми-девятилетнего возраста и начинали они, конечно, с букваря и прописей.

Основателем индо-тибетской медицины считают талантливый тибетского врача Сочжед-тон-ну, жившего две с половиной тысячи лет назад. Имя его в переводе с тибетского означает - "Молодой исцелитель". Он обобщил накопленный буддийскими ламами-лекарями опыт и знания, создал на их основе особую систему врачевания, изложив ее в книге "Джудши". В ней собрано более двух тысяч способов лечения болезней, и каждый из них весьма эффективен. Тибетские врачи легко излечивают трудные болезни, которые для остального мира врачей и по сей день остаются проблемой номер один. "Джудши" и сейчас является основным учебником основ тибетской медицины.

Теория тибетской медицины, как оказалось, не выходит за рамки средневековых представлений. Сведения по анатомии человека примитивны, а порой и вовсе ошибочны. Размышления о причинах болезней пропитаны схоластикой и суевериями. Развитие лечебных методов индотибетской медицины шло эмпирическим путем "проб и ошибок". Страшно подумать, сколькими человеческими жизнями заплачено за каждый верно найденный рецепт. Но двадцать пять веков - достаточный срок, чтобы накопить огромный и пока еще почти не изученный арсенал лекарственных средств.

В 1903 году Лазаверт в зрелом возрасте возвращается в Россию, в Петербург. Заметьте, ребята, что он окончил зарубежное учебное заведение.

Лазаверт становится лейб-медиком Николая IV. Как видите, специалистом он был большим. Но дожить до дней советской власти ему не пришлось. Он умер в 1916 году, умер членом Российской Академии Наук, почетным членом Пармжской и Лондонской Академий Наук. Но самым лестным для него было просто звание хамбо, присвоенное бывшему ламе-буддисту, студенту медицинского факультета Манба-дацан.

Что еще можно сказать о Лазаверте? Он вел замкнутый образ жизни, нигде, ни в каких учебных заведениях не преподавал и, кажется, не имел последователей. Если Лазаверт и вел какую-либо научную деятельность, то из стен придворной больницы сведения об этом не выходили, чему способствовала усиленная охрана.

Я, кажется, оговорился, что у придворного врача не было последователей. Извиняюсь, последователь был. Один. О нем - мой рассказ.

Иван Петрович Лазаверт доводился родным племянником Лазаверта-старшего. Он пошел по стопам дяди, но паломничества в Лхассу не совершал. Закончив императорскую медицинскую академию, молодой Лазаверт стал ассистировать своему более опытному родственнику. Все свои знания и опыт врачевания Лазаверт-старший стремился передать Ивану Петровичу. Почему только ему одному? Причина, конечно, была и, на мой взгляд, она заключалась в условностях ламаизма. Как-никак, а Лазаверт-старший четверть века провел в доспехах ламы, в окружении настоятелей Будды, жил их жизнью, их понятиями, их интересами. Не дал ли он там, будучи студентом медицинского факультета Лхассы, клятвы-зарока не разглашать профессиональных и религиозных тайн ламаизма?

После смерти дяди пост лейб-медика Николая II занял Иван Петрович, но не проработал он и года, как грянула Октябрьская революция. Нельзя утверждать, что Лазаверт-младший, отличавшийся прогрессивными взглядами на жизнь, стал на сторону революционного народа. Но он и не пошел против него. Революция вершила судьбы многих людей. Сколько их осталось за бортом, сколько кануло в лету! Здесь в моих познаниях об Иване Петровиче нужно отметить глубокий провал.

Рассказать в подробностях биографию Лазаверта-младшего я не могу. Признаться, не знаю. Известно лишь, что в двадцатых годах он появился в Ленинграде опять. Он ходатайствовал перед правительством о предоставлении ему права, средств и здания для открытия научно-исследовательского института с целью изучения тибетской медицины. Вскоре ему пришлось разрешение.

Лазаверт основал институт в бывшем своем родовом доме в пять этажей. У подъезда висела табличка, скромно извещающая о том, что в доме находится научно-исследовательский институт тибетской медицины. Посетителей этого заведения почти не было, чем занимался Лазаверт в стенах института - никто не ведал.

Но однажды произошел случай, приоткрывший завесу таинственности. Накануне Великой Отечественной войны у моего друга и коллеги, профессора Замшева Федора Александровича заболела дочь. Профессор заведовал кафедрой в Горном институте. Его дочь Леночка пошла по стопам отца и второй год работала геологом в одной из партий на Саянах.

Летом того памятного года с ней случилось несчастье. Поздним вечером возвращаясь из маршрута, она не заметила шурф и упала в него. Шурф был глубокий, около пяти метров, падая, девушка вывихнула ногу и самостоятельно выбраться на поверхность не могла. Следует вам сказать, что шурф был пройден в породах вечной мерзлоты. Одежда девушки была легкой, а температура воздуха и стенок горной выработки приближалась к нулевой.

Леночка кричала, но до лагеря было никак не меньше двух километров, и ее голоса никто не слышал. Естественно, что нашли ее лишь на четвертые сутки, нашли совершенно случайно. Никто не думал, что она может находиться в этом злополучном шурфе, наоборот, считали, что она заблудилась, и искали ее в тайге, в окрестностях конечного пункта незавершенного ею маршрута. Проводник партии, пожилой тувинец, утром пошел за лошадьми и услышал слабый, идущий из-под земли голос девушки. Она часто теряла сознание и замолкала только в беспомощности...

Леночку привезли в Ленинград. Жизнь еле теплилась в ней. Консилиум врачей, собравшихся на квартире у профессора, установил, что у девушки помимо чрезмерного истощения организма начался процесс скоротечного туберкулеза легких, - результат крупозного двухстороннего воспаления после простуды.

Ленинградский обком профсоюзов и горком партии предложили Замшеву поместить Леночку в лечебный институт или в один из лучших курортов на юге страны. Федор Александрович принял это предложение с благодарностью, но врачи заявили:

- Вашей дочери не поможет ничто! Говорить это - жестоко, но... что же поделаешь? Не возите ее никуда, не беспокойте. Жить девушке осталось не больше недели, а умирать все равно где - дома или на берегу Черного моря.

Началась борьба за жизнь Леночки, точнее, за отсрочку неминуемого. Состояние здоровья девушки все ухудшалось. В доме Федора Александровича дежурили лучшие медицинские работники Ленинграда, но все было тщетно. Девушка умирала...

Вы можете понять состояние - моральное и физическое - отца Леночки? Федор Александрович не спал, часами просиживая у постели дочери. Она была единственным человеком, ради которого стоило трудиться, заботиться и жить. Девочка никогда не видела своей матери. Ей не было и трех лет, когда мать ушла из семьи навсегда, покинув и Александра Федоровича, и маленькую дочь. Мой друг никогда не вспоминал о той, которая в создании семьи смогла сделать лишь робкий шаг - родила дочь, но от ее воспитания уклонилась. Напрасно врачи и друзья советовали ему отвлекаться, дать отдых перенапряженным нервам, уставшему мозгу. Он и не подозревал, как близок был сам к состоянию, в котором пребывала Леночка. Как мы ни бились, снотворного он так и не принял...

Впоследствии мой друг говорил, что сделать этот шаг помогло ему какое-то необъяснимое чувство. Совершенно случайно, по счастливому ли стечению обстоятельств квартира Замшевых находилась в доме, расположенном напротив института Лазаверта, через улицу. Утопающий

хватается за соломинку - Федор Александрович пошел в научно-исследовательский институт тибетской медицины.

Врач Лазаверт принял профессора не в кабинете, как того ожидал Замшев, а в вестибюле института. Кроме этого помещения Федор Александрович увидеть в институте ничего не смог. Как впоследствии выяснилось, прием, оказанный Лазавертом профессору, был для всех посетителей одинаков. А если учесть, что их было очень мало (судите сами, заведение по своему назначению довольно редкое), станет понятно, почему никто не знал, что творится в стенах института.

Лазаверт оказался высоким человеком лет сорока пяти - сорока восьми. Рукопожатие его было энергичным и сильным, но рука - узкая, сухая, с развитыми пальцами находилась в резкой диспропорции с массивным телом приверженца тибетской медицины.

- Чем могу служить? - сразу спросил он Замшева, усаживая его в удобное, мягкое кресло старинной работы. Лицо врача не выражало никаких чувств, лишь при внимательном наблюдении профессор понял, Лазаверт под маской равнодушия тщательно прячет острое желание сохранить одиночество. Это было похоже на отшельничество.

Замшев коротко, в немногих словах передал цель своего прихода, извинившись за беспокойство и отнятое у врача время.

- Я должен поставить вас в известность, что частной практикой не занимаюсь, - сухо сказал Лазаверт. - Как врач я прихожу на помощь лишь к безнадежному больному. О причинах, побудивших меня так поступать, разрешите умолчать...

- Боже мой! - воскликнул Федор Александрович, - Моя Леночка... Врачи давно заверили меня, что шансов на ее выздоровление абсолютно нет. Помогите вы, если, ... если сможете! Умоляю вас!

- Хорошо, - вздохнув, согласился врач, - я приду к вам через час. Позаботьтесь, чтобы в доме не было никого из посторонних. Я не хочу подрывать репутацию лечащего врача вашей дочери, поэтому моя встреча с ним нежелательна.

Профессор ушел от Лазаверта с чувством, которое сродни положению смертника, возлагающего все свои надежды на помилование в последний момент перед казнью. Федор Александрович не знал, сможет ли чего-то добиться Лазаверт, согласившийся лечить Леночку, но так уж устроен человек, что ему всегда, даже в самом безвыходном положении хочется верить в багополучный исход дела.

Врач пришел к Замшевым точно к указанному времени. Надев халат, он молча вошел к больной. Леночка как раз не спала... Сознание ее было ясное, четкое. Болезнь выдавал лихорадочно блестящие, ставшие такими огромными глаза да яркий румянец на щеках. Багряные пятна и окруженные синевой темные глаза с резким переходом к матово-белой коже лица делали девушку неузнаваемой.

Лазаверт молча поклонился больной. Леночка безучастно смотрела на солидного мужчину в белом халате, и Федор Александрович поспешил представить врача:

- Леночка, дорогая, я пригласил к тебе...

- Меня зовут Иван Петрович, - перебив отца Леночки, представился Лазаверт, - не бойтесь, я хоть и великоват, но смирен... Ну, шутки в сторону, я согласился лечить вас. Мне коротко поведали историю болезни. Сейчас я вижу, что диагноз поставлен верно. Соберитесь с силами и расскажите, при каких обстоятельствах вы получили воспаление легких?

Федор Александрович молча вышел в свой кабинет, оставив больную наедине с врачом. Он никак не мог понять, каким образом Лазаверт установил диагноз болезни Леночки, ведь он даже не выслушал ее. Пришел, посмотрел и подтвердил то, что для крупных работников медицины сложилось лишь после спорного собеседования.

Впоследствии Федор Александрович признался, что он не решался довериться Лазаверту. ореол таинственности, которой окружил себя врач в стенах по меньшей мере странного института, молниеносно поставленный диагноз болезни по одному только виду больной - все это освещало Ивана Петовича Лазаверта в глазах профессора не с лучшей стороны.

В подобного рода размышлениях и застал Федора Александровича вошедший в кабинет врач.

- Мне с вами необходимо кое о чем договориться, - сразу же заявил Лазаверт. - Жизнь вашей дочери в огромной опасности. Ее не спасут ни лучшие современные лекарства, которыми располагают наши врачи, ни скальпель хирурга... Но я берусь ее вылечить. Должен поставить условия, выполнять которые вам будет совсем не обременительно.

- Чего же вы хотите от меня? - воскликнул профессор. - Я согласен на все, что угодно, только бы жила моя дочь!

- Вот и хорошо! Во-первых, вы мне должны доверять. Я врач, а не шарлатан, хотя вас, может быть, и шокируют некоторые стороны моего поведения, что ли. Вы должны верить жизнь вашей дочери в мои и только мои руки. С меня, конечно, это не снимает профессиональной ответственности за человека, которого я лечу... Лечить вашу дочь придется нелегко и вероятно долго. Поэтому прошу вас отказаться от тех препаратов и лекарств, что девушка принимала раньше. Во-вторых, средства и методы лечения являются моей профессиональной тайной.

Прошу вас, чтобы сведения подобного рода из вашей квартиры не выходили... Вот, пожалуй, и все.

- С удовольствием, Иван Петрович! Даже не сомневайтесь...

- А сейчас, - прервал Лазаверт профессора, - уделите мне кабинет на некоторое время: я должен прописать больной лекарства. Извините, пожалуйста...

Лазаверт пробыл в кабинете Федора Александровича не менее двух часов. После этого он вручил Замшеву рецепт не меньше, чем на 20 страницах, заполненный неразборчивым почерком.

- Вот рецепт, профессор. Кстати, прошу не обращаться с ним в городские аптеки. Бессмысленно: ни в одной аптеке Ленинграда вы не получите этих лекарств. Придите в мой институт, где и получите лекарства вместе с подробными наставлениями о их применении. К большой я наведу вас завтра в это же время. Не нужно меня благодарить, пока я еще ничего хорошего для вас не сделал. До свидания!

Федор Александрович выполнил все указания врача. В институте тибетской медицины ему вручили лекарства для Леночки. Я нарочно выделяю тот факт, что все лекарства состояли из трав, настоев и вытяжек из трав. Никакой химии! Никаких фармакологических, искусственно созданных средств - только травы! Причем, расширенное, всестороннее их применение - от приема внутрь в виде отваров и настоев до приготовления специальных ванн. Исключались лишь инъекции, но если бы понадобилось, мне кажется, в ход пошли бы и уколы.

Вы ждете результатов? Поимейте терпение. Результатов поистине удивительного лечения такого тяжелого недуга, как скоротечный туберкулез легких, мне самому пришлось ждать очень долго...

Вскоре началась Великая Отечественная война... Да, события военных лет разбросали моих друзей и знакомых по разным фронтам, тылам. Фронт был всюду: и там, где стреляли и умирали от снарядов и пуль, и там, где готовили такие же снаряды и умирали от голода. А тылы... Тылы были свои и вражеские. Люди, наши советские люди, в том числе и мои друзья, всюду сражались с ненавистным врагом. Судьбы - моя и профессора Замшева - сложились по-разному. Он работал где-то на Урале, разведывая и добывая ценное минеральное сырье, а я попал на фронт, в артиллерийскую часть и прошел вместе с ними до польского города Сандомира. Там я получил тяжелое ранение и почти до конца войны провалялся в госпитале. В конце апреля 1945 года я встал на ноги, но воевать уже не пришлось: победа!

Я вернулся в Ленинград. Приступил к работе. Признаться, за все эти годы узнать что-либо о судьбе Леночки Замшевой мне не удалось. Я был в совершенном неведении о состоянии ее здоровья. Больше того, интуитивно я чувствовал, что ее уже нет в живых. Приходилось сомневаться в том, что она выживет, даже если бы не было войны. А в войну все голодали, даже профессора, друзья мои...

Однажды у меня зазвонил телефон. Говорил Федор Александрович:

- Дружище! - кричал он в трубку, - ты где запропастился? Не стыдно тебе? Живешь в Ленинграде больше месяца, а ко мне - ни ногой! Слушай, надоело дома киснуть, давай завтра пикничок организуем! Поедем в Кавголово? Я раздобыл трофейный легковой автомобиль. В общем, утречком жди! Я за тобой заеду...

- Федор Александрович! Дорогой, я думал, что ты еще на Урале. Прости, пожалуйста... Кто же едет на пикник?

- Как "кто"? Ты должен знать: я и Леночка.

- Леночка?! Леночка?.. А она, что ... жива?

- За войну ты стал нескромным. Конечно, жива!

Поездка в Кавголово была чудесной. Мы хорошо провели воскресный день за городом...

Вы спрашиваете, каково здоровье девушки? Как вам сказать?.. Выглядела Леночка очень неважно: бледная, худая. Она постоянно задыхалась, ей не хватало воздуха. Как будто она находилась высоко в горах, где воздух очень разрежен. После лечения Лазаверта Леночка осталась живой, но безнадежным инвалидом. Она не могла быстро ходить, а о физической работе и говорить не приходилось...

Федор Александрович ничего этого, кажется, не замечал. Лишь бы с ним была его Леночка! А то, что она не могла создать своей семьи, даже радовало профессора. Все мы эгоисты, и он радовался, что до конца дней своих его ничто не сможет разлучить с дочерью. А может быть, это мне так только казалось тогда...

На этом можно бы поставить точку, ребята. Я вам поведал историю, которую вполне можно назвать примером редчайшего успеха зарубежной, в частности, тибетской медицины. Обобщенно говоря, не только наша отечественная наука и техника находятся на должной высоте. Нужно и полезно учитывать достижения ученых в тех или иных отраслях знаний, которые мы видим у других народов и государств.

Хочу добавить несколько слов о судьбе Ивана Петровича. Его научно-исследовательский институт тибетской медицины функционировал до 1946 года. Затем он прекратил свое существование. Однажды ночью к дому Лазаверта подкатила черная легковая машина... Я вам разве не говорил, что Иван Петрович жил в том же здании, где размещался руководимый

им институт? Нет? Простите, коли так... Да, да, молодые люди, эта машина увезла Лазаверта, а куда и зачем - никто не знает. Где сейчас Иван Петрович и жив ли он? Может быть, он там же, откуда возвращаюсь сейчас я?

Ивана Петровича Лазаверта обвинили в шпионаже, преступной деятельности против Советского Союза. Насколько верна эта версия - не нам судить. Только не верится мне, что Лазаверт был английским шпионом.

После ареста Лазаверта Академия Наук СССР создала специальную авторитетную комиссию, чтобы выяснить, чем же занимался научно-исследовательский институт тибетской медицины. В газетах появились любопытные детали.

Институт Лазаверта на самом деле представлял из себя огромную аптеку, в которой все помещения, за исключением лабораторий, были заняты стеллажами с лекарственными травами. Работали в "аптеке" люди, спасенные Лазавертом от неминуемой смерти. Оказалось, что травами Лазаверт успешно лечил почти все известные человечеству болезни, в том числе и злокачественные опухоли. Одновременно Иван Петрович занимался хирургией и психиатрией. Что он и его люди искали - средство бессмертия или новые препараты от трудноизлечимых болезней - это установить не удалось.

Комиссия Академии Наук попыталась дознаться, какими же травами лечил Лазаверт ту или иную болезнь. Говорят, что работа эта не принесла ожидаемого результата.

Вы обратили внимание в моем рассказе на одно обстоятельство - рецепт Лазаверта для Леночки Замшевой был написан почти на 20 страницах? Обратили? Оказалось, что все рецепты, по которым получали лекарства в институте, были буквально насыщены названиями трав или же их производных продуктов. Рецепты содержали до тысячи наименований, но действующими в этом огромном списке оказывались два-три компонента, остальные же служили своеобразным фоном, в котором очень трудно сыскать истинное лекарство.

В библиотеке Лазаверта, например, была найдена рукопись на черной лакированной бумаге, словно засвеченный негатив. Золотая вязь письмен, "красные" строки - в многоцветье красок... Рядом с ней - пожелтевшие от времени манускрипты, густо усыпанные затейливыми санскритскими знаками или аккуратно расчерченные строчками старомонгольской вертикальной письменности. Но больше всего оказалось ксилографов. Что это такое? Печатать в Тибете начали раньше нас, с четырнадцатого века. На узкой длинной дощечке вырезали текст. Оттиски с таких дощечек не переплетали и даже не сшивали, а плотные листы бумаги просто укладывали толстой стопкой между двумя досками, украшенными орнаментом. Весь ксилограф заворачивался в яркое шелковое полотно.

Четыре таких ксилографа заключали в себе основной трактат индо-тибетской медицины: "Джудши". Существует у него и более подробное название: "Сущность целебного, или черты основного восьмичленного тайного учения". Попытки раскрыть содержание ни к чему не привели: чуть ли не каждая из четырнадцати тысяч стихотворных строк этого произведения была основательно зашифрована. Врачевание в древнем Тибете было уделом узкого круга людей, всячески охраняющих свои привилегии. Каждый, кто приобщался к медицине, давал обет не разглашать его секретов.

На память не обижаюсь. Мне запомнилось такое содержание одного рецепта. В "Джудши" рассказывается, как человеку, страдающему болезнью с плохим звуком, полководец послал лук-мик (дословно - бараньи глаза). А когда лекарство не помогло, на помощь явился царь с нагайкой. Но что это за рецепт? Неизвестно, что это за недуг "с плохим звуком". А методы его лечения? Проще всего предположить, что лук-мик - самые настоящие бараньи глаза. А может быть, это тибетское название какого-нибудь цветка? Какого? В такого рода вопросах бессильны оказались даже филологи. Зачем в рецепте оказались "царь" с "полководцем"? Видимо, лекарства в "Джудши" делятся на неизвестные нам категории.

Много тайн содержали и различные лекарственные порошки. Как показал химический анализ одного темно-коричневого порошка с запахом перца и острым вкусом, в нем содержалось двадцать четыре компонента. Так что каждая пропись в "Джудши" содержала не одну, а десятки загадок.

Зачем Лазаверт так тщательно скрывал от других свои знания, умение лечить - остается загадкой не только для меня. Эта сторона его жизни заставляет все чаще подозревать в нем человека с двойной личиной. И эта мрачная таинственность современного капитана Немо! Какой смысл сокрыт за всем этим? Узнаем ли мы когда истинную правду, кто таков был Иван Петрович Лазаверт?

Рассказчик умолк. Колеса поезда выбивали бесконечный, однообразный ритм. За окнами вагона стояла глубокая, темная осенняя ночь. Мы проезжали Урал...

Итак, действие окончено, занавес опущен. Будет ли он поднят вновь? Кто осветит нам тайну, шагнувшую с Тибетского плоскогорья на российские просторы? Или так и останется она нераскрытой в сокровищнице таинств, которыми и без того богат заоблачный Тибет?..

Александр ОНДАР

ВЕРНУСЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Рассказ

Я проснулся, посмотрел по сторонам и вспомнил, где нахожусь. Уже неделя прошла с того времени, как закрылись за мною тяжелые, обитые железом двери изолятора временного содержания. Я еще не привык к неволе, к этой тяжкой, давящей на психику обстановке.

Обстановка, в самом деле, довольно мрачная: в одном конце - низкие нары, над нарами - небольшое зарешеченное окно, дверь, над дверью в углублении лампочка, которую не выключают ни днем, ни ночью, возле двери фляга, в которую мочимся, в двери сделана небольшая форточка, которую открывают, чтобы раздать пищу. Вот и все, что есть в комнате, которую мы называем камерой.

В камере, кроме меня, еще четыре человека: юнец лет пятнадцати, который помогал родственникам перегонять через границу ворованный скот; парень лет 30, по виду чабан, обвиняется в убийстве своего племянника; русский мужик, тоже лет 30-35,- обокрал ларек, унес водку, полмешка, по его словам, сам не помнит, как залез в ларек; и старик-тувинец. Голова у старика перебинтована, из-под марли видно запекшуюся кровь.

Старик - фигура заметная. Он сразу выделяется из всех нас не только возрастом, но и поведением: ни к кому с лишними расспросами не пристаёт. Не старается влезть в душу, как говорят здесь.

Вообще-то не принято здесь копаться в чужой беде. Пришел в камеру человек, спросят: как звать, откуда родом, за что взяли; а душу человека оставляют на его усмотрение. Если есть желание, выкладывай, что у тебя на душе. Выслушают, посоветуют что-нибудь. Плакаться в тряпочку не дадут, никто тебя сюда не звал. Жил бы, как все, не преступал закон - не был бы здесь: не ты первый, не ты последний, и до тебя были, и еще будут.

Еще раз оглядел камеру: все спят, кроме нашего деда. Дед сидит на нарах, свесив ноги, закручивает самокрутку. Видно, и ему не спится. У меня на душе беспокойно, гложет тоска. Привык на тракторе, к вольным полевым просторам, к чистому воздуху, насыщенному запахом прелой земли, спелых хлебов и полевых цветов. А здесь, в четырех стенах, все на меня давит. Не могу спать спокойно. Хочется что-нибудь делать, куда-нибудь идти. Куда пойти? Кто выпустит? Сиди, думай, терзай свою душу за проступок. Жди того времени, когда опять будешь считаться полноценным советским гражданином. Бывает, что отпускают до суда под расписку, но здесь - вряд ли.

Опять вспоминаю аварию. Неужели нельзя было предотвратить ее? Неужели все было предопределено свыше и ничего нельзя было изменить? Или это роковое стечение обстоятельств привело к трагедии на дороге? Можно ведь было не ехать, отказаться и встать на ремонт. Но тогда бы пришлось расстаться с трактором. Рабочком уже грозил выгнать с работы, советовали:

-Уезжай отсюда к такой матери...

Это за выступление на собрании. Сказал не вовремя, что комплексная механизированная бригада - это рай для лентяев. Нет, не смог, не сумел тогда отказаться от этого злополучного рейса. Отказывался, как мог. У меня были на то причины, трактор технически неисправен. Накануне я ездил на разрез за углем. Приехал в деревню поздно. По дороге домой забились топливные фильтры, и фары начали моргать. Телегу не успел выгрузить. Но совхозный механик так насел на меня, что никакие причины мне не помогли. Вот и сижу теперь здесь. Эти-то

сами сюда залезли. Могли бы и не сидеть. Интересно, за что деда посадили? Мне захотелось покурить, и я закурил. Деду, видимо, надоело молчать. Или угадал мои мысли? Спрашивает меня:

- Сколько тебе лет, сынок?

- Двадцать семь, - отвечаю нехотя, мне не хочется говорить, нет настроения. Безысходность сжимает сердце. Снова нахлынули воспоминания.

В совхозе выдавали аванс. Я не стал получать деньги, думал, приеду из рейса, вместе с зарплатой получу. У меня было рублей двадцать. Зачем мне еще? Жена с детьми от меня к родственникам уехала. Придет ли обратно? Вряд ли. Поссорились и, видимо, навсегда. Надеялся подождать до весны, подкопить денег. Привезти обратно, домой, жену с детьми. Теперь все. Теперь, по крайней мере, только лет через пять, если замуж не выйдет, встретимся. А может быть, и не увижу их больше никогда? Кто бы знал, сказал бы мне. Остается только ждать.

Старый прерывает мои мысли:

- Я первый раз в 19 лет в тюрьму сел, - деду не спится, тянет на разговор, да тут еще я не сплю. Ну, старый, сидел бы, не лез с разговором, кто я тебе? Кем прихожусь? Через несколько дней разойдутся наши стежки-дорожки. И забудем друг друга. Тебе в один лагерь, а мне в другой. А может, судьба снова сведет? Я молчу, думаю, но деда теперь не остановишь, он решил поговорить. Что ж, послушаю, о чем дед поговорить хочет. Все быстрее время пролетит. Да не знал я тогда, сколько мне еще историй придется выслушать, пока буду отбывать наказание.

Дед продолжает, ему нейдет, видно, тоже воспоминания не дают покоя. Наверное, ищет ответа: почему у него судьба так неудачно сложилась. Живет один, семьи нет, родственников тоже, и крыши над головой нет. Как перскаки-поле, куда ветер пригонит - там дом.

- Ну, слушай, сынок. Давно это было. Работал я тогда с русскими геологами, молодой был, сил много, все интересно. У геологов всяких интересных приборов много было. Но особенно мне понравилось ружье у одного бородатого геодезиста. Ружье это было особое, с оптическим прицелом, ни у кого из наших сроду такого не бывало. Он это ружье всегда носил с собой, где бы мы ни производили съемку. Перед сном геодезист винтовку засовывал под матрац. Как-то он дал мне из нее пострелять, я с трехсот шагов в коробок попал. Да, то было хорошее ружье, - дед покачал головой. - Была у меня девушка тогда, но она на меня не смотрела, а может, не подавала виду, что я ей нравлюсь. Вот и решил я как-нибудь потихоньку взять у него ружье да покрасоваться перед ней меткими выстрелами. Думал, может быть, тогда обратит на меня внимание. Ну, а потом, думал, обратно принесу, и никто ничего не заметит.

Цельми днями я помогал геодезисту, старался изо всех сил угодить ему и искал случая взять винтовку. Случай подвернулся. Геодезист вывихнул ногу. Винтовка осталась в палатке, а геодезиста увезли в медпункт. Все, думаю, винтовка пока будет у меня. Когда геодезист поправится, я ему верну. Я-то думал, что ногу он сломал. Вечером, когда все улеглись, я отпросился у начальника съездить к своим. Он отпустил меня без лишних слов. Я взял винтовку, оседлал лошадь и поехал. Как же я просчитался! Надо было сказать начальнику, что я взял винтовку с собой и поехал. Я этого не сделал. Приехал к своим только утром. Все во все глаза смотрели только на винтовку. Меня словно не существует. Пришла и та, ради которой я все это проделал. К обеду страсти вокруг винтовки постепенно улеглись. Винтовка понравилась всем. Особенно понравилась стрельба из винтовки по мишени. Мишень ставили на 300 шагов и после каждого выстрела бежали проверять. Почти каждый выстрел достигал цели.

К обеду вокруг меня осталась только молодежь. Но и сверстников моих скоро дела увели по своим местам. А к вечеру приехал милиционер с геодезистом: вывих вправили, он быстро вернулся и обнаружил пропажу. Кроме меня, никто не покидал лагерь. Меня забрали тогда, как вора. Так и посадили, как вора. И потерял я тогда эту девушку, и больше уже даже не пытался ни к кому подходить. С тех пор уже четыре раза отсидел. Все по мелочам, а в лагерях добавляли то за побег, то за раскрутку. Знаешь, что это такое? Преступление, совершенное в местах лишения свободы. Раскрутка-то. На свободе почти и не был.

- Да, дед, невеселую ты мне рассказал историю. - Сразу вспомнил про свою беду: у меня-то не лучше. Что ждет меня впереди?..

- А сейчас, дед, за что тебя посадили?

- За водку, которую не смог украсть и выпить.

Ответ деда заинтриговал меня.

- Ну, дедушка, ты что-то путаешь. У нас за это не посадят, - убежденно говорю я.

Но тут в коридоре раздались голоса. Потом зазвенели ключи, открылись входные двери изолятора. Дежурный подошел к двери.

- Прекращайте базарить, - это младший сержант стажуется говорить по-русски. Он недавно поступил работать милиционером в райотдел, но уже нахватался блатных слов.

- А то в холодную отведу.

- Все, начальник, не будем базарить. Ты нам только воды дай, а то у нас бачок совсем опустел.

- Утром наберете воду. А сейчас спать.

Спорить бесполезно. Дед снял фуфайку, расстелил ее на нарах, положил в изголовье валенки и прилег. Мне осталось только последовать его примеру.

Камера небольшая. Впятером мы кое-как умещаемся на нарах. Спать неохота. Мысли потекли в прежнем направлении.

Итак, в 12 часов ко мне пришел Эзир-оол. Я предложил ему самому ехать на Убсу-Нур, но он отказался. Что делать, придется ехать мне. Ладно, думаю, "семи смертям не бывать, а одной не миновать". Отбросил все сомнения, оделся, и мы поехали на тракторе за грузчиком.

С утра было у меня предчувствие какой-то беды. Проснулся я в этот день в половине восьмого оттого, что увидел свою, умершую год назад, мать: она мне во сне что-то долго говорила, но разобрал и запомнил одно только слово, последнее - "сегодня". С ним я и проснулся. Оно на меня и нагоняло страх, врезалось в голову и засело там.

Я вел трактор и думал: что может сегодня произойти? Но когда выехал из деревни, на время забыл. Полевая дорога - не шоссе, не дает думать о постороннем.

Поехали мы втроем, дороги на Убсу-Нур к сенокосной стоянке я не знал. Эзир-оол тоже. Бригадир дал нам в качестве провожатого глухонемого грузчика. Я пробовал от него отказаться, но бригадир сказал: "Других нет, бери этого". Так и поехали, даже не пообедав. Обедать решили в небольшом селе по пути. Дорога, по которой мы ехали, шла мимо полевого стана, потом огибала поле, тянулась вдоль соснового бора и выходила на автомагистраль. На асфальте трактор перестало трясти, пошел быстрее. Вместе с тряской рассеялись и тревоги, мне уже не хотелось думать об утреннем сне. До села было не так далеко и мы скоро в него въехали. Остановились у столовой. Наскоро пообедали. Мои спутники о чем-то оживленно беседовали с помощью жестов. Наконец, Эзир-оол сказал мне, чтобы я подождал его, пока он сбегает в магазин. Я согласился. Пусть бежит. Минут через пятнадцать Эзир-оол и глухонемой вышли из магазина. В руках у грузчика был картонный ящик из-под печенья. Уже в кабине Эзир-оол мне сказал, что они взяли вино, водку и закуску. Дорога ведь длинная. Ну, что ж, думаю, взяли так взяли. Мне-то какое дело. Деньги не мои, пусть тратят, если им нравится. Пусть пьют. А я не буду.

На выезде из села обогнала автомашина - "ГАЗ-53". Из кабины вышли два парня и рукой подают знак остановиться. Я остановил трактор. Открыл дверцу...

Деду не спится. Он прерывает мои воспоминания:

- Да, сынок, я даже глотка не сделал, а сижу здесь с вами.

- Какой еще глоток, дед, - говорю я. - Ночь ведь, давай спать.

Но старик не желает молчать. Он видит, что есть кому его слушать, и потому продолжает говорить.

- Работал я в магазине сторожем, там же и спал в маленькой кочегарке на топчане. Дома-то у меня нет, мне негде было жить. И пенсию тоже не заработал. Вот спасибо заведующей, сторожем меня приняла.

Кочегарка в магазине была пристроена к подсобному помещению. Вверху, где проходила труба отопления, была дыра, забитая фанерой, возле трубы щель, через которую было видно водку в ящиках. Ящики были составлены в штабеля.

Я до этого дня гулял, потому что получил деньги. Друзей откуда-то набралось много, в общем, наутро у меня было только на бутылку водки денег. Купил я бутылку, выпил с одним другом, когда бутылка опустела, тот ушел, а я остался один, без друзей, без денег и без водки. К вечеру голова начала болеть и, как назло, ни одного друга с деньгами. Те, кто пил на мои деньги вчера, сегодня не пришли.

Думал, думал, что делать, решил идти к заведующей. Она мне иногда давала в долг бутылку, а то и две, под запись. Сходил к ней, но она мне на этот раз в долг не дала. Видно, не в настроении была. Пришел обратно, в кочегарку. Сел на топчан, думаю: что делать? Не помирать же. Дай, думаю, еще раз загляну в дырку, может, рукой смогу бутылку достать. Поставил ящики один на другой, забрался наверх. Гляжу: ряды вроде недалеко, но рукой не достать. Щель слишком узкая. Но под фанерой приличное пространство, спокойно человек может пролезть, если отодрать фанеру, под ней нет бревен.

Даже легче стало после этого открытия. Сел на топчан, соображаю. Значит, нужно подождать, когда магазин закроют. Потом подставить ящики поближе, отодрать фанеру, вытасить бутылку и снова забить дыру. Даже лучше стало. Стал ждать, когда закроют магазин. А мысли только о том, как бы кто не помешал. Наконец, магазин закрыли. Еще немного подождал. Ходил по кочегарке, думал. Вышел во двор, послушал, вроде бы тихо. Даже собаки не лают. Что ж, думаю, пора. Переставил ящики, залез наверх. Попробовал потянуть фанеру. Фанера поддалась на удивление легко. Потянул сильнее, - фанера оторвалась, за ней обнаружилась щель, достаточная, чтобы пролезть взрослому человеку. Я прикинул - бутылку

достану, если вытяну руку вперед и немного свешусь. Слез сверху. Прошел по территории еще раз. Никого не видно и ничего подозрительного не слышно. Зашел обратно, покурил, взвесил все. Снял фуфайку, поставил еще один ящик, чтобы повыше влезть. Залез наверх, вот они, бутылки, вровень с моей дырой. Только проход отделяет меня от заветной скляночки. Сердце колотится, похмелье требует своего. Протягиваю правую руку, достаю до стенки ящика, пролажу дальше, нащупал рукой горлышко бутылки, теперь бы только самому не упасть. Бутылка не выходит из ящика, ящик наклонился. Тяну вторую руку, чтобы поддержать ящик. Тело все напряглось, как струна. Если рука не выдержит - упаду вниз. Поймался левой рукой за ящик, правой тяну бутылку. И в этот момент ящик падает вниз! Слишком сильно я его наклонил. За ящиком полетел вниз и я.

Очнулся я, когда кто-то хлопал мне по лицу. Мне говорят: "Ты живой? Встать сможешь?" Пробую встать, не могу, в боку что-то болит, голова еще хуже болит. Вспоминаю, что случилось. Вспомнил. Это ж конец. Упал ведь вчера в подсобку. Да, когда меня подняли, тут же составили акт. Потом милиционер свозил в больницу, меня осмотрели, перебинтовали, а потом составили протокол и завели уголовное дело. Все за один день. Обидно только, столько терпел и не смог похмелиться.

Дед замолчал, молчу и я. Что ему сказать? У меня своих дел по горло. Не знаю, что дальше будет.

- Теперь мне, наверное, недолго с вами здесь быть, - продолжал дед. - Скоро дело закроют и опять пойду в зону. Хоть крыша над головой будет. Своя койка, чистая простынь, а на воле я еще ни разу не спал на чистой простыне. Постирать белье, и то негде. Нет, в зоне мне будет лучше жить, - убежденно заключает дед. Наверное, он прав, думаю я. Что за жизнь ему на воле? Прозябанис. Квартиру деду никто не даст. Молодые без квартир углы снимают за половину зарплаты. А тут дед, вдобавок рецидивист, нужен он кому-то! Действительно, только в зону и идти. Неужели и мне такая же дорога выпала на долю? Не дай бог, думаю я. Нет, за что? За то, что однажды сделал аварию? Но ведь не только я виноват в аварии. Или у нас судят только тех, кто после аварии жив остался? Опять вспоминаю, что произошло дальше.

Дед больше не говорит, возится с новой самокруткой. Непокорно на душе у деда, потому и не спит. Остальные спят, а, может, лежат с закрытыми глазами и слушают, но никто не подал вида, что дед своим рассказом мешает им спать. Уважают деда. Станные люди. А может, они еще больше моего переживают случившееся с ними. Пусть это их дело. Мне сейчас важно свое дело, и я вспоминаю, что же произошло дальше.

Парни подошли, один из них запрыгнул с правой стороны "Кировца" на бак, протянул руку:

- Здорово!

- Здорово! - что ему нужно? Вроде, не видел раньше...

- Слышь, друг, если есть время, помощи. У меня "Кировец" пацаны угнали и бросили в речке. Он одной половиной в реке сидит, а вторая на берегу. Здесь недалеко, минут пять ходу. Трос у нас есть. Подъедешь, дернешь немного и езжай себе.

- Ну что ж, если так, езжай впереди. Показывай, где трактор.

- Как выдержишь, сразу пару пузырей ставлю, - обещает парень. Не очень верю ему: только время отнимает. Не успею засветло к стоянке на Убсу-Нуре. Но что поделаешь, помочь надо.

Подъехали к речке. Трактор передними колесами стоит за кромкой берегового льда в воде.

Мои пассажиры отцепили прицеп. Подцепили трос. С первой попытки трактор вытянуть из воды не удалось. Мой "Кировец" с двенадцатицилиндровым двигателем только забуксовал на промерзшем грунте. Наконец, трактор выдернули. Тракторист притащил пару бутылок красного.

- Спасибо тебе. Когда-нибудь и тебя выручу. Здесь ведь нет больше "Кировцев", только у меня.

- Не за что, - отвечаю, хотя в душе думаю: "Черт бы побрал тебя с твоим трактором. Ехать мне еще неизвестно сколько, а уже четвертый час пошел".

Парень ушел. Пассажиры подцепили прицеп. Сели по местам и распечатали бутылку.

- Леха, будешь? - не смог я отказаться, жаль стало бутылок, честно заработанных мною. Выпил, закусил. Думаю: "Будь что будет". Распили вторую. А потом поехали без происшествий.

Осталось километров 50-60, как понял я из объяснений глухонемого. Из всех троих лишь он знал дорогу. Последнюю деревню проехали уже в сумерках. Я остановил трактор за деревней. Вылез из кабины. Задернул шторы радиатора, проверил воду и слез на землю, заглянул под трактор, нет ли где течи. Все было в полном порядке. Удовлетворенный осмотром, я влез в кабину, пассажиры уже закусывают, налили и мне. На улице холодно, от ста граммов не опьянею. Выпил, закусил, от второй отказался, сославшись на еще долгий путь. Слутники не стали настаивать. Допили бутылку вдвоем. Уже стемнело. Пора было ехать. Я прибавил оборотов двигателя, включил передачу, и мы поехали. Ничто пока не предвещало

беды. Мотор гудел ровно. Дорога была ровная, без выбоин, с гравийным покрытием. Водка постепенно наполнила теплом весь организм. Утренние страхи исчезли окончательно.

Неприятности начались километров через 20. Сначала из-за понижения температуры воздуха окна затянуло льдом от дыхания. Пришлось часто соскабливать лед со стекла. Потом неожиданно потухли фары. Пришлось остановиться. Стемнело. На небе - ни одной звезды не видно. Навстречу дул небольшой ветерок. И мороз...

Посидел, покурил, спрашиваю пассажиров:

- Что делать будем?

- Ехать надо, - ответил Эзир-оол. Глухонемой знаками показывает: "Нужно ехать".

- Сколько времени? - спрашиваю знаками у глухонемого.

Часы только у него были. Он показал часы - около восьми. В уме прикидываю: до утра стоять и ждать, значит, полбака солярки сожгу. Ничего не поделаешь. Придется ехать. Но сначала нужно исправить освещение. Потухли обе фары, нет ни дальнего, ни ближнего света. Нужно искать причину. Причем без переноски. У меня ее попросту не было.

Вылез из кабины. При спичках нашел причину, но устранить не удалось, пришлось соединить одну фару напрямую. Вторую соединять не стал, замерзли руки и ноги. Сам виноват, не взял валенки в дорогу, а в монгольских кожаных сапогах ноги замерзают еще быстрее, чем будь я просто босиком, в одних носках.

Влез в кабину. Эзир-оол с глухонемым опять пьют и закусывают. Предложили выпить, не отказался. Быстрее согреюсь. Вторую опять не стал пить, сидел, закусывал. Потом перекурил и, когда почувствовал, что согрелся, поехал.

Единственная фара освещала зимнюю наезженную дорогу. И я боялся только одного, чтобы она не перестала светить.

Вдали показались огни. Навстречу мне двигалась машина. Огни сначала лезли вверх. Очевидно, на подъем идет, подумал я. Потом прочертили небо и поползли вниз. На спуск пошла, следя за огнями, замечаю себе. Все ближе огни, ближе.

Опять что-то с фарой, свет на моем "Кировце" заморгал. Пришлось остановить трактор. Повозился с проводами, фара зажглась. Опять возобновил движение, но теперь скорость снизил до 20 километров в час. Про машину, что двигалась мне навстречу, забыл. Наверное, свернула куда-нибудь. Еду осторожно. Дорога незнакома мне. Где эта чертова машина? Своротка тоже не видать. Время от времени открываю дверь, останавливаю трактор, чтобы осмотреть местность. Но ничего не видно. Продолжаю движение, ориентируюсь на обочину дороги. Обочина выделяется, более или менее, от дороги, благодаря утоптанному белому снегу.

Вдруг страшный удар, трактор подкидывает куда-то вверх, меня сорвало с места, бросило вперед лицом в правый угол кабины, послышался неприятный скрежет. Двигатель на малых оборотах гложет. Тишина. Что случилось? Посмотрел на пассажиров. У них вид растерянный, непонимающий. Вышел из кабины, прыгнул на землю. Что же произошло? Темно, ничего не видно. Только центрифуга жужжит. Неужели налетел на кучу щебня? Дорожники иногда высыпают гравий и щебень в неожиданных местах, нет, не видно никакого щебня. Тогда что? И тут я заметил что-то темное и громоздкое с левой стороны от трактора. Неужели это та машина? Зажег спичку - точно, машина. "Урал-377", груженный тюками камыша. Мой "Кировец" от столкновения с машиной развернуло поперек дороги: прицеп и задний мост на правой стороне, а левое колесо переднего моста - на раме автомобиля. У машины от столкновения с трактором снесло всю облицовку, а кабину сплющило. Если водитель был за рулем, его раздавило. Ну, теперь прощай, воля и, наверное, надолго. У меня сразу исчезло настроение. Теперь уже все равно, пил или не пил, - посадят. Если у пассажиров осталась водка, попрошу, чтобы налили.

У Эзир-оола с глухонемым водка осталась, даже три бутылки. Бутылка вина разбилась при столкновении.

- Ну, что там случилось? - спросил Эзир-оол.

- Машину растоптали, - нехотя ответил я.

- Ничего, Леша, больше пяти лет не дадут, - мрачно пошутил Эзир-оол. - В зону не отправят, отработаешь в Усть-Илимске, - со знанием дела предсказал бывший уголовник. Он года три назад отбыл наказание за кражу.

Сидели, пили, что оставалось делать. Пробовал завести двигатель. Но от удара рассыпались аккумуляторы. Машин на дороге не видно. Настроение пропало совсем. Теперь я вспомнил свой сон. Так вот о чем предупредить хотела меня моя умершая мать. Вспомнил жену, детей. Как они там?

Наконец, показались огни автомобилей. Машин было три, все тоже груженные пресованным камышом. Я подал знак рукой. Автомобили остановились. Водители подошли ко мне.

- Что случилось? - спросил один из них. Я коротко рассказал о случившемся.

- Водитель жив?

- Нет, не знаю, шофера не видно. Спичками освещал, ничего не видать, - ответил

Шофера сами осмотрели машину. Посовещались о чем-то в сторонке. Потом одной из машин попробовали освободить покореженный автомобиль из-под трактора, но "ГАЗ-53" слишком слабая машина для такой операции. Она только буксовала. Шофера опять подошли ко мне. Я попросил их отвезти меня и моих пассажиров в райотдел, чтобы сообщить милиции о случившемся. Но один из водителей был пьян. Он, крича, будто я специально налетел на его товарища, подбежал к своей автомашине и выхватил рукоятку. При таком обороте дел и мне пришлось взяться за лом, которым я обычно монтировал колеса. Но, алкоголь на меня не подействовал. Слишком сильное нервное потрясение не дало мне расслабиться. Просто чувство самосохранения подтолкнуло взять лом, чтобы защитить себя и своих пассажиров. Видя, что меня не испугать рукояткой, пьяный водитель подошел к своим товарищам, те тоже подошли к машинам, наверное, чтобы вооружиться. Как я понял, машина, столкнувшаяся с моим трактором, и эти шофера - с одной автобазы. И, видимо, они - друзья погибшего шофера.

Мне осталось только вытащить своих пассажиров из трактора и оставить место аварии за шоферами. Драться, проливать кровь, когда и так мне светит срок за аварию, не в моих интересах. Мы оставили трактор и ушли в степь метров за сто от дороги. Присели, чтобы посмотреть, что будут делать эти водители.

Шофера подошли к трактору. Все вооружены. Двое остались на земле, один забрался на радиатор и, убедившись, что мы бросили трактор, начали выбивать стекла. Мне не жалко было трактора. Жалко, что все они молодые, имеют, должно быть, среднее образование, но вот сознание у них оказалось на уровне людей каменного века...

Хорошо, что нас было трое. Одного бы они просто убили. Если бы я не взял лом. А так сорвали злость на тракторе и уехали.

Пока мы сидели и смотрели на оргию дикарей, глухонемой исчез куда-то. Видимо, решил пешком дойти до стоянки: дорогу-то он знал. Остались вдвоем. Что делать? Куда идти? Остаться в тракторе? Стекол нет, холодно. Решили забрать в тракторе все, что там осталось. Осталось две бутылки водки, калач и трехлитровая банка с томатным соком. По кабине-то они не шарили. Немного мы выпили, закусили, перекурили и пошли в ту сторону, откуда приехали.

Эзир-оол опьянел и, пройдя около шести километров, нам пришлось остановиться. Я подобрал упавшие тюки камыша. Поджег их. Пока горели тюки, допили бутылку. И снова пошли, пока Эзир-оол мог идти. Потом я, сколько мог, тащил его на себе. Сколько прошло времени и какой путь проделали, не знаю. Тащил его, пока смог идти сам. Снова собрал все прессованные тюки. Поджег. Пошарил по карманам, нашел папиросы, закурил, одну отдал Эзир-оолу. Вытащил бутылку, распечатал, выпил сам, предложил другу - тот отказался. Костер догорел. Все, пора идти, а то замерзнем. Начал тормошить товарища, но бесполезно, он идти наотрез отказался. У меня тоже не стало сил его тащить, сам идти не могу. Эзир-оол лежит на утоптанном машинами снегу, свернувшись почти что калачом, спиной к ветру. Ложусь и я. Про себя думаю: сколько же времени сейчас, наверное, уже часа три есть. Ни огонька, ни звука какого-нибудь. Только молодой месяц тускло светит с ясного неба, усыпанного звездами, да холодный ветер студит тепло.

Неужели эти шофера столь глупы, что не догадаются заехать в райотдел милиции и сообщить об аварии на дороге? Должны сообщить. Даже в правилах дорожного движения есть этот пункт. Тогда надо слушать, звук на морозном воздухе разносится далеко. Особенно в степи.

Потом мысли стали о доме, семье. Где они теперь, мои дети и жена? Даже не подозревают, наверное, что со мной случилось. Господи, думаю, не дай мне замерзнуть здесь, в этой холодной чужой степи, ради моих детей. Так, с мыслями о семье, и заснул. Даже сам не заметил, как заснул. Только вижу сон. Будто стою я возле кирпичной печи. Печь топится жарко, огоньки играют в щелях между кругами, жена, дети возле стола что-то делают, и моя умершая мать - тоже: то ли лепешки раскатывает, то ли тесто месит. Я стою возле печи, тепло разливается по всему телу. Хорошо...

И вдруг в сознании, как молния проезжает мглу, проскакивает страшная мысль: "Ведь я же замерзаю!.." С трудом разлепил глаза, заставил себя подняться на ноги, чтобы больше не спать. Прислушался. Тишина такая, что в ушах звенит. Нужно будить Эзир-оола, а то замерзнет. Толкаю его. Он что-то бормочет, но вставать не собирается. Ладно, думаю, раз бормочет, значит, жив. Пусть лежит, буду тормошить время от времени. Решил больше не ложиться, боялся заснуть и замерзнуть. Пробежался на застывших ногах. Немного разогрелся. Камыша на дороге больше нет. Нашарил в кармане пиджака пачку сигарет. Закурил. И вдруг услышал еле слышный вибрирующий звук. Такой звук производит только двигатель. Сразу заработала мысль: "Все, спасены". Почему-то был уверен, что это милиция. И я не ошибся. Это были милиционеры.

- Вставай Леха. Завтрак принесли, - это меня сокармерники будят. Как я заснул, не помню. Быстро встал, умылся, взялся за борщ в глубокой алюминиевой чашке. Поели, собрали чашки, сидим, ждем что-то. Чего ждем, никто не знает, но все чувствуют, что-то сегодня будет. И, действительно, вместе с супчиком, который раздавал борщ, пришел дежурный со списком, пересчитал нас. Потом прочитал по списку фамилии. В список из нашей камеры попал только дед. Его забирают с этапом. Увезут в "воронку" в следственный изолятор. СИЗО сокращенно.

Дед, не спеша, собирается и говорит, обращаясь почему-то ко мне:

- Ну, сынок, оставайся, тяжело тебе будет, но постарайся остаться таким, каким был до этого. Тебе еще детей надо на ноги ставить. - Я ему рассказал о себе и о своей семье. - Помни, они одни только у тебя, ради них вынеси все, много тебе не дадут. А что поспорился с женой, так мало ли ссор бывает в жизни. Всё это мелочи, не меняйся на них.

- Ладно, дед. Постараюсь быть самим собой. - Мне жаль деда, голова у него еще в бинтах, его каждые два дня водили на перевязку. А тут еще везти будут двести с лишним километров. - Прощай, дед. - Я тяну старику руку, он жмет ее. Потом по очереди прощается с другими.

Мы перетряхиваем свои немудреные шmutки, даем деду, у кого что есть. Знаем, некому приносить ему передачи. Делимся, чем можем: хлебом, конфетами, папиросами, бельем, у кого есть лишнее.

Дед уходит, двери закрыли, и мы собираем свои вещи. Делаем уборку.

После уборки закурили, говорим между собой о чем-то, лишь бы убить время. Вспоминаем деда с его неудавшейся судьбой. Дед с нами прощался, как будто он собирался ехать домой. Не спеша, не суетился. Как будто знал, что его там давно ждут и без него там нельзя. Странно. Наверное, привык к жизни в зоне? Для него зона - родной дом. Так думаю я.

Сокамерники достали самодельные карты, спрятанные под нарами от ежедневных шмонов, предложили мне составить компанию в покер. Я отказался. Мысли одолели. Что же мне преподнесёт судьба? В какую сторону занесет? Смогу ли остаться тем, кем был до аварии? Не сломаюсь ли духом?

Хочется верить, что не сломаюсь. Что бы ни случилось со мной. Все вынесу. Отбуду наказание и вернусь к семье.

Вернусь человеком.

ПОЭЗИЯ

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН,
народный писатель Республики Тува

ДЕВЯТЬ АЛГЫШЕЙ

Посвящаю светлой памяти первого художника Тувы Всеволода Ламаевича Тас-оола
(1 марта 1920 - 26 февраля 1988 гг.)

1. АЛГЫШ СОЛНЦУ

Ты даришь нам, солнце, свою благодать,
ласкаешь ты всех, не забыв ни о ком.
Спешу я хвалу тебе, солнце, воздать
и жертвенным брызжу в тебя молоком.

Вставая с утра, принимаясь за труд,
я древних обычаев не забывал,
просил: пусть здоровыми дети растут!
Пусть беды обходят наш мирный аал!

Пусть юных деревьев в родной стороне
не сломят метели под свист и вытье,
пускай не ослепнет в дыму и огне
над миром высокое око твое!

2. АЛГЫШ НЕБЕСНОЙ ГОРЕ МОНГУН-ТАЙГА

Надеясь на лучшее, веря в добро,
на эту вершину смотрю я с утра.
"Монгун" означает у нас "серебро",
"тайга" означает не "лес", а "гора".

И жаркой порой, и морозной зимой
сверкает она, высока и чиста.

Серебряной или Небесной горой
ее называют у нас неспроста.

И, значит, должны мы, как душу свою,
сберечь для потомков высокую ту,
нетронутую,
незапятнанную
святую
серебряную
чистоту!

3. АЛГЫШ ОДУВАНЧИКУ

Еще на земле, в затененных местах,
лежат неподвижные глыбы снегов,
а ты уж пробился, отбросивший страх,
отважный любимец людей и богов!

Ты - первенец нашей тувинской весны.
Давай пошаманим мы вместе с тобой:
пусть будут родимые дали ясны,
прозрачен и чист небосвод голубой.

Нелегкая доля - идти впереди.
Недолго поприрадовав, скроешься ты.
Но все-таки не отцветай, погоди,
пока не поспеют другие цветы!

4.АЛГЫШ РОДНИКУ

Ты - чистый родник, благородный аржаан,
пробившийся из-под громадной скалы.
Сам бог бы, наверное, не удержал
твое устремление к свету из мглы.

И в зной, и в мороз не сдавайся, бурли,
слагай свою вечную песню пути,
пульсируй, как сердце тувинской земли,
в далекую даль иноходцем лети.

Усталому губы волной омочи,
зажги ослабевшее пламя в крови,
больного, страдающего излечи,
печальных порадуй, певца - вдохнови!

5.АЛГЫШ КОНЮ

Сбирался ли в путь, снаряжался ли в бой
ты, предок мой дальний, тувинский пастух,
твой конь, как товарищ, был всюду с тобой,
степями, горами летел во весь дух.

Когда ж на пути попадалась река,
он лодкой гривастую плыл поперек.
Я ныне прошу земляка-степняка,
чтоб он, благодарный, коня поберег.

Пускай подарил нам стремительный век
и автодорогу, и аэродром,
а все-таки лишь на коне человек
воистину смотрится богатырем!

6.АЛГЫШ СКАЗИТЕЛЮ

Недаром мужчины спешат вечерком
в приметную юрту - жилье чабана:
шаманский напев ему с детства знаком
и власть над сердцами большая дана.

На коврике круглом сказитель сидит,
глаза отрешенно прикроет - и вот
по-древнему голос его загудит
и предков, ушедших давно, призовет.

Он их позовет из далеких миров,
и молят сидящие с разных сторон:
пусть будет сказитель-хранитель здоров,
чтобы никогда не закашлялся он!

7.АЛГЫШ ТУВИНСКОМУ ЧАЮ

Культ чая тувинцам известен давно.
Приезжий, заезжий, гляди, примечай:
подносится гостю у нас не вино,
а крепкий, завещанный предками чай.

Две горных вершины, пусть рядом стоят,
вовек не сойдутся, - народ говорит.
А люди сойдутся, не зная преград,
и чаю напьются, - народ говорит.

О многом я гостя хочу расспросить
в неспешной беседе перед огоньком,
но первое дело - его угостить:
вот круглая чаша, в ней - чай с молоком.

8.АЛГЫШ ЯЧМЕНЮ

Холодные отбушевали ветра
и, теплое, тихое лето суля,
весенняя в горы приходит пора,
мягчает прогретая солнцем земля.

Из нор, пробудившись, выходят сурки,
и гуси вернулись в положенный день.
На горное поле спешат старики:
"Пора, - говорят они, - сеять ячмень."

В горах не растут ни пшеница, ни рожь,
в горах колосится ячмень лишь один.
Да будет, молю, урожай твой хорош,
наш друг, символ жизни, ячмень-господин!

9.АЛГЫШ ЧЕЛОВЕКУ

Родившись в нелегкий, трагический век,
сегодня, на склоне отмерянных дней,
я верую, что на Земле человек
всех все-таки выше. И все же - умней.

Но как получилось, что, умный такой,
он создал оружие, атомный бич,
что может весь род уничтожить людской,
- вот этого так и не смог я постичь.

И все-таки верю я в солнце во мгле,
и в разум людской, и в его торжество.
Уж раз человек всех умней на Земле -
пусть будет умней и себя самого!

ДВЕНАДЦАТЬ

Двенадцатистишия по Лунному календарю

МЫШЬ

Маленький-удаленький, серенький малыш...
Даже исполина побеждает мышь,
быстрая да шустрая... Голову склоня,
славлю я тебя, а ты ж выслушай меня.

Вечное движение, чудо быстроты!
Сделай, чтоб сбылись мои тайные мечты:
чтоб амбары наполнились просом, ячменем,
чтобы все исполнилось, думалось о чем.

В темноту подземную не бери с собой:
многое не сделано, путь не кончен мой.
Лет промчится дюжина - смело приходи,
во дворец воздушный мой гостьей заходи.

КОРОВА

Надежней всех Коровы мирный год:
рекою белой молоко течет,
посуду им наполнит человек -
тут сыр, там масло, здесь творог, чокпек...

А если цены вверх подскочат вдруг?
Рогами на испуг бери хапуг:
- Не наживайтесь на добре моем,
не то бодну и растопчу живьем!

Кто жало точит, крови хочет кто -
хлещи того, как комара, хвостом!
Пусть людям бед не принесет в жилие
холодное дыхание твое.

ТИГР

Сила и ловкость в Тигриный год
спорят друг с другом: кто верх возьмет?
Спорить напрасно: они равны,
словно полоски с его спины.

Злоба коварная, прочь от нас!
Слез не прольешь ты с невинных глаз.
И горячиться причины нет:
Тигр хладнокровен, в том суть побед.

Тигр, одолжи нам в своем году
силу и смелость, и прямоту,
зоркостью глаз твоих надели,
острый свой ум дай людям земли.

ЗАЯЦ

Нежнее бархата и шелков
пушистый, теплый заячий мех.
В достатке будет зимой снегов,
а летом трав достанет на всех.

Родится много детей, внучат -
веселых, крепких, сытых зайчат.
Зима холодная не страшна -
заложен добрый запас зерна.

О чем тоскуешь, душа, скажи?
Обильны блага, спокойна жизнь...
Беги, спасаясь, от злых тревог,
надейся, Заяц, на резвость ног...

ДРАКОН

Между землею и небесами
чудо вершится за чудесами:
громы и молнии, ливни-дожди -
и урожая обильного жди.

Ты вдохновенных любишь, Дракон?
Ты, говорят, в искусство влюблен?
Яркие даришь земле цветы,
все порождения красоты?

Будет любовь счастливой и жаркой,
песни, веселье - людям подарки.
Но берегитесь: а вдруг война
молнией грянет - грозна, страшна?..

ЗМЕЯ

Сказывают: тихо Змея ползет
и, в пыли свиваясь, шипит, дразня:
- Нет у меня крыльев, не рвусь в полет,
но Дракону все-таки я родня!..

Жалит ядовитый ее язык,
будьте осторожны в Змеиный год.
Скромному да смиренному не грозит,
много и добра она принесет.

Год Змеи боится года Коня:
прячься в темный лес от твердых копыт,
слышите, как злобно Змея шипит?
Трудным будет "хвост" - последних три дня.

КОНЬ

Жизнь арата без коня невысказана.
Все заботы, помыслы - о нем.
Горные преодолеем выси мы
вместе с другом дорогим - конем.

И в другие выси воспарение

год Коня сулит для резвых дум:
на коне крылатом вдохновения
многого достигнет здравый ум.

Но смотри, живущий припеваючи:
смирен Конь до рокового дня.
"Страшен конь, седло с себя сбивающий", -
говорит народ. Не зли коня!

ОВЦА

Не верьте хвастунам: "Подумаешь - Овца!.."
Побегаешь за ней, стирая пот с лица,
в степи, чтоб под конец, когда совсем устал,
собрать жемчужинки рассыпанных отар.

Кто хочет сладко жить, кто хочет вволю есть,
рядиться в модные овчину, кожу, шерсть,
овечку-скромницу попробуй, попаси,
от зноя и пурги, от зверя упаси!

Покорный, кроткий взгляд, сама нежна, мягка,
и шерсть ее ягнят белее молока...
Архарам горным все ж овечий род сродни,
а в гневе жалости не ведают они.

ОБЕЗЬЯНА

То качает в люльке год Мечи,
то разит, как острые мечи
то сулит вам множество утех,
горьким плачем сменит звонкий смех.

Все в движенье, все непостоянно...
Что ж, таков характер Обезьяны:
сами знаете ее ужимки,
шутовство, проказы и ошибки.

Не горюйте! Прав или не прав -
каждый помни обезьяний нрав.
Будет много ягоды, ореха...
Может быть, дождетесь и успеха.

ПЕТУХ

Встречает рано он рассвет -
и год приходит рано к нам.
Особого обилья нет -
есть цель достойная трудам.

В наряде, алом с золотым,
в венце своем красив Петух.

И все нарядны, как цветы...
Остерегись: драчлив Петух!

МОНГУШ ДОРЖУ

Ох, хрупко круглое яйцо:
покатится - лови живей!
Украшь улыбкою лицо,
будь добр и дружбу не разбей.

СОБАКА

Если имеешь собаку хорошую,
значит, не будешь один, - говорят.
Станет собака твоею помощницей,
верное сердце в груди, - говорят.

Вырастет хлеба такое количество -
впору собак запрягать: вывози!..
След позабытой надежды отыщется
в прошлом далеком, в пыли и грязи.

Только ты слишком-то грудь не выпячивай:
я, мол, хозяин, коль раз приласкал..
Ну как придется взвять по-собачьи, а?..
Знаешь, как грозен собачий оскал.

СВИНЬЯ

Если ты родился в год Свиньи,
огорченья позабудь свои:
кто смеяться станет над тобой,
сам тогда окажется свиньей.

От земли не отрывая взгляда,
роет, роет - тут открыться кладу:
работающих любит мать Земля,
плуг озолотит, добро суля.

Счастья урожай тогда родится,
честно если на земле трудиться.
Если ж праздность, лень кому дана -
есть про тех клыки у Кабана.

ТЕБЕ

Мы перед смертью все равны:
как степь, нас солнце выжжет.
Сердца дружны, как близнецы,
должны быть, чтобы выжить.

И совесть наша, - та же кровь,
которой сердце дышит.
И правды лаконичность слов,
как колокол, мы слышим.

Мы все по-разному живем:
у всех свои отцы.
Но в одиночестве своем
все люди - близнецы.

* * *

Разлука, как хрустальные снежинки,
мерцает в косах. Первая любовь
мелодией заигранной пластинки
знобит меня, как в юности былой.

* * *

У песен соловьиных свой полет:
луну и солнце трели оплетают.
И кажется, протяжный небосвод
душой наполнен. А душа рыдает.

О если б ты познала эту ночь!
Тогда бы ты саму себя познала.
Я знаю, что любви не превозмочь.
Любовь моя моим несчастьем стала.

СМЕРТЬ МОЕЙ СОБАКИ

Не знала ты людского зла.
Со смертью в дружбу поиграла.
Хрипя, до дома доползла
и у порога умирала.

Прогоркло солнце в небесах,
как масло в липком целлофане.
Слюна аела на клыках.
А мухи губы целовали.

Не знаю, кто же и за что
пустил в тебя литую пулю.
Не стану думать я о том.
Мне страшно видеть боль слепую.

На белом свете смерть одна
жалее всех, как мать седая.
Когда-нибудь меня она
к своей груди прижмет, рыдая.

ЛЮДМИЛА САНЧАЙ

КАК МНОГО ЗЛА...

Не потому,
что в мире места мало
великому,
чем красен человек,-
пространства,
да и времени хватало
тому, кто сеял зло
из века в век.

Быстрее добра недоброе плодится,
во всем спешит успеть и обогнать.
Едва любовь на радость нам родится -
бьет ненависть уже родную мать.

Добро и Зло...
Они - как слон с шакалом.
Шакалов много нынче развелось.
Их лезть
в оправе злобного оскала
нам не однажды видеть довелось.

Слоны добра
прозрачны и огромны
и неприметны, может, потому
для тех, кто так в ничтожестве
нескромны,
кто жаждет благ себе лишь одному.

Добро и Зло...
Дитя и враг наш лютей...
Ребенка надо сердцем закрывать.
Добро всесильно и бессмертно,
люди!

Озлившему его -
не сдобровать!

К ТЕБЕ СТУЧИТСЯ МИР...

Не верь,
что мир жестоким стал,
не верь.

Открой пред ним
души замерзшей дверь,-
пусть музыка восторга
в ней звучит.
Открой же!

Слышишь,
громко как стучит?..

Впусти его.
Пусть зацветут снега -
надежд застывших белые луга.
Да, не снежинки,
да, цветы живые!

Спасибо, мир,
за краски все земные,
за запах моря,
что принес с собою,
за звезды,
в дом вошедшие гурьбою,
за то,
что не над хлебом я колдую,
а вешний ветер деревом целую
и на челе моем роса блестит...

Прекрасен будь,
кто миру посвятит
тот час, когда другим - не до него!..

Не верь, что мир жесток,
впусти его,
ведь это ты ожесточился, ты!..
В руках у мира -
радости цветы...

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ БЕСА

- Присядь, Весна.
Поговорим с тобою.
Не о любви.
И даже не о нас.
Пусть небо изольется синевою -
не подниму, любяясь, ясных глаз,
не брошу взгляда,

словно камня в воду,
на бирюзу сияющих небес...

- Да что с тобою?
Ведь такую сроду
ты не была!
И что за лютый бес
в тебя вселился, душу изъедая?
Я выслушать готова, говори!..

- Прекрасная и вечно молодая,
враждующих друг с другом помири!
Цветами их осыпь.
Лучей побольше
кидай ты наземь, ослепляя всех
игрою солнца.
И побудь подольше
ты там, где плачем стал ребячий смех!..
Весна, Весна,
даруй ты людям силы,
чтобы в сердцах надежда ожила,
и мрак безверия лучом пронзила
и за собою к свету повела!

- Ах, милая,
ну что за разговоры!..
Попробую..
Но только надо знать,
что сами люди
все свои раздоры
должны и могут
из судьбы изгнать:
дарить цветы,
любовью ослепляя,
и в кузнице труда ковать лучи
всех радостей земных,
тем уверяя,
что солнце светит на столе, в печи
и в сердце,
благодарном всем работам,
от коих не умолкнет
детский смех..
Что ж, беса изгонять - моя забота,
а ты болей, родимая, за всех,
но в небо - посмотри!..
И побеседуй
с деревьями,
и окупись в рассвет,
и о заветном
ты земле поведай,
что в муках хлеб родит
на много лет...

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД СЛАДОК

Парнишка-тувинец
с девчонкою русской сидел.
С лица ее
прядь непокорную пальцем убрал,
но так,
словно легким и нежным касаньем хотел
сказать, что богиня она,
что у ног бы ее умирал
и блаженством воспринял
истаяние от любви...

Вот юноша русский
с тувинкою юной прошел,
как ветвью дубок,
тонкий стан он рукою обвил,
к губам прижимая другою
волос ее шелк.
И тем же касанием пальцев
понятнее слов
он пух тополиный сгоняет
с любимых бровей!..

А где-то уже
наложили запрет на любовь,
не признающую, кто ты
и чьих ты кровей.
При жуткой свободе
горький плод
на ладонь упадет,
что сладким,
несказанно сладким
от веку зовут...

Где ненависть сеют,
протестом любовь расцветет.
Враждою пресытившись,
к миру народы придут.

* * *

ПАМЯТИ ДОРОГИХ СЕРДЦУ ЛЮДЕЙ

Мертвенно-яркое утро..
Вселенной окраины
близко горят,
отразив ослепляющий свет..
Тяжкое горе терзает
смертельною раной:
вас я ищу по далеким мирам
и зову,
но ответа мне - нет.

И возвращаюсь,
на тысячу лет постаревшей,
вселенских границ
убивающий свет победив
тихим, дружным восходом
белейших седин -
жизней ваших сияньем,
светло отгоревших.

Нимбом увенчана,
вдруг пойму - за Вселенной
нет света,
просто горюшко горькое
смертушек черных черней.
Ярко, пугающе ярко
ненастье рассветов,
но отступит оно
пред блистанием
скорби моей...

СЕГОДНЯ - НЕ ЗАВТРА!

Там - скрежет танка,
тут - ребенка лепет...
Там - льется кровь,
тут - раздастся смех...
Тут -
Ленина из пластилина лепят,
там - памятник разбили
без помех!..

Я слезы лью,
а кто-то тем доволен...
Но кто сказал,
что плачущим - не жить?..
Пока слеза дрожит -
остры все боли,
а значит - ими можем сокрушить
преграды,
разделившие народы,
препоны,
озлобившие людей...

И я,
из победителей породы,
сегодня плачу...
Бойся, лиходеи!..

Кара-оол НАТПИЙ-ООЛ

ОТ ВЕСНЫ ДО СНЕГА

Рассвет придет,
и сонная трава,
легко вздохнув,
обронит наземь росы.
Так я роняю чуткие слова
на белый лист бумаги безголосой.
И вновь душа прозрением жива,
с бесценной этой ношей расставаясь.
Извечный круг.
Душа. Слова. Трава.
Зенит весны.
Рассвет зеленый мая.

* * *

Вновь птица в солнечной листве
поет о жизни бесконечной.
А я, валяясь на траве,
размеры пестую беспечно.

Наступит миг.
Растает след.
Никто назад не возвратится.
Но пела птица.
И поэт
низал стихи
и слушал птицу.

* * *

Снега.
Снежинки.
Надайте неслышно.
Укройте землю ровно и светло,
октябрьских дней узорное тепло
венчая белоснежной, легкой крышей.

Рожденного в горах зовут снега
и путаница теплых троп звериных.
Охотников, в кружок сидящих чинно,
кровавит жар лесного очага.
Огонь родной земли, храни и грей.
И вечен будь. Лишь сбереги мне малость:
от вешних лебедей любви моей
под сердцем льдинка колкая осталась.
Залечат рану холод и простор,
и белый снег, что замедляет землю,
тайгу, и степь, и цепи синих гор -
все, что душою зимнею приемлю.

Инна ПРИНЦЕВА

ХОЛШОВОЕ ЗЕРКАЛО

Из цикла стихов

Холшовое зеркало.
В зеркале ветер
и женщина цвета песка на рассвете,
зеленое яблоко в смуглой руке,
зеленое дерево в душном песке.

* * *

А может быть,
мы покрыты одной корой?
А может быть, просто не знаем,
что время пришло листопадать?

И зеленеет унылой осенней порой?
А может, садовник давно нас отрезал пилой?
А может, горели костры
и в лесах начинались пожары...

От этого дыма безумные дети рожались -
железа боялись,
зеленой цвели головой.

* * *

Плетеная легкая лодка,
белые всплески тел -
пусти!

Узел горячих вен,
живой клубок кобр -
пусти!

Здесь не гулять -
летать, прыгать, красться, ползти -
смотри -
яблоки вниз головой
светятся и висят!

А что такое "нельзя"?
Пусти!

* * *

В дешевых стекляшках,
в шелках шипящих -
зеленоглазая - тварь - продажная.

В свете бессонном,
во тьме и усталости -

очень - живучая - тварь - ползучая.

В великолепнейших словоблудиях,
от чужого курева дымная -
просто - женщина - нелюбимая.

* * *

Прежде чем куклу себе купить -
нужно уметь ей башку разбить.

Прежде чем перестать играть -
краску нужно с лица сцеловать.

Что под обломком гнилой доски,
что гнезда свили во мне пауки -
знаю,
тебе - плевать.

И мне все равно, что лежу давно,
что ветер приносит мусор в окно,
в глазах от пыли черным-черно,
если придешь - не узнать.

Ведь скоро все будет наоборот,
заплачет улыбкой рисованный рот,
глаза промоет осенним дождем,
пойду к хозяину босиком.

Лохмотья, как перья на мокром ветру.
Я в птицу играю. Я скоро умру.

* * *

В трубу разрушенной луны
мы вылетаем, вылетаем,
стыдливо в рифму причитаем
про "плохо жить",
про "жизнь другая",
там, за луной, совсем другая,
вся в блестках первой седины.
И ходят в белом и зеленом,
не пряча толстых душ холеных
в копилку розовой луны.

Мы причитаем -
очень страшно
скользить в соленом, мокром, красном
под изучающе-бесстрастным,
стерильным стеклышком луны.

Болат МААДЫ
СВЯЩЕННОЕ В ЗЕМНОМ

И счастье, и беда изведаны не зря.
Стихи свои слагаю, жизни их дая.
Частичка маленькая в космосе людском,
угадывал не раз священное в земном.

Священен человек от века и навек.
Священен для него любви высокой свет,
и песни колыбельной чистые слова,
и первая трава, и неба синева.

* * *

Кузница трудяги-отца -
колокол детства моего.
Звон металла в его руках -
силы людской торжество.

Матушки милой нежный напев
помнит душа старика, поседев.
Два начала в песнях моих:
сила и нежность питают стих.

НОВЫЕ ИМЕНА

Алексей БЕГЗИН-ООЛ

АРЖААН

Подаренный природой материнству,
журчал здесь исцеляющий поток.
Как в сказке, от воды его искристой
затягивался первенца пупок.

Святое слово "мать" на слово "деньги",
как деньги разменяли. Никогда
из сорных удушающих растений
не выберется чистая вода.

Торгующие телом осквернили
и высосали девственный аржаан.
Густая лужа с запахами гнили
детей болезнью будет поражать.

* * *

Как краток счет мгновений наслажденья.
Грешили ночку. Молча разошлись.
И выпитая чаша сожаленья,
я знаю, для тебя - пустой каприз.

Костер погас и, кроме раздраженья
в душе не вызывает чувств иных.
Обман любви - двойное поражение,
помноженное разом на двоих.

* * *

Поскандалить напрасно пришел.
Перегаром неслись излиянья.
Мне ни плохо и ни хорошо.
Мысли пьяные - мозга страданья.

Был бы трезвым, возможно б, разжег
чувство гнева, эмоции рьяные.
Впрочем, день-то еще не прошел.
Жди меня вечерком. Снова пьяного.

* * *

Вот и забываются верткие красавицы,
частые свидания, ночи напролет.

Сердце наполняется чувством, словно завязью,
будто созревает в нем долгожданный плод.

Чаще вспоминается девушка-упрямица:
звонкая пощечина срезала мой пыл.
Юность бестолковая. С гордостью не справился.
Девушку-упрямицу я всегда любил.

Евгений АГАРКОВ

ЗАХОТЕЛОСЬ МНЕ ПЕТЬ...

Захотелось мне петь - я не пел.
Умереть захотелось - не умер.
Волос на голове поредел,
говорят,
что от долгих раздумий.

Не хотелось писать - не писал.
Не хотелось мне верить - не верил.
Не хотелось стучать - но стучал
громким стуком в открытые двери.

Не хотелось скучать - не скучал.
Одиночество гнал - не уходит.
Над бумагою белой молчал,
слова ждал,
что вот-вот на подходе...

Мне хотелось сказать, но не мог.
За меня говорили другие.
Рот мой словно закрыт на замок,
словеса мне твердили пустые.

Захотелось уехать - но нет:
хорошо там, где нас не хватает.
Где нас нет, там страдают от бед.
Где мы есть - одиночество тает.

К ПРИХОДУ СНЕГА

Последний день тепла и солнца.
А завтра грянет первый снег.
тихонько постучит в оконце,
а там уж наберет разбег.

Ну, а пока деревья голы,
опавшей шелестят листвой.
И ветер, озорник веселый,
сметает листья с мостовой.

К приходу снега все готово -
так люди ждут приезд царька:
земля надела плащ багровый
и до краев полна река.

Здесь снег останется надолго,
он в землю влагу воплотит.
А гость высокий - с чувством долга
закатит речь - и улетит.
Нет обещаний у природы.
Все в срок (за что люблю ее).
И вам, смиренные народы,
совет: учитесь у нее.

РОМАН СЕВЕРОВ

ТАНЦУЮТ ТРАВЫ...

А утром тишина стоит такая,
и чист и непорочен небосвод.
Танцуют травы на исходе мая,
как девушки, выходят в хоровод.

Малы, нежны - дюймовочки и только,-
возьмешь и унесешь домой в руке,
но как они выплясывают бойко
на низеньком невзрачном бугорке!

Среди широкого российского простора
невиданный кружится хоровод,
под управленьем ветра-дирижера
то быстро он, то медленно плывет.

Мелодия такая зачарует:
о сердце, я прошу, не замирай...

А вы видали, как трава танцует,
когда в небытие уходит май?

ШУГА

На льдине мечется волчица.
Вот делает опять прыжок:
судьбе не хочет покориться...
Близка погоня. Стих рожок.
И вот целуют пули воду
И далеко желанный брег...

Твою ничтожную природу
о как я вижу, человек!
И надо же так заслониться

от совести и от стыда!..
По льдине мечется волчица,
темна холодная вода.

Но пьяные, конечно, мажут,
и, кажется, ей повезет:
они потом другим расскажут
про "недолет",
про "перелет"...

Волчица прыгнула на берег,
а пули все о лед стучат...
Судьбой нелишний день отмерен:
голодных покормить волчат.

И если ночью мне не спится,
то вновь припоминаю я:
на льдине мечется волчица,
как грешная душа моя.

СЪЕМКИ В ГОСПИТАЛЕ

Эх, зачем ты снимаешь, фотограф,
прошагавших сквозь эту войну,
искалеченных, хмурых и добрых?..
Чью сейчас искупаешь вину?
Неподкупны и искренни взгляды
уцелевших в смертельном огне...

Помнишь, раньше снимал ты парады
и "вождей" на кремлевской стене,
нашумевшие "ходки" на Полюс
и веселых детей у костра...

Ну, а тут, о больном беспокоясь,
тихо плачет у койки сестра.
Горе здесь и сурово, и грубо.
За чужие грехи заплатив,
привезенный с "Афгана" обрубок
страшно смотрит в немой объектив.

ОВЧАРКИ

Монолог заключенного

Несете службу без помарки
и сразу видно, что всерьез.
Чего вы мечетесь, овчарки,
людей доводите до слез?

Пришел желанный месяц травень
и сердце тянется к добру...

Забудьте, кто у вас хозяин,
уткнитесь мордами в траву.

Живёте, в справедливость веря
своих отточенных клыков.
Из вас сумели сделать зверя
и вырвать из собачьих снов,
где были вы еще щенками...

Но выросли. И вот - удел:
вы встретились случайно с нами...
Так где же подлости предел?

Пускай мы падшие такие,
о нас молва, как грозный вал,
но ведь, во времена былые,
кто "милость к падшим призывал"?

Но надо выдержать темп гонки
и сила воли тоже есть...
Поймите, мы не все - подонки
и нам не всем доступна месть.

Прошел чудесный месяц травень,
душа тоскует о добре...
Забудьте, кто у вас хозяин,
и поваляйтесь на траве.

ТАМ, ГДЕ ПРОШЛИ БОИ

Дует ветер, развевая прах
тех, чья жизнь за Родину
положена...

Они жили и любили тоже,
и не знали, что такое страх.

А сейчас в истлевших их костях
суетливо роется подонок:
он красив, надушен, ловок, тонок
и ему неведом тоже страх,
он желает золото найти,
но находит только кости, кости...
Видно, до него тут были гости
и успели что-то унести,-
так он думает.

Потом плюет
в черепа огромные глазницы,-
их, должно быть, расклевали птицы...
Он стоит и водку в себя льет.

А его папаша, нувориш,
прикатил сюда, чтоб поразвлечься
и от денег бешеных отвлечься, -

пусть в покое отдохнет "малыш",
ведь его никто тут не ругает,
может, и отыщет что-нибудь...
Как, - от смеха вздрагивает грудь, -
черепом его сынок играет!..

Если б череп мог порассказать,
как он встал, на танк пошел с гранатой,
как стучали немцев автоматы,
как упал он, вспоминая мать...

О лихое время перемен!
Я твой бег, не бойся, не нарушу...
Лучше погляди, как прямо в душу
харкает "советский" бизнесмен.

АНАТОЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ

КРИК ДУШИ

Как ты силен, мой крик души,
и как ты слаб и безутешен...
Я знаю, что и где болит,
да мне помочь другому нечем.

Прекрасно знаю: не меня
вчера машиной задавило.
Но ночь придет в замену дня -
и вот душа моя заныла.
Боль... До того она сильна,
что тело в лихорадке бьется:
нет, не сго собьют - меня...
Раздавят...Сердце распадется...

Взгляните, люди, на себя!
Зачем вам грызться, словно звери?
Друг друга бранью осыпать,
в грязи топить, в потоках скверны?
А мне опять за вас страдать,
мне снова ночью будет тяжело
за старика (ему - плевать)
и за жену его, бедняжку,
избитую - да ни за что!..
Содеянного не исправить...

Опомнитесь скорей! Не то
убьет вас, люди, ваша память.
Ведь люди вы!
Вы жить должны
на благо в мире всем другим,
чтоб, в благодарность вам, они

добро творили остальным.

* * *

Уходя, не гасите свечей:
пусть они догорят и растают.
И еще попрошу об одном:
дверь мне тоже открытой оставить.

Пусть открытою будет всегда
и кто хочет и может - заходит.
Кто бы ни был он, я буду рад,
лишь бы только не быть одиноким.

Что мне делать: себя не пойму.
Понимал всегда душу чужую.
Но свою не открыл никому,
а носил, словно камень тяжелый.

* * *

Я сегодня ушел от утрат и потерь,
я ушел от проклятой жизни,
я себя поборол и силы нашел,
чтобы снова на свет появиться.
И в обличье другом, сильный духом своим,
я родился на свет с чистым сердцем.

А до этого дня я не верил в любовь,
думал: нету ее и не надо.
Был жестоким к другим, всем перечил назло
и плевался на все едким ядом.

А теперь я стою на дороге большой,
на коленях стою перед вами.
Вы простите меня,- я себя поборол,-
отпустите грехи, умоляю.

* * *

Потушен свет, потерян час.
И не вернешь теперь назад
того, о чем мечтал всегда,
в чем смысл был, в чем твоя душа
могла найти себе покой.

Что человеку надо для души?
Жить в здравии и без греха любить -
любить любого, кто придет,
идти помочь, кто позовет.

И даже если это будет краем,
которого нельзя переступить -
стократ умней окажется "глупец",

подавший руку, но погибший сам:
ведь он другому отдал жизнь свою,
а это все - мирская суета...

ЛОРИС ШУЛЬГИН

ПОЗИЦИЯ

Арена искрится, залитая светом.
Застыли трибуны. Лед девственно чист.
Взметнулся над кругом в тройном пируете -
и вдруг, оступившись, упал фигурист.

Не слышит он свиста, не видит ухмылок,
поднялся, ужаленный, ритм подхватил,
и, словно все это задумано было,
два раза подряд тот прыжок прокрутил.

За классность, за точность мы тем благодарны,
кто гладко программу свою откатал.
Но этому, духом не павшему парню
Я ставлю заслуженно высший свой балл.

Как часто изменчив судьбы добрый гений,
но мужество сильных сумеет стерпеть
досадную горечь случайных падений:
не падает тот, кто не может взлететь.

Я формулу эту по полной программе
не раз и не два на себе проверял.
Взлетал... и катилось все к чертовой маме,
всего добивался - и снова терял.

Но если ты не был без средств и без дома,
судьбе не заглядывал в алчную пасть,
к вершине пришел, лишь удачей ведомый,
не бойся сорваться с нее и упасть.

Твой путь - не загадка, а скучная серость
-не верхом, так низом идешь по прямой.
А мне по душе синусоиды смелость
с ее, пусть короткой, но четкой волной.

ЛОЖЬ

Ложь во имя святого, во имя добра,
ложь во имя спасенья любой ценой...
До чего же ты, совесть, бываешь щедра,
когда эту вот ложь допускаешь порой!

Но бывает и низкая, подлая ложь,
та, которая кличется просто враньем.
И все чаще мы слышим: "Соврешь - не по-
мрешь"...
Избежавших вранья не сыскать днем с огнем.

Соблюдая во всем честь и совесть, скажи,
мудрено ль получать от судьбы тумачи?
И бытует в народе оправдание лжи:
мол, на свете не врут одни дураки...

И вступаем легко в тот порочащий круг,
где считается правда уделом богов.
И становится грустно, как посмотришь вокруг:
стали умными все, не видать дураков.

АЛЕКСЕЙ ЩУКА

ИКЕБАНА

Икебана -
тонкая наука.
Словно в танце,
пальчики скользят,
ласково и бережно -
без звука
лед согреют,
камень охладят.

Маленькая
женщина Востока
камни и цветы
переберет,
там, где всходит солнце,
у истока,
над букетом бережно замрет.

Икебана -
это вдохновенье,
мир души,
раскрывшийся не зря,
красота,
застывшая в мгновенье,
как на камне
слезы янтара.

СЕСТОГРАДО*

Все в горах
остается в прошлом,
мелким кажется
и пустым...
Здесь любая твоя оплошность
станет случаем роковым.

Потому впереди
наградой
на вершине лишь
миг из вечности...

Школа мужества -
сестоградо -
категория человечности!

ЧЕЛОВЕК

Эй, человек,
венец творенья,
природы вечной торжество!

Она ваяла вдохновенно
твой разум, тело и чело.

Теперь ты - гений!
Ты всемогущ,
огонь и воду укротив.
Но в мудрости своей
наивен,
как самый
жалкий примитив.

Ну, а природа,
мать-природа,
уже подвластная тебе?
Она с терпеньем
ждет исхода
на нашей грешнице-Земле.

О Человек!
Ты - Прометей!
Владея
лазерным лучом,
Гордиев узел
не посмей
рубить
Дамокловым мечом.

ДОЖДЬ

Дождь пройдет,
и свежим востром вольным
сразу будто
душу распахнет,
и в нее мостом
неразведенным
радуга из неба упадет.

Солнце брызнет
краски на полотно,
на полотна
Неба и Земли,
и исчезнут
тучи неохотно
синию громадою вдали.

* * *

Только книжный переплет
пахнет вечностью.
Только книга свет несет
человечеству.
Душу может разбудить
лишь поэзия.
Остальное - суэта
бесполезная.

* * *

Что может быть
желанней женщины?
Что может быть
нежнее слов,
в которых
тайною обещанной
звучит ответная любовь?

Что может быть
прекрасней осени,
способной
душу оживить,
не важно то,
что волос с проседью,
ведь главное -
уметь любить.

Кто может быть
милее друга,
пока вам верится
в друзей,
пока цела
к седлу подруга
и не стреножили коней.

*Сестоградо в альпинизме - высшая категория; искусство восхождения по острому углу

Сергей НАТПИТ-ООЛ

КАК ЗДОРОВАТЬСЯ ПО-ТУВИНСКИ

Сергей Хуна-оолович Натпит-оол - аспирант Кыргызского Государственного университета в Бишкеке. Тема его диссертации на соискание кандидатской степени - "Традиционные обращения тувинцев при встречах". Полагаем, что труд молодого этнографа интересен не одним специалистам, но и широким слоям читателей.

Приветствия при встрече - составная часть сложившегося веками народного этикета. Многообразие их форм свидетельствует об уважительном отношении людей друг к другу.

Посторонний человек въезжает в аал, входит в юрту. Эти действия требуют обязательного соблюдения следующих традиций.

Войдя в юрту, путник отвешивает легкий поклон в сторону хозяев и садится на одно колено - сегедей олурар. При этом он произносит слова приветствия: "Амыр, амыр" - "Мир вам". Отвечая, хозяин юрты задает гостю традиционные вопросы: "Откуда вы пришли (приехали)? Что плохого или хорошего у вас в аале?" - и другие, зависящие от времени года и многих обстоятельств. Отвечающий дает вдумчивый, четкий ответ, включая при этом в оборот речи слова уважения.

Всадник, повстречав в пути другого, спешивается и приветствует его. Только после обмена словами приветствия и новостями он продолжает путь.

Повстречав пешего путника, всадник старается непременно первым произнести слова приветствия. Это - признак скромности. Встретив незнакомого, всадник приветствует его и тихо, шагом проезжает мимо. Пустить коня вскачь он сможет только, когда пешеход останется далеко позади.

Проезжая мимо аала - стоянки одной или нескольких юрт, путник спешивается и ведет коня под уздцы, пока не оставит аал позади. Вообще перед юртами, много ли их или одна, нельзя скакать на лошади, нужно перевести ее на шаг, по крайней мере, а если всадник скромный, уважительный, он непременно должен спешиться.

Наверное, читателя заинтересует, почему в разные времена года, как мы здесь упоминали уже, тувинцы обмениваются четырьмя разными видами приветствий и каковы эти виды. Дело в том, что, занимаясь традиционно скотоводством, тувинцам приходится четыре раза в году кочевать, менять места пастбы скота и стоянки. В зависимости от времени года меняются и вопросы, и новости, которыми обмениваются при встрече.

Вот приветствие, произносимое зимой:

- Амыр! - Амыр! - после чего гость задает хозяину юрты вопросы: - В сохранности ли ваш скот? Не беспокоят ли звери, хищные птицы? Благополучна ли зимовка? Хорошо ли провели Шагаа (встретили новый год)?

Хозяин отвечает: - Шагаа провели хорошо. Зимует без потерь. А у вас как прошла встеча нового года?

Гость: - Да, Шагаа мы провели хорошо. Нет ли болезней у вас, все ли мирно?

Хозяин: - Все спокойно. Но болезни случаются! зима холодная, снегу много, трудноато приходится.

Гость: - Да, да. Трудный год. И болезни случаются, иной раз с тяжелым исходом...

И разговор продолжается.

Весной приветствие несколько иное. После традиционного "Амыр!" - гость продолжает:
- Как перезимовали, не было ли потери скота? Много ли тарака, хойтпака (молочные продукты)? Сыты ли ваши дети?

Ответ: - Перезимовали без потерь. А у вас пошли ли молочные продукты, сыты ли дети?

Гость: - Есть у нас потери скота. Ветрено было, весны до сих пор не чувствуется. Тяжеловатый год.

Ответ: - Да-да, и у нас молодняк не очень здоров.

Осенью, когда подводятся итоги летних трудов скотовода, приветствие звучит иначе.

Гость: - Амыр! Хорош ли у вас нагул скота?

Хозяин: - Нагул хороший. А у вас благополучен ли скот, хорош ли нагул?

Гость: - Табуны нагульные, а для рогатого скота год выдался тяжелый.

Следует соответственный ответ.

Есть, разумеется, и виды приветствования, приемлемые во все времена года.

Например, войдя в юрту, где уже сидит много людей, гость, повернувшись в сторону хозяев, произносит: - Амыр! - и, обращаясь к остальным: - Мендо! Значение этих двух слов примерно одинаково, отличия - в тонких гранях уважительности.

Путник, заставший других за работой, приветствует их по-разному, но обязательно - первым. Пахарю говорит:

Пусть будет сильным конь и твердым - дух,
глубоко пусть уходит в землю плуг, - амыр!

В ответ на это землепашец произносит:

- Счастливого пути! Амыр-амыр!

Труженика, которого застал за боронованием, путник приветствует так:

Пусть будет, словно пух, земля мягка,
а упряжь лошади упруга и крепка - амыр!

Застав за работой сеятеля, его приветствуют:

Высоким, чтоб ивняк, здесь колосу расти,
густым, чтоб сквозь него змея не проползти, - амыр!

При поливе хлебного или любого другого поля приветствие несколько сходно с предыдущим:

Пусть разливается вода по полю,
пускай ростки ее напьются вволю,
поднимутся, чтоб ивы над рекой
и славный урожай дадут большой! - Амыр!

- Пусть будет так, удачи и вам, амыр! - отвечает работник.

Косарю или жнецу путник желает:

- Пусть будет острою коса и твердым дух, амыр!

Ответ: - Пусть будет так, да сбудутся дела, начатые вами, амыр!

Застав аал при перекочевке, путник произносит:

- Да не сломается опора юрты, амыр!

- Пусть сбудутся все ваши замыслы, амыр! - следует ответ.

Завидев аратов, строящих загон для скота, их приветствуют так:

Пусть будут топоры
надежны и остры,
силен и тверд ваш дух,
успешно дело рук, - бугудээ амыр! (Мир всем!)

В ответ - все то же пожелание счастливого пути и удачи в делах.

При освящении оросительного канала, думая о новом богатом урожае, народ славит воду - поительницу полей, хлеб, плодоносную силу земли:

Пусть будет урожай богатым, сильным,
растут пусть травы густо и обильно
да выпадут хорошие дожди! - Амыр!

Шерстобитам за работой - следующее приветствие:

Пусть в войлок эта шерсть легко собьется,
а войлок - не прорвется, не протрется,
не будет проникать в него вода,

иглой не проткнется без труда! - Амыр!

При катании войлока - свое приветствие:

Пусть будет ровным, без просветов, дыр,
и гладким, словно шелк, - амыр, амыр!

Преодолевая в пути тайгу и перевалы, человек приветствует и их:

Высокая моя Монгун-Тайга!

Тайга вершин и белых ледников,

журчащих и бурлящих родников,

и скал крутых, и оползней - амыр!

Встречаются в тайге двое охотников. Приветствуют друг друга:

Охотник пусть в пути не устает,

а конь вперед без отдыха идет! - Амаар-амыр!

- Неустанно веселы, игривы,

на охоте и в делах счастливы

будьте вы всегда - амаар-амыр! - вот ответ.

Возвращаясь в родные места из далекой поездки, человек преклоняется перед ними с молитвенным призывом "оршээ", с пожеланием мира и благополучия своему народу:

Мой золотой Танды, оршээ, амыр!

Богатый край, родной народ, амаар-амыр!

Приведу еще несколько приветствий, связанных с семейными праздниками и религиозными обрядами.

Во время свершения религиозного обряда в честь духа горы приветствие произносили так:

- Земля моя, тайга, листва моя, деревья!

Родным горам своим, священному кургану

священный дар преподношу и преклоняюсь,

амыр-амаар!

По традиции первые волосы ребенка считались драгоценными. Когда ребенку исполнялось три года, их впервые подрезали, и это был большой семейный праздник.

Отрезая прядь волос, родственники и близкие дарили ребенку скот и произносили благопожелания:

О-о, пусть будет много детей у него,

славную, долгую жизнь проживет, - амыр!

Порой в традиционных приветствиях отражались исторические события и обстановка тех времен, когда они возникли. Например, во время свершения обряда окуривания произносится приветствие совершенно определенного социального содержания, восходящее, видимо, ко временам китайской колонизации Тувы:

Владыка пусть посланца не пришлет,

беды и горя вам не принесет.

Чанчын пусть из Китая не придет,

ни сына и ни дочь не заберет! - Амыр!

Ответ: - Да минет нас беда, амыр!

Очень важен в тувинском быту чолукнуур - обмен приветствиями, пожеланиями с целью оказать почтение, прежде всего, старшим, старикам, вообще достойным людям. Этот знак взаимного уважения молодым - старшему и старшим - молодого интересно описал Г.Н.Курбатский в своей книге "Тувинские праздники".

Молодой тувинец снимал с опояски кадак - кусок плотного шелка длиной полтора - два метра, или ремешок - дадазын, сгибал его по ширине втрое, затем, неся кадак на вытянутых перед собой руках вперед острым, не загнутым краем, подходил к старшему и быстро, ловко передавал ему подарок. Они склонялись друг к другу, оба протягивая вперед согнутые в локтях руки. Молодой снизу, ладонями вверх, подхватывал руки старшего, а старший своими руками, сверху, ладонями вниз, слегка касался их, - по локоть. При этом молодой произносил: Амыр-ла! - Мир вам! - и кланялся. Менди, - Здравствуйте, - отвечал старший и целовал, точнее, нюхал лоб младшего. Так совершалось почти безмолвное заверение в том, что старый человек всегда может рассчитывать на помощь молодого, здорового, сильного.

Не могу удержаться, чтобы не познакомиться с тем, как начинался в юрте общий пир всего аала - дой в честь, например, нового года - Шагаа. Входили, садились, расправляя подола. Гость спрашивал хозяина:

- Все ли в здравии, не было ли болезней?

- У нас все хорошо. Благополучно ли перезимовал ваш скот?
- Скот в сохранности. А ваша жизнь благополучна?
- Моя жизнь благополучна. Хороша ли трава?
- Трава хороша. А у вас хороша ли трава?
- Звери, хищные птицы не беспокоят. А вас не беспокоят звери, хищные птицы?
- Много ли счастья, удачна ли была охота?
- Удачи, счастья много. А у вас много ли счастья?
- Хорошо ли встретили Шагаа? Хорошо ли идет Шагаа?
- Сколько лет вам исполнилось нынче? Какой перевал вы перевалили?
- С этого Шагаа мне прибавился год /или перевалило на 77-й год/. А вам сколько?
- Лет 60, а тень одна...

Это не обычный обмен новостями: часто один знал о делах другого все. К этому традиционному взаимному приветствию во время Шагаа прибегали все, даже самые близкие родственники.

Многое из этих форм приветствия в наши дни утрачено или почти утрачено. Чаще всего в повседневной жизни используются теперь рукопожатия и слово "экий" - "хорошо" в значении "здравствуйте", как бы сокращенное пожелание жить хорошо. Этот вид приветствия, в какой-то степени калькирующий "здорово живете" русских поселенцев-старообрядцев, распространился в Туве с 1923 года, им охотно пользовалась сначала молодежь, а теперь и люди старшего возраста - те, кто были молоды или родились после 1923 года. Такое приветствие приемлемо. Но не следует забывать и то, что освящено веками. Поэтому с глубокой благодарностью я называю тех, кто хранил или хранит в памяти народные вопросно-ответные, зачастую стихотворные формы приветствий и передает их новым поколениям. А это очень разные и по возрасту, и по образовательному уровню люди. Как не сказать добрых слов о Нончатпаа Ходакпаевне Кыргыз 1870 года рождения, жившей в поселке Хову-Аксы, и о молодой женщине, учительнице Любви Сувановне Адыг-Тюлюш, которая записала от этой почтенной хранительницы старины большинство приведенных здесь народных приветствий и передала мне в апреле 1991 года. С не меньшим уважением говорю о своих учителях-филологах Геннадии Николаевиче Курбатском и Доржу Сенгиловиче Кууларе, от которого, в июле 1991 года, я сам записал также ряд интересных и достойных возрождения в современном быту приветствий.

Как положено молодым перед старшими у тувинцев, уважительно склоняюсь перед ними и говорю им - четтирдим.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

Всему миру известны анекдоты про габровцев. Все они посвящены осмеянию одного порока - скупости, скаредности, бессмысленной бережливости. В Сибири широко бытуют анекдоты подобного типа - про вятских. Они тоже посвящены одной теме - осмеянию глупости, недогадливости, несообразительности.

Народные анекдоты известны в фольклоре разных народов. Обычно это небольшой устный рассказ самого различного содержания с неожиданной и остроумной концовкой. Некоторые анекдоты напоминают сатирические сказки, но отличаются от них лаконизмом.

Публикуемые ниже народные анекдоты записаны мною в последние годы на территории Тувы. Они не подвергались литературной обработке и сохранили индивидуальные особенности речи рассказчиков.

М. Татаринцева.

КАК ВЯТСКИЕ МЕДВЕДЯ ЛОВИЛИ

Вятские ходили медведя в берлоге ловить. Вот пришли к берлоге, одного веревкой обвязали и говорят: "Слазь. Как поймашь его, значит, веревкой тряси, мы и вытащим. Но крепче медведя держи, чтоб он не вырвался!"

Но когда он влез туда, а медведь-то поймал его да и голову-то ему оторвал. Веревка-то затряслась, оне давай его вытаскивать. Вытащили, а головы-то нет. Один спрашивает: "Что, голова-то была у него или нет?" Другой говорит: "Я не знаю, была ли, не была ли, пойдём спросим его бабень, была у него голова или нет?" Пришли, спрашивают у жены у его: "Что, была у него голова или нет?" Она имям отвечает: "Не знаю, голова была или не была, но бородой-то все время тряс."

Записано в с.Даниловка Каа-Хемского р-на от Акуловой П.И.

ПРО ГРЫЗУЛЮ

Раньше вятские не жали, а рвали хлеб, руками так. А один человек изобрел серп. Вот решил имя помочь, чтобы не рвать, а жать. Принес имя, суслон нажал и серп воткнул в верхний сноп. Вот они пришли на поле, увидели, что стоит суслон, а в суслоне серп. "Грызуля появилась! Что делать с ней, она так весь хлеб сгрызет! Давайте ее в Каме утопим!" Вот пошли, собрались вятские, пошли топить грызулю. Взяли, привязали камень к серпу. И имя надо было наперед серп бросить в воду, а они бросили камень. Выехали когда посередке Камы, бросили камень-то, а серп-то за край лодки зацепил и вывалил их всех в воду.

На берегу стоят и говорят: "Ну что, семь Вань не душа, тем бы избыло, лишь бы грызулю утопить!"

Записано в с.Даниловка Каа-Хемского р-на от Акуловой П.И.

КАК ВЯТСКИЕ КОРОВУ КОРМИЛИ

Смотрят вятские: трава на бане выросла, надо бы корову накормить. Взяли корову, одни за голову, другие подсаживают - и тянут ее на баню. Тащили, тащили ее на баню, так и не могли затащить - задушили корову!

Идет мимо мужик говорит им:

- Что же вы делаете? Скосили бы траву, вот вам и кормежка!

- Да вот так, не догадались!

Записано в г.Туране от Молчановой И.И.

КАК ВЯТСКИЕ ЧЕРЕЗ РЕКУ ПЕРЕПРАВЛЯЛИСЬ

Остановились вятские на берегу реки, говорят: "Надо бы на ту сторону попасть". - "А как попасть?" - "А вот бревно, мы сейчас и переплывем!" Двоих посадили на это бревно, ноги связали внизу и оттолкнули. Они отплыли недалеко, а бревно-то перевернулось! На берегу и говорят: "Ну, брат ты мой! Не успеи отплыть, уже портянки сушат!"

Записано в г.Туране от Молчановой И.И.

КАК ВЯТСКИЕ ЛЕН ПЕРЕХОДИЛИ

Цветет лен, голубой, красивый, как река перекачивается, весь в росе. Идут вятские, увидели лен: "О, речка, как-то надо ее перейти!"

Разулись, сняли штаны свои, брели, брели, вымокли - роса же! Вот вышли на поле и давай сушиться. Вот лапти свои сложили и онучки по кучкам и один давай считать. Считал, считал, одного не хватает! Вот уж он раз пять сосчитал, все одного не хватает. А то не хватает, что он себя-то не сосчитал!

Записано в с. Бай-Хаак Тандинского р-на от Новиковой А.Н.

ПРО ТОЛОКНО

Вятские поехали на базар продавать толокно. Ехали, ехали, захотели есть, доехали до проруби. "Давайте в проруби голокна намешаем, наедемся". Вот начали мешать толокно в проруби, высыпали мешок, другой - все жидко, все жидко вот оне сыпали-сыпали, весь воз высыпали, все жидко. А один кружился, кружился около проруби-то, да и поскользнулся,

раз туды в прорубь! А те говорят: "Да что это, он один все съест, давайте и мы туде же!" И все попрыгали в прорубь толкно хлебать!

Записано в с.Даниловка Каа-Хемского р-на от Акуловой П.И.

КАК ВЯТСКИЕ В СВОЮ ДЕРЕВНЮ ПРИЕХАЛИ

Жили как-то у нас в деревне ребята вятские, люди хватские. Собрались ехать из своей деревни в другую: говорят, подем, посмотрим, как люди живут. Вот поехали. Ехали-ехали, приехали в деревню, ночевать остановились. Ушли в избу, лошадей выпрягли, а сани оглоблями поставили в ту сторону, откуда они приехали. А люди-то видят, что они "такие" недалекие, взяли, повернули сани. Повернули сани, они утром запрягли лошадей, поехали дальше. Едут. Один и кричит: "Ванька! Ванька! Жена-то вроде на твою похожа". А он говорит: Да, вроде и дом-то мой. Да мы ведь обратно в свою деревню приехали!"

Записано в г.Туране от Молчановой И.И.

ЕСЛИ ДВАДЦАТЬ НА ДВАДЦАТЬ

Идут вятские, видят, навстречу им деревенские парни да мужики идут. Они и говорят: "Если двадцать на двадцать,

То будем драться,

А если двадцать на двадцать один,

То так котомки отдадим."

Записано в с.Бай-Хаак Тандинского р-на от Новиковой А.Н.

ПРО ПЬЯНИЦУ

Вот зарекся один пьяница пить водку. Ну, наказал он своим ногам и рукам и глазонькам, чтоб они даже его не несли в этот кабака, а глазоньки даже не смотрели на этот кабака. Ну ладно. Идет он мимо кабака, даже рукой глаза прикрыл, чтобы на кабака-то этот не смотреть. Идет мимо так, идет, идет, идет, прошел он этот кабака, вытерпел. Прошел, а кабака позади остался. Вот он давай свои ноженьки благодарить, глазоньки.

- Да глазоньки вы мои разлюбезные! Верные вы мои други! Да я вам за услугу куплю шкалик. А вы, мои ноженьки, милые вы мои, други вы мои, помощники вы мои, я вам за услугу куплю полбутылки!

Воротился он, купил для глазонек шкалик, для ноженек полбутылки. Тут же он виноватым себя не считал.

Записано в г.Кызыле от Мерзляковой М.А.

КТО КОГО ОБМАНУЛ

Был поп, у попа был работник. И собрались оне на поле ехать. Поп говорит: "Давайте позавтракаем". Оне и позавтракали. Потом: "Ну давайте пообедаем заодним, чтоб на поле не обедать". Вот пообедали. "Ну теперь давайте и поужинаем заодним". /Тогда ведь мало съедят, когда оне позавтракали, пообедали, поужинали - а если так все порасставить, как обычно, они ведь много съедят/. Ну вот и поужинали. А работник после ужина давай залазить на полати. Поп говорит: "Ты что?" - "А батюшка, - говорит, - после ужина спать ложатся". Вот так, значит, работник попа обманул.

Записано в с.Даниловка Каа-Хемского р-на от Акуловой П.И.

КАК ТАРАКАНОВ ВЫВОДИТЬ

Один мужик тараканов из дому хотел вывести. Его научили как выводить. Надо сказать: "Стройтесь в одну ширинку и идите!" Но нельзя смеяться. А один таракан хорошенький, толщенкий, долго через порог перелез. Мужик засмеялся, что он через порог не может перелезть. А этот таракан говорит: "Братья, он пошутил, вернитесь!" Они все обратно вернулись.

Мужики сказали: "Убей главного, они всей уйдут". Он убил, смотрит, к нему от всех соседей тараканы ползут. Он спрашивает их: "Вы зачем?". Они ему: "На похороны идем, главного хоронить".

Что же делать? Ему говорили: "Отправь их воевать с соседскими тараканами". Мужик говорит тараканам: "Сражайтесь хорошо". Смотрит, а они уже назад идут и говорят: "Дрались хорошо, сколько побили, а остальных тебе в плен привели".

Записано в с.Бай-Хаак Тандинского р-на от Афанасьевой П.Т.

Для маленьких читателей

Юрий НЕКРАСОВ

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ МИШКИ-КОРАБЛИКА, БЕСПРИЗОРНИКА

Повесть

Я учитель рисования.

Недавно дал ребятишкам задание: нарисуйте портреты близких вам людей. Ну и нарисовали, кто маму, кто папу, братика, сестренку, в общем, кто кого. Батюшки, а это ж я сам! Огромные кругляши очков, сквозь них жгучие, прямо в вас смотрящие глаза, по лбу волной морщины, на голове - бескозырка. На ленте выведено кривыми буквами: "Моряк". А из красных губ торчит огромная коричневая трубка, и из нее синий дымок змейкой поднимается. Петькина работа. Ах, чертенок! Я ведь никогда не курил и не курю. Да и моряком никогда не был. Внизу рисунка разноцветными фломастерами написано:

С днем рождения, Михаил Алексеевич!

Будьте всегда Мишкой Корабlichem!

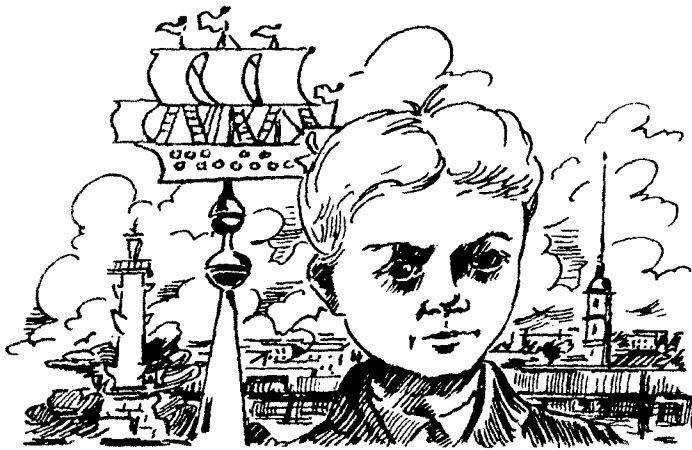
Веселым и хорошим!

Ваш ученик Петр Смирнов.

В левом верхнем углу рисунка красовалась расцветенная фломастерами цифра 50. Спасибо, Петя. Все отметил: и юбилей мой, и то, что звали меня, когда я сам в начальных классах учился, Корабlichem.

Дело в том, что рос я в детском доме. Детдомовцы часто называли друг друга не по имени, а по какому-то своему ребячьему псевдониму или кличке. Наиболее распространенные клички происходили от фамилий. Получалось это просто: от фамилии отбрасывали окончание. Фамилия Иванов, легонький, на портретиста Петьку похожий. Вот и прозвали меня Корабlichem.

Мне это имя ужасно нравилось. Ведь символ моего любимого Ленинграда - кораблик, тот, золотой, что на шпигеле Адмиралтейства. Петя потому запомнил мое имя Корабlichem, что по просьбе детей я порою рассказывал им о себе. Бывало, поставлю натюрморт: тяжелая глиняная кружка, перед ней - праздничное, легкое, яркожелтое с оранжево-красным боком яблочко. Так и хочется его съесть. И уж сколько зубов оставили свои отметины на его золотистых сторонах. А оно не настоящее, муляж из воска. Ребята-озорники: портрет учителя нарисовать, пожалуйста, а яблоко с кружкой - неинтересно, скучно. Вот тогда и начинают

просить: "Расскажите, Михаил Алексеевич, как вы маленьким были". Рассказываю. Мне и самому интересно становится.

Я смотрю на девятилетнего малыша Петьку: неужели вот таким я был "взят на Московском вокзале милиционером 17 отделения милиции города Ленинграда Трофимовым за беспризорность"? И заведено было на меня

ДЕЛО No 2731

Трофимов ввел меня в уютную прокуренную комнату, усадил на стул и ушел. Стул большой, высокий. Я маленький - крохотный серый воробышек. Ноги в рваных тапочках не достают до пола. Передо мной обшарпанный, заваленный бумагами стол. На нем, справа от меня, настольная лампа с круглым абажуром, слева - черный телефон, между ними - чернильница. Чернильница прямо перед моим носом. На тяжелой мраморной подставке закреплены две блестящие посудинки с откидными железными крышечками. На краешек одной посудинки опирается пером толстая деревянная ручка.

За столом, очень далеко от меня, за кольцами папиросного дыма - лицо человека в форме. Над ним портрет другого человека, с острой бородкой и глядящими прямо на меня - в меня - глазами...

Да, наверно, все так и было.

Наверняка, так и было. Все помню, но вот увидеть, именно увидеть себя сидящим перед столом инспектора детской комнаты милиции я никак не могу. Подхожу к зеркалу, пристально вглядываюсь в отражение - очки, морщины, седина. Так каким же ты был, Мишка Кораблев - Кораблик, взятый милиционером Трофимовым на Московском вокзале за беспризорность? А может быть, и не было этого, или было, но с кем-то другим, не с этим, отраженным в зеркале, человеком?

Напрягаю память. Из туманного далека в глубине зеркала проявляется лицо милиционера. Он тянется к чернильнице. Вот пальцы его руки растерли окурок в пепельнице и сняли с чернильницы крышку. Инспектор обмакнул перо, приготовился писать...

Так, перемотав киноленту, просматривают фильм с самого начала. Я возвращаюсь в те давно ушедшие годы. Вот инспектор пододвигает к себе одну из серых папок, на обложке которой жирно напечатано "ДЕЛО No", и крупно пишет - "2731".

Мишка видит, как из-под пера на обложке появляется его фамилия, имя, отчество - Кораблев Михаил Алексеевич. А после напечатанного на папке "НАЧАТО" перо выводит: "12 июля 1947г."

Мишка устало отвалился на спинку стула и почти спит. Все, что происходит дальше, плавает, как в тумане. Иногда задавая вопросы, человек по ту сторону стола заполняет бланки. Вот он берет желтоватую картонку. На ней значится:

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА

на несовершеннолетнего, доставленного в детскую комнату
в 12 час. 00 мин. 12/VII-1947г.

Вписав в положенное место цифры времени задержания, человек в форме, бросив взгляд на мальчику, скорчившегося перед ним на стуле, решительно пишет наискосок по этим буквам и цифрам:

ПРОДКАРТОЧЕК НЕ ИМЕЕТ.

12/VII-47г. Янгулов.

Мальчик прочитал четко написанную фамилию и неожиданно спросил:

- Дядя, а как вас зовут? По имени-отчеству? И что это вы написали?

Янгулов из-под густых бровей серыми глубоко посаженными глазами удивленно и внимательно посмотрел на беспризорника. Сколько их прошло перед ним! Разных! А его именем-отчеством никто не интересовался.

- Зовут меня, Миша, Виктором Ивановичем. А парнишка ты глазастый: фамилию рассмотрел. Написал же я здесь о самом главном, чего ты не имеешь. Ну-ка скажи: что самое главное, чего ты не имеешь?

Лейтенанту Янгулову повезло: на фронт он не попал. Война кончилась, когда его призвали, а потом определили сюда. И вот уже два года он с беспризорниками. Привык. Научился говорить с ребятами. Понял: порой полезно расслабиться, пошутить с беспокойными подопечными, расположить к себе. "Прирожденный педагог", - говорят о нем сослуживцы. Вот и с этим пацаном решил побалагурить: что самое главное, чего ты не имешь? Любопытно, как ответит?

- Мамы с папой я не имею - это главное.

Янгулову стало даже неловко от такого не по-детски серьезного ответа.

- Да, Миша, это главное. А еще главное - нет у тебя продовольственной карточки. Может быть, не было ее и у твоей мамы. Потеряла или еще что случилось. Потому-то и нет мамы у тебя.

Миша тяжело вздохнул и снова привалился к спинке стула, сжался в комочек, нахохлился воробышком.

Лейтенант подвинул к себе две бумажки. Их передал ему, вынув из бокового кармана пиджачка, сам мальчик.

Первая об отце.

СПРАВКА.

Дана в том, что Кораблев А.П. действительно работал на заводе "Металлокомбинат" в должности отгаскивальщика по 28 июня 1941 года и уволен ввиду ухода в РККА с выдачей 2-х-недельного выходного пособия. Справка дана по месту требования.

21/1- 47г. Инспектор по кадрам /роспись/.

В другой точно такой же по формату говорилось о матери мальчика.

СПРАВКА

Дана в том, что Кораблева П.Г. действительно работала на заводе "Металлокомбинат" в должности вахтера по 16 марта 1942 года. Исключена из списочного состава работающих ввиду смерти.

Справка дана по месту требования.

21/У1-47 г. Инспектор по кадрам /роспись/

Эти страшные бумаги выхлопотал старший брат Мишки, ремесленник Веня. Братья вместе ходили на завод. Там помнили маму и папу. Веня очень хотел получить какую-нибудь комнатку и жить с братиком. Но из его желания ничего не вышло. Братья ничего не выхлопотали, их даже не поставили в очередь на получение квартиры. А дом Кораблевых разбомбило. Он был деревянный, двухэтажный, этот дом для рабочих. Веня показал место, где была их квартира. Братья прошли по пеплу и черным, уже покрытым толстым слоем пыли, головням своего жилья. Жилищный вопрос для них был решен...

Янгулов продолжал заполнять карточку.

"Кем и откуда доставлен, за что?" - спрашивала карточка. Перо инспектора быстро ответило: "Милиционером 17 отделения милиции Трофимовым на Московском вокзале, за беспризорность".

- Скажи, Миша, а где ты был во время войны?

- Эвакуировали нас. Меня, брата Веню и бабушку.

В Сибирь эвакуировали. А потом вернулись, жили с бабушкой в деревне. Веня в ремесленное поступил здесь. Я и приехал к нему.

Нимало не задумываясь над словами мальчика, лейтенант заполнял соответствующие графы регистрационной карточки. Наконец и последний вопрос: "Мероприятия, проведенные детской комнатой".

С этим было ясно.

Янгулов быстро написал: "Направлен в детский Центральный приемник-распределитель МВД".

Но это было еще не все. Лейтенант набрал номер телефона. Через минуту вошел милиционер Трофимов.

- Георгий, - обратился к нему лейтенант, - бери ребятис . и вот его. И быстро в Карповский санпропускник. Там жди. Я скоро подъеду.

В коридоре Миша увидел двух пацанов.

- Ну, бог троицу любит, - сказал Трофимов. - Сейчас, ребятки, в баньку.

Одного до смерти боялся Мишка, когда раздевался с ребятами в какой-то комнате: вдруг пропадут его вещички, с таким трудом справленные бабушкой. Напрасно боялся. Тетя, принимавшая его барахлишко, аккуратно писала на клочке бумаги:

№ 2731 12/VII-47

Фамилия - Кораблев

Пальто - 1

Кепка - 1
Рубашек - 2
Трусы - 1
Штаны - 1
Тапки - 1

Перевязав Мишино богатство веревочкой, тетя тяжело вздохнула и, для чего-то подписав "Все поношенное", подоткнула бумажку под веревочку. После бани Миша получил квиток: Талон № 2288.

Дезпункт № 2.

Карповский санпропускник.

Гражданин Кораблев
санитарную обработку прошел.

Нач. санпропускника /лихая роспись/.

Миша очень обрадовался, когда в той же комнате, где он сдавал свою одежду на прожарку, та же тетя вернула ему все его поношенное богатство, и лейтенант Янгүлов, неизвестно когда появившийся здесь, забрал у него талон, вложил его в дело и сказал:

- Теперь на Песочную, в приемник, и все.

Но было еще не все.

Когда перед ребятами открылась калитка в железных воротах распределителя, и еще один дядя /сколько их сегодня встретилось ему?/ с грохотом захлопнул ее, Мишке стало страшно. А вдруг это навсегда? Янгүлов передал папки с делами какой-то тете /еще тетя!/, погладил Мишу по голове, не дрейфь, мол, и ушел из его жизни навсегда.

От всего пережитого за день Мишка так устал, что к концу дня воспринимал тетю и дядю без всяких отличий друг от друга. Но этого в белом халате он рассмотрел с головы до ног. Дядя был толстый и лицо у него было толстое, усатое, глаза такие голубые, что казались ненастоящими. Когда он смеялся, голубой цвет исчезал, скрывался за складками кожи, а когда умолкал и задавал очередной вопрос, снова добрый свет чудесных голубых глаз изливался на ребят. Этот дядя написал последнюю официальную бумажку в его, Мишкино "дело":

ЗАКЛЮЧЕНИЕ САНЧАСТИ

в момент приема ребенка.

Правильного телосложения, удовлетворительного питания. Зев и тело чистые. Кожных заразных и венерических болячек не обнаружено.

Мальчики в сереньких платяцах

После осмотра голубоглазый толстяк отвел ребят в белую комнату с одним окном, выходящим на широкую реку, за которой продолжался этот огромный город. В комнате стояло четыре кровати: две у одной стенки и две у другой.

- Располагайтесь, - улыбнулся всем троим доктор, - побудете недельку здесь. У нас так положено.

Щелкнул замок двери. Ребята разом скинули надетые на них после осмотра: серые девчоночьи платья. Пацаны чуть не заплакали, когда уносили их прожаренную в санпропускнике одежду. Голубоглазый доктор успокаивал:

- Считайте за больничные халаты. Они плохи только тем, что в них не убежишь.

Мишка впервые рассмотрел своих приятелей. Один мальчик имел странную яйцеобразную голову. На тулом конце яйца было нарисовано невыразительное личико с испуганными серыми глазками, на остром конце кучерявились белесые волосики. Говорил мальчик с трудом, больше молчал. Второй мальчик называл его Репа. Себя же он называл непонятно - Алятя. Мальчик этот был старше Репы и Мишки года на три. Он на голову выше Мишки, этот Алятя.

- Что с ним? - указав на спящего Репу, спросил Мишка.

- Контузило и землей завалило, когда совсем маленький был. Тебя-то как зовут? А то нас ты знаешь, а мы тебя - нет.

- Миша Кораблев я.

- Кораблев? Так в детском доме не называют. Там ты враз Кораблем станешь. Или, пожалуй, Корабликом. Маленький ты для корабля. Принято так в детских домах: фамилии сокращать. Я ведь не Алятя, а Алятин, он - Репков. Так что Репа - это не из-за головы. Из-за головы его и Головастиком звали, и еще как... Дразнили страшно. Я морду за это не одному побил. Ну и меня однажды отвалтузили, думал, живым не оставят. "Темную"

устроили, гады. Знаешь, что такое "темная"? Это, когда среди ночи, когда воспитатели разойдутся, накроют тебя одеялом и бьют все, кому не лень. Бьют, пока ты совсем не затихнешь. Но "темную" мне устроили не за то, что я Репку кулаками защищал - там за это даже хвалят ребята, а за ябеду. Ябеда - это жалоба на товарищей старшим: воспитателю, директору... Я знал, но не мог стерпеть. Репка в младшей группе находился, я - в старшей. Все время рядом не будешь. А гады, там есть несколько сволочей, измываются. Ну, пошел к директору и сказал. После "темной" отлежался в лазарете. И бежали мы с Репкой в Ленинград. Родственников хотели найти и... попались.

А перед Мишкой плыли его злоключения.

Вот он, страшный Московский вокзал.

Его привел сюда Веня. На всю жизнь запомнил Миша, как брат оставил его одного в толпе чужих людей и пошел прочь в своей ремесленнической форме, ссутулив пятнадцатилетние плечи и глубоко надвинув на глаза форменную фуражку, чтобы не видно было слез.

И остался Миша совсем один на этом страшном шумном, грохочущем вокзале. Он знал, что его привели сюда именно для того, чтобы какой-нибудь милиционер "взял" его. Но милиционеры не очень-то спешили с этим делом.

Вокзал жил своей бурной, громкоголосой жизнью. Люди куда-то спешили, толкались, кричали. Все скамейки были заняты. Миша по примеру многих присел на свободное место у стены и уснул. Вот тогда-то женщина, посыпавшая влажными опилками пол, и подвела к нему милиционера Трофимова.

Приемник-распределитель был переполнен детьми. Их не успевали распределять, да и распределять-то было некуда; детские дома переполнены, родители не отыскивались, порой трудно было понять, откуда ребенок родом; большим надо находить больницы. Вот и застряли трое приятелей в изоляторе. Вскоре к ним подселели других детей. Теперь на каждой кровати спали по двое. Валетом: головы в разные стороны. С Мишкой лежал глухой, никогда не улыбающийся мальчик. Ночью с ним было страшно. Он лягался по Мишкиной голове, злобно мычал, вскакивал и падал на подушку. Однажды Кораблик толкнул его логонько ногой: приди в себя, мол. Немой вскочил и, занеся руку с чем-то, бросился на Мишку. В изоляторе всю ночь горела синенькая лампочка, поэтому Мишка увидел и успел закрыть лицо рукой. Удар пришелся по ней. Мальчишки сцепились и вместе с подушками, простынями и матрасом рухнули на пол. С других кроватей кто закричал дежурную няню, кто бросился разнимать дерущихся.

Утром голубоглазый доктор, осмотрев и перевязав рану на Мишкиной руке, показал ему деревянный кинжалчик немого:

- Вот этим клинком он хотел лишить тебя жизни. Больной он. Везде фашисты ему чуются, а сказать не может. Ну, а царапина твоя скоро заживет.

Немого мальчика никто больше не видел. В изоляторе установились спокойствие и скука. Серые платица уныло бродили по маленькой комнате. Радостей никаких. Все тяжелей и тяжелей становилось Мишке. Целыми днями он смотрел в окно на свинцово-серую Неву. Однажды он увидел человека, переплывавшего ее, как оказалось, изо дня в день.

- Капитан закаляется, - на плечо Мишки легла рука доктора. - Настойчивый парень. Спортсмен знаменитый. Рекорды по заплывам на дальние дистанции. Но это до войны. Во время же войны ранили его, теперь в строй вернуться хочет, а силенки уже не те. Биссектрису держит. Что такое биссектриса? Это такая крыса, которая бежит по углам и делит угол пополам. Ладно, в школе узнаешь. Ты смотри, что он делает: заплывает чуть выше с того берега, а приплывает точно к нам. Это он учитывает течение реки. Оно сносит пловца. Но на тот берег он переплывает точно, учтя снос. Ровенький треугольничек получается. Учись, Миша, у таких людей преодолевать трудности.

... В тот день была ветреная погода. Но свой ежедневный заплыв спортсмен начал в свое время. Ребятня как всегда прилипла к окну.

- Не надо ему плыть сегодня. Волны по реке, - с беспокойством говорил Алятя.

- Разве ему волны помеха?! - полуспросил Репа.

Между тем спортсмен на том берегу начинал заплыв не со своего привычного места. Он прошел по набережной выше по течению реки и поплыл. Он вышел, как всегда, по гранитным ступеням на берег перед их распределителем. Ребятня захлопала в ладоши. Тут увидели пацаны, как к капитану подскочил в развевающемся халате их доктор. Он что-то говорил, размахивая руками, показывая то на небо, то на ворота приемника. Может быть, приглашал отдохнуть, обогреться. Но капитан отрицательно мотнул головой и стал не спеша спускаться по гранитным ступенькам к воде. И поплыл. Когда он исчез, никто из ребятни этому не поверил. Казалось, вот-вот он опять возникнет над волнами...

После гибели капитана Мишка совсем захандрил. Надо было любым способом вырваться отсюда. К бабушке надо, в деревню. Куда же еще? Мишка забыл наставления брата не рассказывать о бабушке, о том, где она живет. Надо, чтобы его определили в детдом здесь, а бабушка и сама придет скоро. Нет, только к бабушке. Администрация вняла его просьбам: отправим в Смоленский приемник, пусть разбираются на месте. Так оказался Мишка Кораблев-Кораблик в группе ребят из центральных регионов России.

Сопровождающим ехал с этой группой молодой, веселый дядя, одетый в морскую форму без погон: демобилизовался недавно, на штатский костюм денег еще не успел сколотить. Вот и щеголял морячком.

необыкновенных ботиночках с такой красивой надписью внутри "Скороход". Деревенские ребяташки, небось, полопаются от зависти. Эх, как он гордо протопает по твердой глинистой тропинке мимо окошек знакомых мальчишек и девчонок, а взрослые будут останавливаться, всплескивая руками: "И где это внучек бабы Паши такие ботиночки приобрел?" - "В Ленинграде! Там все в таких ходят!"

Предчувствуя эту радость, Мишка готов был петь от восторга. Подкатил яркий красно-желтый трамвай. Ребята разместились на блестящих скамейках, смотрели в окна, за которыми плыли пешеходы, дома, кое-где огороженные заборами. За этими заборами виднелись полуобвалившиеся стены с дырами окон и дверей. Миша ликовал: все горести оставались позади, он скоро увидит любимую бабушку. Это главное.

До отхода поезда еще оставалось время. Миша-моряк расположил свою команду у подножья памятника человеку в кавалерийской шинели, бронзовые полы которой незаметно переходили в гранитный пьедестал.

Вечером дядя Миша разместил своих подопечных в одном купе плацкартного вагона, и поезд покатил в родные края.

Мишка залез на верхнюю полку, снял ботиночки, обтер их рукавом пиджака, положил в изголовье, накрыл пиджаком и осмотрелся. Группа из шести пацанов разместилась на трех полках. Мишка валетом /оx уж этот валет, особенно с тем, немым мальчиком/ с незнакомым пацаном. С ним, как и с двумя другими на противоположной полке, предстояло ехать до конца, а изоляторские приятели, Алятя и Репка, сидели внизу, под Мишкиной полкой. Их возвращали в прежний детский дом, и дядя Миша должен был передать их с рук на руки где-то в пути. Руководителя с какими-то незнакомыми людьми было хорошо видно на противоположной нижней полке. Они о чем-то спорили, но в общем вагонном шуме ничего нельзя было разобрать. А ребятня, уставшая за день, уже спала. Задремывал и Мишка. Под мерный стук колес так хорошо было думать о бабушке и ее деревне, в которую вернулись из эвакуации.

Бабушка ни за что не хотела оставаться в Сибири. Хотя там у нее и работа имелась, и внуки были устроены: Мишка в садике, Веня учился и помогал ей, подрабатывал.

Нет, только домой, только в родные края.

Приехали с соседями, еще и война не кончилась.

Ни кола, ни двора. Выкопали землянку. Веня работник был хоть куда. С ним бабушка горя не знала. Ну, а Миша какой же работник, однако тянулся за братом, помогал, как мог. И жили дружно.

Неподалеку от их жилища катила свои воды тихая Гжать. И было в ней и по обоим ее берегам столько всякого военного "добра", что бабушка денно и ночью Бога молила, чтобы не случилось чего с ее ребятами. А случилось ежедневно всякое: сколько погибло детей и подростков в окрестных деревнях? Страшно!

Тут как раз пришло письмо из Ленинграда. Писали оставшиеся в живых родственники. Два дня ходила бабушка как потерянная, на третий позвала внуков к себе, обняла обоих, как когда-то делала во время налетов фашистских самолетов, чтоб если убили, так всех

Пацанам дядя Миша сразу понравился, а Мишка даже вздрогнул, когда услышал имя моряка. Тезка! Вот так везло! А веселый дядя даже присвистнул, когда отмечал галочками ребят в своем списке:

- Ты смотри: и тезки, и фамилия мне сродственная - моряки, словом. Отдать швартовы!

Моряк вложил документы в полевую сумку, потрепал каждого из своей команды по головам и вывел группу за тяжелые железные ворота приемника-распределителя.

Группа шла по набережной Невы. Холодной сыростью тянуло от воды. Со всем недавно здесь утонул смелый капитан. Но солнце грело озабоченные лица ребят и блестело на носках новеньких ботинок Миши. Их выдали ему здесь, в приемнике: бабушкины самосшитые обувки совсем развалились. То-то удивится бабушка, когда он зайвится к ней в этих

разом, и прочла письмо. Четыре года прошло, как умерла дочь от голода, а письмо все шло и шло... Мама писала своей маме, Мишиной бабушке:

"Мама! Сбереги детей.

Христом Богом прошу! После войны на руках будем носить за это..."

Тогда и решили перебраться в Ленинград. Учиться надо было Вене, а здесь лишь начальная школа. Он первым и уехал, и поступил в ремесленное училище, а через год увез и Мишу, чтобы в детский дом определить. Да следе не получилось из этого. Вот и начались злключения Миши: стал беспризорником.

Но теперь все это в прошлом - он сжал к бабушке. Только бы до Сычевки доехать. От города до Дубинино дорога знакомая. Километров восемнадцать всего. С закрытыми глазами дойти можно. Да и дядька сказал: телеграмму он бабушке выслал, встретит. Хорошо бы, ах, как хорошо! Конечно, бабушка может телеграмму и не получить вовремя. Миша знал, как там плохо с доставкой писем и газет бываст: неделями ждут. А если дождик зарядит? Беда! Но это ничего, главное в Сычевку попасть.

Миша представлял, как он выйдет из поезда на знакомый перрон, пойдет к знакомой речке, снимет ботиночки и перейдет на тот берег, а там пошлепаст по утоптанной тропке вдоль пыльной дороги к большому селу Жерновка. Там река широкая, ходит паром. А оттуда Олькино. А там Гжать можно вброд перейти. И вот он, на взгорке - первый дом бабушки.

Миша решил, что прямо не пойдет, а свернет с дороги и подойдет к бабушкиному домику через огород, однет свои скороходовские ботиночки и... Миша даже зажмурился от предчувствия бабушкиного изумления: да откуда? Да родимый ты мой! Да как я по тебе соскучилась! Эх, скорей бы. И что это поезд так медленно идет?!

- Дядя Миша, а скоро Сычевка будет?

- Скоро, тезка, скоро. Еще денечек потерпи, и будем у твоей бабушки.

Моряк не был прирожденным педагогом, как лейтенант Янгуров, а посему и не считал ззорным говорить воспитанникам неправду. Он знал, что ни в какую Сычевку поезд не придет. Придет он в Смоленск, где слеует сдать ребят под расписку. И все. Но он решил, что для пользы дела лучше, чтобы пацан верил в Сычевку. Спокойнее так.

Поезд медленно подходил к какому-то городу. На возвышенностях торчали скелеты разрушенных домов. По обеим сторонам железной дороги - груды битого кирпича вместо бывших жилищ.

- Приехали! - удовлетворенно возвестил дядя Миша. - Собирайтесь, пацаны. Живо!

- Приехали... - не то радостно, не то печально вздохнула четверка оставшихся ребят. Аляти и Репы давно не было среди них, их сдал сопровождающий представителям детского дома на одной из станций.

Собирать пацанам было нечего. Все прилипли к окну. Мишка смотрел с верхней полки и недоумевал: ничего знакомого, чужие места.

"Наверно, с другой стороны подъезжаем, - подумал Мишка, - я здесь никогда не был. Ладно. На вокзале разберусь."

Поезд остановился. Люди заспешили к выходу. Чемоданы, сундучки, мешки плыли над их головами. Мишка сквозь них старался в толпе разглядеть бабушку. Но людей много. Ничего, бабушку он увидит в какой угодно толпе, потому что такая бабушка одна на свете.

Голову она покрывала белым платочком в голубой горошек. Мишка еще издали видел этот платочек, когда с крылечка ждал ее возвращения с колхозного собрания или когда она шла по сбегавшей к реке дороге от курятника. Бабушка работала птичницей. Но, видать, напрасно всматривался Мишка в привокзальную суету, такого платочка не видел. Значит, не получила бабушка телеграмму, а то бы непременно пришла. "Ничего, найду сам", - решил Мишка.

Моряк дядя Миша вывел свою команду из вагона после всех пассажиров. Он был очень недоволен.

- Не встретили, черт их дери, - зло сказал он, поморщившись, и, обращаясь к ребяташкам, пугливо сбившимся в стайку на перроне, строго приказал: - Никуда отсюда ни шагу! Позвоню - и вернусь.

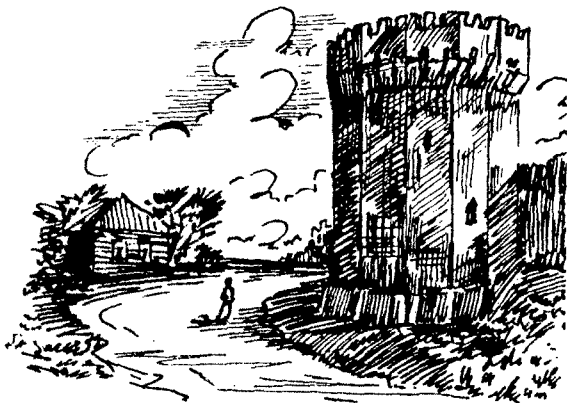
Мишка тревожно оглядывал вокзал и не мог узнать его. Не тот это вокзал, на котором он бывал с бабушкой и братом. Не тот. Посмотрел на товарищей, сбившихся в стайку возле фонарного столба, и решил, пока нет сопровождающего, выйти на площадь, осмотреться. Не верилось ему, что привез его дядя Миша в другой город. Он вдруг подумал, что в Сычевке может быть несколько вокзалов, как в Ленинграде. На Московском меня вз дядя Трофимов, а уезжали мы с Варшавского, рядом с ним был Балтийский. И тут так.

Мишка успокоился. Проходили поезда, солнце грело тепло и ласково, и была уверенность, что он сам найдет дорогу к бабушке. Только надо уйти от этих жутких развалин. По краям ни одного целого дома. Казалось, какое-то страшное чудовище переколошило своими когтистыми лапами, изжевало огромными челюстями все живое и все, в чем хранилась жизнь, и выплюнуло все на огромное пространство. Мишка не мог знать, что перед освободившими Смоленск 25 сентября 1943 года советскими войсками открылась такая ужасающая картина, какой они,

уже привычные ко всему, не видели до этого. В городе были уничтожены все-все промышленные предприятия, разрушено 93 процента жилого фонда. Город обезлюдел. Лишь к 1960 году Смоленск восстановит довоенную численность населения - 157 тысяч жителей. Для этого-то и собирали всех смолян в этот город-призрак.

Это Смоленск, сынок...

Солнце было уже высоко в холодном синем небе, когда Мишка по разбитой телегами и машинами улице подошел к окраине города.

Здесь, среди гор битого кирпича и щебня, чудом сохранился деревянный низенький домик. Возле него хлопотала женщина в сером выцветшем платишке и тяжелых кирзовых сапогах. Мишка невольно опустил глаза на свои "сорокоходовские" ботиночки, пыльные, но все равно такие легкие и красивые. Женщина оторвалась от работы, посмотрела на незнакомого мальчика, так непривычно нарядно одетого /форма, выданная в ленинградском приемнике, здесь производила впечатление/. В серых глазах женщины засветилось любопытство:

- Чей же ты будешь, сынок?

Мишка стал рассказывать о бабушке, которая жила в деревне Дубинино. Она птичница, за курами ходит и ее все знают. И вот ему ее надо найти.

- Э-э-э! Родимый ты мой, да нет тут поблизости никакого Дубинина. И о бабушке твоей я ничего не слышала.

"Не может этого быть, - уходя от нее, решил Мишка, - что-то путает она". Но у кого бы он ни спрашивал, никто Дубинина не знал. Некоторые пытались вспомнить, даже что-то припоминали, мол, есть где-то. Конкретно где - никто не знал. Тревога закрадывалась в сердце Мишки. Но надежды мальчик пока не терял. Теперь он решил обращаться лишь к пожилым людям. Они долго жили и много где бывали. Они-то уж наверняка все деревни знают. Да и добрей они, старые-то люди. Так он и сделал.

У обочины дороги сидели две старушки. Между собой они положили тряпицу и выложили на нее лук, огурчики, ломтики хлеба. Старушки явно не городские. Черные стоптанные ботинки, серые чулки, платья темные, пыльные. Головы покрыты шерстяными платками; лица, испеленные солнцем, в морщинах. И только когда старушки одновременно посмотрели на него, Мишка увидел под платком знакомые белые полосы незагорелого лица возле самых волос. Так было и у его бабушки.

- Какую, какую деревню надо-то? - переспросила старушка, сидевшая ближе к нему.

- Дубинино, - повторил он. - Там рядом, - через овраг, - деревня Решетниково, а за рекой - Олькино.

- Олькино? - старушка посмотрела на Мишку внимательно. - Ты, видно, есть хочешь, касатик, - протянула мальчику ломоть хлеба и огурец. - Не припомню я таких деревень.

- Нет здесь таких деревень, милый, нет, - задумчиво сказала другая. Обе внимательно рассматривали Мишку: "Одет справно, ботиночки новенькие, ладные. Худенький, лет, пожалуй, восьми или девяти. Какое же это ему Дубинино нужно?" - думали.

- Да бабушка моя там живет. Прасковьей Григорьевной зовут, может, знаете ее?

- Нет, милый, не слышали о такой, - о чем-то смутно догадываясь, ответила старушка. - А речку-то как зовут, ну ту, на которой деревня-то бабушкина стоит?

- Гжать.

- Гжать?! - ахнули от удивления старушки.

"И чего испугались? - подумал Мишка. - Будто я не найду дороги от Сычевки до Дубинина. Сколько раз с бабушкой ходил! Не заблужусь".

И Мишка стал растолковывать старушкам, что и как:

- Я и сам думаю, что ваша речка не Гжать. Гжать маленькая. Эта широкая. Не знаю, как она называется. А бабушкина деревня на Гжати. А от Сычевки я дорогу знаю.

- Так ты от Сычевки к бабушке собрался идти?

- Откуда же еще? Я приехал из Ленинграда, только не на тот вокзал. А с этого не знаю дороги. Вот и спрашиваю.

Старушки всхлинули, тяжело поднялись с травы, и, прижав голову мальчика к своим пыльным платьям, с трудом выдавили из себя:

- Да, милый ты наш, это же не Сычевка. Это город Смоленск, сынок.

Дружок Витек

Мишка возвращался на вокзал.

- Надо, болезный ты наш, - сказали ему на прощанье старушки, - садиться на московский поезд и ехать до Вязьмы. В Вязьме пересесть на Сычевку. До Сычевки от Вязьмы недалеко. А поездов идет в Москву много. И все в Вязьме останавливаются. А там, в Вязьме-то, спросишь, как на Сычевку-то ехать. Вон ты какой шустрый, - из Ленинграда прикатил. Да не пужайся, - посочувствовали старушки, увидев, что Мишка вот-вот заплачет, - язык до Киева доведет, а до Сычевки до твоей и подавно.

Перекрестили старушки Мишку, благословили, с тем и простились.

Солнце грело хорошо. Мишка устал, свернул к реке. Днепр это, не Гжать, не Вазуза, что текут в его родных местах. Большой Днепр, не то что сычевская речка. И как только спутать мог?

Мишка умылся, напил из ладошки, уселся поудобней. На вокзале днем еще на дядю Мишу нарвешься. Да и в поезд лучше садиться, когда стемнеет.

Задремал Мишка. И такой ему хороший сон привиделся. Будто стоит на крылечке, а по дороге от Гжати бабушка идет. В кошелке у нее теплые-претеплые ватрушки. Миша срывается с крыльца, опрометью летит к бабушке. Бабушка улыбается и подает ему большую, на спелый подсолнух похожую, горячую ватрушку. Вот-вот он уцепит ее зубами. Но тут бабушка зло говорит: "Ты чего улегся здесь и ноги на дорогу вытянул?"

Мишка от изумления открыл глаза - перед ним стоял верзила мальчишка. "Противный, грязный, клоунские башмаки надел. Вот этим, с дыркой, он и пнул меня, по моим ботиночкам. У-у-у, гад!" - подумал Мишка.

- Так что разлегся, спрашиваю? Из дома, поди, бежал?

- Бежал... - неопределенно подтвердил Миша.

- Куда теперь?

- В Вязьму мне надо. Только не знаю, как доехать.

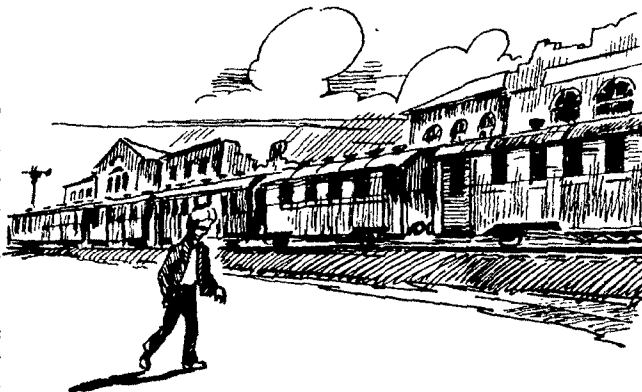
- Доехать просто: купил билет и едь.

- Денег нет.

- Что ж без денег бежал?.. Как зовут-то тебя? Давай знакомиться. Я тоже бегаю. Витькой зовут. Витек - для друзей.

- А я Миша. Мишкой тоже зовут.

Витек хорошо знал, как ездить на поездах без билета. Лучше на товарняке: легче спрятаться, и, главное, народу почти нет. Но вот охрана - звери: могут и прикладом огреть, и сдать, куда следует. Он, Витька, предпочитает пассажирские: тепло и мухи не кусают. Но для пассажирских ум большой нужен, и таким, как Мишка, в пассажирских делать нечего. Загребут, как пить дать - загребут. Но с ним, с Витьком, нигде не пропадешь. Миша так обрадовался неожиданному другу, что и сказать нельзя. Уж с ним-то он до бабушки доедет. Пока шли к вокзалу, все-все рассказал Вите о себе. Как в Смоленск попал, как дорогу к бабушке искал, и как добрые старушки рассказали ему, где Сычевку искать надо...

- Ладно, - посочувствовал Витек. - Помогу тебе. Я в Москву наладился. Так что нам по дороге. Только без билетов с тобой... Безнадежное дело. Деньги нужны!

- Где ж их достать? - вздохнул Миша.

- Достанем! На базар надо. Там все есть. И еда - главнос.

Ох, как Мишке хотелось есть. Но где достать еду?

- В огород не вздумай сунуться: пристрелят или так отлупят - из огорода не выползешь. Только на базаре и можно что-нибудь сшибить, - учил всезнающий Витька. - В огород ни-ни, говорю: звери!

Барахолка смоленская, как увидел Миша, была в точности такой, как и ленинградская {там он побывал однажды с братом}: неразбериха, шум и гам, люди, как полоумные, толкаются, протискиваются друг меж другом впритык. Зато чут маленького и не заметят.

- Ну-ка отойдем в сторонку. Переговорить надо.

Отошли подальше, присели.

- Ты к бабушке хочешь, Миша! Так вот - деньги на билет нужны? Нужны. А хлеба нам в дорогу нужно? Нужно. Есть один способ: продать что-нибудь. Что продадим? У меня, как видишь, ничего, а у тебя?

Миша скинул с плеч пиджачок. Витька только рассмеялся:

- Отвалят нам за эту тряпку... на все удовольствия...

Придется, Миша, расстаться тебе со своими ленинградскими. Вот такого товара тут нет ни у кого. Продадим и билеты купим.

Мишка поджал ноги, замотал головой, слезы вот-вот готовы были брызнуть из глаз.

- Ну и сиди здесь со своими ботинками. Простись и с бабушкой, и с жизнью. С голоду здесь умрешь, а я пошел.

И Витька сделал решительный шаг к базару.

- Вить, - жалобно, испуганно попросил загнанный в угол Мишка, - вернись.

Он поспешно расшнуровывал ботинки, Витька снисходительно ждал.

- Чего реवेशь-то, - увещевал он. - Сейчас тепло, через два, три дня дома будешь, а там бабушка другие обутки справит. Значит, сделаем так: ты жди меня здесь. Со мной - нельзя: раздавят. Вон ты какой маленький.

Никуда не уходи. Я скоро.

И Витька исчез в толпе базара.

Шли минуты. Мишка снял чулочки, аккуратно свернул их и положил в карман пиджачка. Босым пяткам было даже приятно купаться в теплой пыли. Мишка топал по этой ласковой земле и думал: пусть уж бабушка не увидит его в этих замечательных ботиночках с таким красивым названием "Скорород", зато как обрадуется ему, своему Мишутке!.. А там заживут они по-прежнему, и забудутся все его беды.

Но время шло, а Витьки все не было. "Наверное, подороже захочет продать, покупателя стоящего ждет. Витьку не обманешь, он сам с усам. Как хорошо, что он встретился ему на пути!" - рассуждая так, босоногий мальчик с тревогой смотрел в сторону барахолки. Оттуда и туда кандыляли и взрослые, и пацаны всех возрастов. Витьки среди них не было.

Очень хотелось есть и пить. Но страшно было отойти: вдруг Витька придет, а Мишки нет. Все же он не выдержал, и, оглядываясь, побежал к колонке. Здесь все было залито лужами, толкался народ. Мишка подставил в свою очередь голову под струю ледяной воды, но и сквозь воду не выпускал из виду заветное место. Облившись, залив костюмчик, разбрызгивая лужи, побежал назад. Витьки не было. Мишке стало не по себе. Но он все еще верил и надеялся, ходил кругами по своему, определенному Витькой месту, смотрел на ноги, как бы одевшиеся в грязные тапки, и с жуткой тоской начинал понимать, что его обманули, самым подлым образом обманули. Лишь когда стемнело и почти опустел этот страшный базар, мальчик направился на вокзал...

НОЧЬ КОШМАРОВ

Знания географии полезны взрослым. Детям тоже. Если бы Мишка был постарше, учил эту полезную науку, то знал бы: почти половина территории Смоленщины лежит к северу от главной экономической оси области - дороги Москва - Смоленск. Восточную ее часть пересекает строго с юга на север железная дорога Вязьма - Ржев. На ней-то и находится Сычевка, которая стала городом аж в 1776 году. Но Мишка ничего этого не знал. Он вернулся на смоленский вокзал ночью. На торце здания ясно читалось "Смоленск". Если бы он утром осознал это название, может быть, и не было бы этих сегодняшних злоключений. Теперь же путь был один - в Вязьму, а там к бабушке.

Все опять складывалось удачно: с первого пути только что ушел поезд. Перрон опустел. На втором пути стоял пассажирский, на его вагонах ясно видны были - черным

по белому - надписи "Москва - Смоленск". То, что нужно. Этот поезд пойдет в Москву. Больше ему идти некуда. Значит, он довезет его до Вязьмы. Об этом ему сказали старушки и мерзкий фашист Витька. Хорошо, что нет пока посадки, можно незаметно проникнуть в вагон и спрятаться.

Мишка теперь был умным. Он внимательно из темноты осматривал состав. В некоторых вагонах двери закрыты. Ясно - в них не попадешь. А вот открыто, но девушка-проводница выметает мусор. Сюда тоже не сунешься. Но есть и открытые, и рядом никого не видно.

Девушки с флажками стоят группками, разговаривают. Сюда. Но не прямо. Надо с той стороны зайти. Мишка обежал поезд. Ой, как больно босиком по острым камням! Из-под вагонов видно, где болтушки собрались. Здесь. Мишка осторожно подлез под вагон, вот и ступеньки, подтянулся, уцепившись руками, и - шмыг на площадку. В вагоне никого. Теперь в середину вагона. Темно, но от вокзала в окно - свет. Теперь - в угол под нижнюю полку. Фиг, кто найдет! Мишка свернулся котенком в этой жуткой темноте и, измученный за день, почти тотчас уснул.

Очнулся он от того, что его чем-то притискивали к стенке.

- Да ты сильнее дави, черт! - торопил кого-то какой-то мужской голос.

- И так давлю. Да там что-то есть.

- Дайкось проверю, - говорит мужик и шарит, шарит под лавкой, - ага, вот он. Здорово, паря! Путешественничек. Эй, Петро, кликни-ка в окно милиционера.

И Петро кликнул. И милиционер явился. И вытащил Мишку сквозь узкий проход вагона [граждане пассажиры прижались к полкам, давая им дорогу] на перрон, и ввел в привокзальное отделение. Милиционер, как когда-то Трофимов на Московском вокзале, передал Мишку лейтенанту, похожему на Янгулова. И понял беглец главное - не видать ему бабушки. Остальное Мишку не интересовало. Зато он тут, видимо, всех интересовал. Лейтенант от радости чуть в ладоши не хлопает:

- А ведь он, кажись? По всем приметам он! Попался, голубь! Его тут все ищут, а он под лавочкой блаженство вкушает. Мишка Кораблев, по прозвищу - Кораблик! Так тебя величают? [Мишка кивнул.] Надо, брат, сообщить в приемник, а то там люди с ума сходят. - И, набрав номер, в трубку: - Радуйся, морячок, нашелся... Здесь, у нас переночует, а утром - забирайте... Спасибо не отделаешься. Беленькую захвати, я как раз сменюсь.

Лейтенант положил трубку, приветливо взглянул на Мишку:

- Ступай за перегородку и вон на том диванчике досматривай сны. Жестковато, правда, да ты парень закаленный, привычный. Тут у нас шумновато бывает, но тебе, как видно, шум не помеха: в поезде чуть не всю посадку проспал.

Мишка зашел за перегородку, уселся в уголок деревянного диванчика, положил голову на подлокотник, но уснуть вопреки прогнозам лейтенанта не мог. Все время хлопали двери, входили и выходили милиционеры. Внимание Мишки привлек старик [может, и не старик вовсе, но борода, усы]. Старика поймали в чьем-то огороде с мешком картошки. Не целый мешок, а так - меньше половины. Вещественная улика стояла здесь же, на полу.

- Ты, Ершов, какой раз попадаешься?

- Второй, - услышал Мишка молодой бас "старика".

- Попадешь в третий - пеняй на себя... Он что: все в огороде Титовых промышляет?

- Все там, - ответил на вопрос лейтенанта один из милиционеров, - уехали хозяева куда-то. Вот он и шурует.

- Дошуруется паразит...

Глаза Мишки закрылись. И теперь он лишь сквозь сон слышал происходящее в милиции.

Прошло несколько часов. Вдруг раздался крик. Мишка в страхе сел, протер глаза. Того самого "дедушку", который говорил, что второй лишь раз копал чужую картошку, ввели два милиционера. "Видно, сбежать хотел", - подумал Мишка.

- Отпустите его, - молвил с усмешкой лейтенант, и вору: - Садись.

Два милиционера посадили вора на пол в углу, а третий плюхнул туда же мешок картошки, неполный, как и в прошлый раз, так - половина.

В это время в дверях появился дядя Миша. Он протянул лейтенанту какую-то бумагу, сказал "спасибо", взял беглеца за руку и повел к выходу.

Солнце уже коснулось своими лучами развалины на холмах, здесь же на привокзальной площади еще расплывалась прозрачная голубая тень.

Мишка думал, что моряк поведет его в приемник сам, но ошибся. На площади их ждал другой дядя, молодой, в штатском костюме.

- На вот, бери, - сказал дядя Миша. - Теперь все в наличии?

- Теперь все, - подтвердил новый дядя и передал дяде Мише какую-то бумагу.

- Прощай! Мне пора. И ты, Мишутка, прощай. Не дури и больше не бегай!

- Семь футов под килем! - улыбнулся моряку новый дядя и крепко взял Мишу за руку. - От меня не убежишь.

Пока шли к приемнику, Аркадий Семенович, так назвал себя Мишин провожатый, говорил, не умолкая.

- Пусть сейчас наш город в развалинах - мы скоро восстановим его. Сколько раз враги разрушали Смоленск? А он возрождался из пепла, как птица Феникс, назло всем врагам.

- Какая птица? - не понял Мишка.

- Феникс. Это сказочная птица. В старых сказках о ней говорится: ее убьют, сожгут, а она снова становится живой. Вот и город наш так же: его сжигали, разрушали, а он, как та птица, снова - красивый и живой.

Пока Аркадий Семенович рассказывал, Миша невольно отмечал, как выглядит дорога: вот дом, рассыпавшийся в прах, а рядом - береза. Странно, все погибло, а она - в зелени листвы. За березой видна башня крепости. Разрушена башня, досталось и ей, как и всему в этом городе.

Скоро показался приемник. Он совсем не похож на ленинградский. Там высоченный забор с огромными железными воротами, двор маленький, из любого окна все видно - не убежишь. А здесь все открыто и спрятаться есть где. А порядок такой же. В приемной комнате уже сидят несколько ребятшек. Когда Аркадий Семенович ввел Мишку, все, так показалось ему, взглянули на его ноги. Парнишка постарше ехидно усмехнулся. "У-у, гад, подумал Мишка о нем,- второй Витька."

БЕГЛЕЦЫ

Из смоленского приемника-распределителя Мишка ушел [в официальных бумагах записали более точно - "бежал"] в этот же день. Почему? Его никто не бил, не ругал, напротив, говорили ласково и приветливо, шутили, обещали обязательно сообщить бабушке, говорили, что она непременно приедет за ним. Он верил этому. И все-таки - ушел, сбежал. Почему? Он не мог ждать. Знал по Ленинграду, что после санобработки и других процедур его непременно запрут в изолятор. А это долгая-предолгая тоска. И потом ведь кто его знает, а вдруг обманут. Обманул же его дядя Миша-моряк. Он, конечно, не подумал тогда о людях, которые несли за него ответственность. Дети, увы, эгоисты.

...Миша сначала шел по тому же пути, по которому его вел Аркадий Семенович, но когда определил, где вокзал, свернул с дороги и пошел окольным путем: знал, что когда хватятся, непременно пошлют погоню. Надо было дожидаться темноты, а там в любой товарняк, только в товарняк, идущий в Москву. Прав был гад Витек: в пассажирских ему не ездить.

Трудный день выдался для Мишки. Постоянный страх и голод мучили его. К вечеру голод стал невыносим. И Мишка совершил первое в своей жизни воровство. Бродя по окраине, он увидел за небрежной оградой из колючей проволоки грядки помидоров. Помидоры крупными зелеными гроздьями свисали с низеньких веток, прикрепленных к палкам. Кругом - никого. Мишка прилег за кучей каких-то камней и стал зорко осматривать местность. Люди далеко. Это главное. Мишка знал, как нехорошо брать чужое. Бабушка определяла это одним словом - "грех". Грех, конечно, но и попадает за это. Мальчик вспомнил "старика" с картошкой. Есть же хотелось сильнее всякого страха.

И Миша решился.

Он осторожно подполз под проволоку и, оглянувшись, сорвал первый плод. Хотелось тут же вонзить в него зубы, но надо спешить. Он растянул ворот рубашки, и тяжелые прохладные мячики покатались к теплomu животу. Чтобы не раздавить помидоры, Мишка выползал из-под проволочной ограды на спине. А потом бегом, бегом подальше от этого места. В одной из канавок Мишка устроил пир. Он все ел и ел, отъедался за эти два голодных дня. Потом ему стало плохо. Сложив остатки таких приятных на вид и на ощупь и таких противных и горьких на вкус плодов, мальчик побрел к вокзалу.

Мишка боялся больших товарных вагонов: закроют, а потом не выйдешь и увезут неизвестно куда. Ну их, хоть там теплей и спрятаться легче. Он выбрал открытую платформу с каким-то грузом, закрытым брезентом, влез под него и около чего-то большого и твердого затих.

Поезд, как будто только и ждал, пока Мишка устроится, пошел. Когда паровоз дернул первый раз, незваного гостя отбросило и ударило предельно о задний борт, потом еще и еще. Надо было искать безопасное место, и он пополз вдоль бокового борта платформы вперед. Но вдруг явственно сквозь перестук колес услышал шорох впереди. Кто-то шевелился в кромешной тьме и тоже ползал. Мишка замер. Шорох прекратился. Может быть, показалось? И Мишка на четвереньках двинулся дальше. И тут на его плечо легла чья-то рука. "Конец" - подумал Мишка.

Чиркнула спичка - два чумазых лица смотрели на мальчика зло и внимательно. На одном раскрылся рот:

- Фу ты черт - пацаненок, а я уж думал...

Мишка увидел, как что-то блеснуло и шелкнуло в руке чумазого дядьки. При свете спички они внимательно рассматривали своего спутника.

- Ну, - наконец сказал все тот же голос, - давай знакомиться.

- Миша, - пропищал несколько приободрившийся Мишка.

- А мы, значит, дяди: это вот дядя Костя, а я - дядя Коля. Жалко, что ты нас не видишь во всей красе. Ничего, завтра разберешься.

- Скажи-ка нам, Миша, а куда это ты собрался [голос дяди Кости], да еще ночью, да еще без билета?

Шутят, понял Миша и сам пошутил:

- А вы куда, дяденьки? Да под брезентом, да тайком?

- Молодец, Мишка, так нам и надо,- это сказал дядя Коля. - Иди-ка, садись между нами. Не так жестко будет.

Дяди подтянули Мишку к себе.

- Ты смотри, Костя, он с голыми ногами. Вот так артист! Куда же ты ботинки девал?

- Путешествовать без сапог и без жратвы, на это... Мишка, а это что у тебя за пазухой? Неужели яблоки!

Мишка вынул из-за пазухи несколько помидоров и протянул их во тьму. Жадные руки выхватили их у него. Послышалось чавканье. Вот так же после налета на огород ел эти помидоры и он.

- Ну, спасибо, Миша, давно такой вкуснятины не едали, - почти в один голос сказали дяди.

Мишке даже жалко стало этих голодных из темноты.

Мерно стучали колеса, хлопал в такт им брезент над головами беглецов. Поезд уносил их в темень, в неизвестность. Мишка доверчиво рассказал своим новым покровителям о бабушке, о своих мытарствах и злключениях.

- Да, - прозвучал из тьмы голос дяди Коли, - одиссея в духе нашего времени. Значит, так, Миша, до Вязьмы нам по пути. Вместе добираться будем. От Вязьмы же тебе придется добираться одному. Там до Сычевки пустычок останется. Главное - ни сейчас, ни потом в милицию не попасть. Спи пока, утро, как говорят, вечера мудренее.

Об этом можно было и не говорить. Пригревшись между боками добрых дядей, Мишка уже спал.

Колеса все выстукивали и выстукивали свою песню, скрипело и подрагивало под полом, бешено хлопал, остервенясь, брезент.

- Утром надо убираться отсюда, - услышал Мишка сквозь сон,- слишком приметная платформа. Она неспроста покрыта брезентом. Вероятно, здесь что-то ценное. На любой остановке могут проверить. В общем, надо переходить.

- А пацан?

- Придется брать с собой. Если найдут его, узнают, с кем ехал. Тогда доберутся и до нас.

- О жратве надо подумать. Меня что-то от вчерашних помидоров крутит.

Когда рассвело, дядьки приподняли брезент. Утренняя прохлада заставила Мишку вспомнить о босых ногах. Но особенно переживать было некогда, начался переход. Первым пробирался дядя Костя, за ним, держа Мишку под руку, - коротенький, широкоплечий дядя Коля.

Когда шли по крыше пляшущего, готового вырваться из-под неверных ног вагона, Мишке казалось, что это конец, сейчас они упадут под грохочущий состав. Но дядя Коля крепко держал его за руку, советовал:

- Не смотри вниз, вперед смотреть надо. Ширь-то какая, а!

Глянул было Мишка [действительно - ширь!] и чуть не грохнулся с крыши качающегося, прыгающего вагона. Но дядя Коля настоroje. А еще предстояло самое страшное - прыжок на штабель досок на платформе. Первым прыгнул длинный дядя Костя. Мишка с ужасом взглянул вниз: там в бездне что-то скрипело, визжало и летело под торчащие доски.

- Прыгай! Быстрее! - крикнул дядя Костя.

И Мишка прыгнул. Казалось, это конец. Но нет, он почувствовал под ногами твердую поверхность. Рядом, вцепившись в его руку, стоял, тяжело дыша, дядя Коля.

- Теперь - вниз, - командует дядя Коля, - переживать потом будете.

Когда уселись наконец-то у переднего борта платформы и отдышались, только тогда сумел Мишка разглядеть своих приятелей.

Оба оказались молодыми парнями с худыми пепельно-серыми лицами. Бородки: не то застарелая щетина, не то попытка сыграть под мужичков. В глазах - голодный блеск. Одежда - давно не стиранный старье: гимнастерки, поверх них пиджаки неопределенного цвета, какие-то темные штаны, заправленные в кирзовые сапоги.

- Что, Миша, у твоей бабушки в огороде такие же чучела стоят?

- У нее чучел нет, - простодушно схитрил Миша, а про себя подумал: "Правда, на чучела похожи".

- Похожи, - как бы угадав его мысль, задумчиво сказал дядя Костя. - И это в нашем положении самое скверное. Одежду надо сменить как можно быстрее.

- Лучше бы фотокарточки, - непонятно усмехнулся дядя Коля.

А поезд тяжело стучал и стучал колесами по рельсам вымахнувшим на простор искореженной войной Смоленщины. Города ли, поселки ли - развалины, а на деревни и смотреть страшно. Редко целые дома, а так - печные трубы, рядом с ними горбушки землянок или самые фантастические времянки. А в бабушкиной деревне [помнил Мишка] и вообще-то ни одного уцелевшего дома не было. Все подмела война.

Но из Сибири, из других отдаленных мест все тянулись в родные места люди. Что их влекло сюда, где ничего, казалось, не осталось? Из школьных учебников узнает Мишка ответ, данный поэтом: "Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам". Но все это потом, этих прекрасных слов пока не знал Мишка. Слово "Вязьма", непонятное и прекрасное слово, вот что волновало его. Ах, скорее бы Вязьма!

- Еще денек, и мы - в Вязьме, - молвил дядя Костя. - Если повезет, конечно. Впрочем, судя по малочисленной охране, повезет нам. Только что-то экспресс наш не очень спешит.

- И слава богу!

- Это для нас с тобой, Николай, "Слава богу", а Мишка спешит. Но вот что, братва, впереди - город. Надо достать чего-то насчет покушать. Иначе нам - хана.

Между тем состав медленно подходил к какой-то станции. Перед зданием вокзала было два свободных пути. У самого вокзала - небольшой спуск, переходивший в площадь. На ней всюду кипел торг.

- Вот тебе, Миша, самая дорогая и последняя наша вещь. Беги на базар и продай за... сколько дадут. Держи вот так, - и дядя Костя выдвинул из перламутрового ножика лезвие, шило, крохотные ножницы, еще лезвие, штопор, и ножик превратился в серебряного ежика. - Не бойся, мы еще не скоро поедем. Туда и обратно должны пройти пассажирские поезда... Только смотри - не продай, как свои ботиночки. Ну - дуй! На все деньги купи там картошки вареной, пирожков, молока в бутылке. Давай, Мишутка, дуй... Да не сюда.

Мишка полез было через боковой борт. Дяди взяли его каждый за руку и спустили осторожно между буферами платформ.

И Мишка было подул, но острые камни, впившиеся в пятки, сразу остановили его. Не оглядываясь, он заковылял к базару, стараясь переходить пути по шпалам. Ножик он держал в ладошке в кармане. Как приятно было ощущать его прохладную тяжесть.

Вряд ли когда базары видели более жалкого продавца, чем Миша Кораблев. Мишке было страшно: страшно, что подумают, будто он украл этот чудесный ножик, страшно, что заберут в милицию и отправят опять в Смоленский приемник-распределитель и тогда прощай, бабушка. Но самое страшное - вдруг дяденьки подумают, что он взял ножик и скрылся, как этот гад Витька. И вместо того, чтобы раскрыть ножик, как учил дядя Костя, раскрыть в виде ежика и показать всю его красоту, Мишка зажал его в кулачке и едва слышным голосом лепетал:

- Купите, пожалуйста, ножичек... несдорого...

Подошла какая-то старушка и, не взглянув на ножик, сунула ему огурец. "Болезный", - промолвила другая и дала ему две маленькие картофелины. Мишка сложил эти богатства в карман пиджачка и побежал к своим дяденькам. Его испугал промчавшийся на Москву поезд. Пассажирский, скорый! На таком он пытался уехать из Смоленска, "болезный", как говорят сердобольные старушки.

Дядя Костя помог Мишке забраться на платформу. Дяди Коли не было.

- Ушел на промысел ужасный, - процитировал всезнающий дядя Костя. - Ну-ка поглядим твою добычу.

Мишка протянул сначала ножик, а потом огурец и две картофелины. Дядя Костя добродушно рассмеялся:

- Ясно! Купчина Елисеев из тебя не выйдет. Какой Елисеев? А вот в Ленинграде да в Москве его магазинчики остались. Увидишь - узнаешь. Ну, а за ножик - спасибо. Это даже хорошо, что не продал: может быть, еще пригодится. Ладно. Посмотрим, чем Николай порадует.

Поезд тронулся, а дяди Коли все не было.

- Отстал! - испугался Мишка.

- Это Колька-то... Сейчас явится.

И он действительно явился. Добычи у него было разве чуть побольше Мишкиной. Зато целых две бутылки воды.

Во второй половине дня дядя Костя притянул Мишку к себе:

- Нам везет, вернес, тебе, Мишутка, везет: скоро Вязьма. Мы спрыгнем до вокзала. Нам туда... в общем, перед станцией нам сходить. А ты слушай внимательно, Миша: как только эта платформа поравняется со зданием вокзала - прыгай. Поезд будет идти очень медленно, но полной остановки может и не быть. Так что надо будет обязательно прыгать. Но смотри, куда, то есть в какую сторону. Смотри, чтобы людей рядом не было, особенно милиционеров и военных. Запомнил? Ах, как бы хотелось тебя посадить на сычевский поезд, но не можем мы этого. Ты уж прости нас. Поезд на Сычевку найти просто: по надписям на вагонах - "Сычевка". В вагоны садись только в общие, туда, где много народа. До Сычевки отсюда не очень далеко. Прощай, Миша!

Дядя Коля тоже ткнулся щетиной в щеку мальчика:

- Счастливо тебе, Миша, найди свою бабушку и ей от нас привет.

Когда поезд выгнулся дугой над высоким откосом, оба Мишиных друга разом взметнулись над бортом платформы, спрыгнули и быстро-быстро помчались вниз к кустам. Кто-то упал, перевернулся через плечо [кажется, дядя Костя], но тотчас вскочил, и оба одновременно скрылись в кустах.

Миша снова остался один.

Теперь все зависело от него, только от него самого.

Здравствуй, бабушка

Как просто теперь добраться до нашей деревеньки.

На поезде из Москвы - до Гагарина [Гжатска], а оттуда автобусом до Дубинина. Дальше автобус не идет, возвращается в Гагарин. Как просто! И этот путь я не мог проделать в течение 40 - СОРОКА лет...

Из автобуса уже все вышли, а Вениамин и я все смотрели в окно. Мы не узнавали своей деревни. Шофер, удивленный, что мы не выходим, нетерпеливо спросил:

- Ну, долго еще ждать?

- Это Дубинино?

- Дубинино! Дубинино! - выкрикнул шофер. - Выходите, или назад везти?

Накрапывал мелкий, нудный дождик. Мы стояли на улице СВОЕЙ деревни. Но самой - НАШЕЙ! - деревни не было. Перпендикулярно к ее бывшей центральной улице стояла новая деревня из одинаковых домиков-коттеджей. Мы не пошли к этим чужим близнецам. В конце старой улицы на месте дома бабушки высилась колхозная контора. Почти у самого крыльца ее плескались волны Вазузского водохранилища. Когда-то здесь был крутой спуск к Гжати и на том берегу - деревня Олькино. Оттуда, перейдя мелкую Гжать, я поднимался сюда, к бабушкиному дому. Теперь все было залито водами водохранилища. На месте деревни Олькино теперь лишь торчала из воды верхушка телеграфного столба с перекладиной.

- Крест над ностальгией по ушедшему, - сказал брат.

...Вязьма!

Вот она - Вязьма!

Поезд медленно подходил к вокзалу...

Мишка осторожно выглянул из-за борта платформы. Оляделся. На первом пути от вокзала стоит чумазий, зеленый пассажирский поезд. Его штурмуют со стороны вокзала, но и с этой, незаконной стороны, лезут с узлами и чемоданами. А здесь никого не видно. Пора прыгать. Мишка вскочил на борт платформы. Легонькое тело скользнуло с огромной высоты. Мишка упал на четвереньки. Руки, ноги подогнулись, он ударился коленями и ладонями об острые камни. Но о боли думать было некогда. Мальчик вскочил и побежал через пути к толпе, лезущей в вагон.

- Куда поезд идет?.. На Сычевку? - закричал Мишка.

- На Сычевку, на Сычевку, - ответили ему.

Теперь только бы сесть, только бы успеть. Мишка врезался в толпу. Его толкают со всех сторон, но он уже на площадке. А на нсе лезут и от вокзала, и отсюда.

- Мальчонку задавите, окаянные, - слышит задыхающийся Мишка женский голос. Но вот он уже и в вагоне.

Чьи-то сильные руки выхватили Мишку из давки и водворили на верхнюю полку.

- До Сычевки?

- До Сычевки. Не сумлевайся, доседешь. Все туда.

Поезд пришел в Сычевку ночью. И толпа пассажиров, как безумная, ринулась в зал ожидания: занять скамейки до утра.

Мишка пошел к мосту через реку и готов был встретить рассвет уже в дороге. Он боялся вокзала. Мало ли, вдруг заберут. И это сейчас, когда он почти у бабушки.

Темная, черная вода речки остановила его. Знал, ее можно перейти вброд, но густая чернота воды была угрожающе страшной, и, казалось, ноги в ней совсем закованеют - и Мишка вернулся на станцию. Вошел в вокзал. Тяжелый спертый воздух встретил его. Все скамьи, разумеется, были заняты. Да и пол весь завален лежащими, сидящими в разных позах телами. Мишка протискался в середку [подальше от милиционеров] этого храпящего лежбища, присел, прислонился к чьей-то спине, задремал.

- Обокрали! - истошный крик разбудил мальчика. Первое чувство его почему-то было: "Подумают на меня, заберут". Побыстрее пробрался к двери. На улице светало. Дальше пытаться судьбу не стоило.

Мишка вышел из вокзала и поспешил к реке, но острая боль в колене остановила его. Он осмотрел свои штанишки. На коленях они продраны. Это во время падения с платформы. Кровь, смешанная с грязью, бурными пятнами запеклась на левой штанине. "Ничего, бабушка заштопает дырки, выстирает брюки и будут как новенькие. Бабушка все умеет". Мишка ощупал левое колено. Оно распухло и болело. Ничего, пройдет. И мальчик, хромая, побрел к реке. Постепенно боль ушла: подойдя к реке, он почти не чувствовал ее. Но переходить вброд снова побоялся, решил - по мосту. Правда, там дядька с винтовкой. Мишка выждал, когда он зайдет в свою будку, и перебежал по мосту.

- Ты куда, пострел! - беззлобно ругнулся охранник. Он видел, как мальчуган крутился у речки, и понял его намерение.

Ах, родина! Как хорошо топтать босыми ногами по твоим глинистым, утрамбованным сотнями ног тропинкам, как хорошо твоим блудным сыновьям омочить в росе твоих лугов израненные ноги. А над головой видеть высокое небо и слышать из поднебесья трели твоих жаворонков.

Но сейчас никаких жаворонков уже не было. Мишка все глубже и глубже уходил в поля. Никто не встречается ему по дороге. Мальчик чувствовал себя хорошо в этом родном, голубом просторе. Ему встретилось гороховое поле. Он нарвал за пазуху зеленых стручков и ел, вливал их сок. давно уж ему не было так хорошо. Так хорошо!

Последнее препятствие - паром в Жерновке. Миша пристроился за телегами, тайком прокрался на паром. Он все еще чего-то боялся. Но на него никто не обратил внимания. Мало ли тут ребятни переправлялось туда и обратно. А когда паром коснулся противоположного берега, Мишка забыл обо всем. Он то бежал, то переходил на шаг, и не заметил, как очутился в Олькино. Вот и Гжать, а за Гжатью, на взгорке - Дубинино, бабушкина деревня.

И первая избушка на взгорке - ее.

Мишка снял штанишки и вошел в родную Гжать. Лишь кое-где вода была выше пояса, а так - не выше колен. Добравшись до противоположного берега, натянул счастливым Мишка драные брючки и побегал в гору к домику бабушки. Дом был на запоре. Он выдернул скобу и очутился в родной бабушкиной комнатенке. Открыл заслонку печи - на месте стоял чугунок с картошкой. Миша отрезал ломоть хлеба, налил кружку молока.

Через несколько минут он крепко и спокойно спал.

Чооду КАРА-КУСКЕ

ПОЧИТАЙ-КА!

В ПОЛЕТ

В день веселый, светлый самый,
в день рождения папа с мамой
мне купили самолет.
Отправляюсь я в полет.

Ветер тих и солнце греет,
не погодка, а мечта.
- Эй, игрушки, поскорее
занимайте-ка места!
Бегемотик, мишка, мышки,
обезьянка, кенгуру...
Но учтите, шалунишки:
опоздавших не беру.
Пошевеливайтесь, ну-т-ка!
Вылетаем до зари.
Мы всего за три минутки
облетим вокруг Земли.

БАЛАЛАЙКА

Чудо-балалайка!
Только велика.
На такой сыграй-ка!
Не сыграть пока.

Подрасту, я знаю,
через много дней.
Вот тогда сыграю
здорово на ней.

Будут мишки, зайки
на траве плясать,
я на балалайке
буду им играть.

Взрослые и дети
дружно выйдут в пляс.
Будет всем на свете
весело в тот час.

КОТЕНОК

Все уснули до утра.
И тебе бы спать пора.

Что же ты не спишь, котенок?
Хочешь поиграть со мной?
Не боишься ты потемок,
мой дружочек озорной?

Знаю, котик, ты не трус,
только очень странный:
я вот тоже не боюсь,
но шуметь не стану.

Вволю мы играли, пели,
мой пушистый, мой смешной.
Будет день - еще успеем,
наиграемся с тобой.

А пока - спать пора:
за день мы устали.
Спит спокойно детвора,
спит дедуля старый.

Ну, послушайся меня:
спи до завтрашнего дня.

ЗАЙЧОНОК НАПУГАЛСЯ

Погожим утречком спросонок
зайчонок бегал среди сосенок.
Сияло солнце, падал снег
и тшил сердце быстрый бег.

Ему кричат сосенки звонко:
"Зайчишка, с нами поиграй!.."
Но где-то услышал в сторонке
ворон тревожный дальний грай.
И понял зайчик с той поры:
ему совсем не до игры.
Играть бы мог он с ними чаще,
но чудище увидел в чаше:
"Что это?" - не возьмет он в толк:
орел? Лиса? А может, волк?

Снаружи - белый-белый-белый.
Внутри - попробуй, разбери.
А сердце бьется, что ни делай,
и страшно, что ни говори.
Удрать зайчишка был бы рад,
но слушать ноги не хотят.
Хотел он крикнуть во все горло,
но потерял трусишка голос.

Дрожит, вздыхает, слезы льются,
со страху, надо понимать:

не крикнуть и не шевельнуться
и ни остаться, ни удрать...

Зайчишка глазом лишь моргнет -
и чудище шагнет вперед.
А если не моргает -
чудо не шагает.

Вот и солнце за горой,
но ни с места наш "герой".

Он от страха весь дрожит...
Час, другой проходит...

Только чудище лежит,
чудо не уходит...

Заскрипел негромко снег.
Видит заяц: человек
с топором за поясом
тихо бродит по лесу.
Мимо он проходит,
к чудищу подходит,
он по чуду раз и два
стукнул, что есть силы...
- Будут славные дрова! -
громко пробасил он.

ДРАМАТУРГИЯ

Марьям РАМАЗАНОВА

МОГЕ-БЕЛЕК И ХАРТЫГА-АЪТ

Пьеса-сказка

Действующие лица:

СКАЗИТЕЛЬ.

ДАНГЫНА - хозяйка тайги.

МОГЕ-БЕЛЕК.

ДОЛАНА.

ЭРТИНЕ - отец.

КУНЗЕНМАА - мать.

ТЫРТЫК-ООЛ, он же Шулбус.

ХАРТЫГА-АЪТ - конь.

КОШКЕНДЕЙ - охотник.

1-я часть

Вокруг голубые горы, будто покрыты легким прозрачным шелком. Небо еще голубее, высокое и бесконечное. Возле одной горы стоят несколько юрт. Одна особенно бедная. Вдали пасутся табуны.

СКАЗИТЕЛЬ - Шыяан... Люди говорят, что это произошло давным-давно там, где берет начало великая река. Там еще струи маленькие, даже не похожие на реку. Потом увеличиваются струи, начинают плавать рыбы. Вот эта река-то и рассказала на своем языке, что видела своим ясным оком.

Сказитель начинает играть на хомусе и вдруг исчезает. Из-за гор, сопровождаемая красивой мелодией, появляется очаровательная юная женщина в зеленом халате с тяжелыми косами, разукрашенными серебром и жемчугом. Она нежно играет на лимби. Начинает петь. Лимби держит в руке. Голос ее мягкий, светлый и радостный. Это Дангына тайги. У нее сегодня праздник - Весна. В тайге все цветет. А-а-а-а! - и начинается песня.

ДАНГЫНА(поет): Синяя птица детства,
Синяя птица, синяя птица,

Ты можешь на миг появиться?

Ты помнишь, с тобою в детстве,

Всегда были мы по соседству.

Махни опухалом-крылом.

Ты видишь (показывает рукой вокруг гор и тайги), какой у меня дом.

Ты влети, мое детство, в мой дом,

Дай мне пышка круг

Из маминых ласковых рук.

Синяя птица, ты не забывай:

Я помню всегда свой кавай.

Рассказать бы, о детство, тебе

О житейской нелегкой судьбе.

А,а,а,а,а,а!

Дангына стоит возле толстого кедра. На мгновение она забыла о лимби. Сверху (на него направив красный луч) прыгает со страшным хохотом Шулбус и вырывает у Дангыны волшебную лимби. С хохотом заталкивает ее в дупло и говорит.

ШУЛБУС: -Замолчи навсегда!

Хохот раздается. Он уже Тыртык-оол. Пляшет дьявольский танец. Он, нарушив закон природы, обращает в пламя все живое. И хохоча, говорит:

ШУЛБУС: Эй, ты, бывшая Дангына; я избирательно буду сжигать. Например, тебя не трону. Любишься. Ты будешь безмолвным свидетелем моей мощи и славы. Но ты безгласная, хотя ты такая добрая, милосердная... Выслушаешь от этих людишек - я их ненавижу - в этой долине много жалоб, прежде чем жаловаться разучатся. Каждый человек должен быть безмолвным рабом, его дело - работать, работать, работать, умножать мои богатства, поставлять мне красивых девушек...

Голубое небо (это будет экран, на котором изображения по принципу театра теней). Хохот Шулбуса. Сейчас увеличиваются, заполняют все небо три головы Шулбуса. Хохот Шулбуса. Он изображает танец трех голов.

ШУЛБУС: Дангынушечка, моя душечка, если хочешь быть моей наложницей, я отдам тебе лимби и ты тогда можешь своих людишек и зверей согреть, а когда я надую палящий жар, ты их охладишь.

(Хохот усиливается. Воздух наливается багровым отсветом).

ШУЛБУС: Дангына, ты увидела, какой я могучий, а сейчас я - Тыртык-оол. (Ткнул волшебной лимби в кедр. И, ворча, пошел, спрятав в пояс лимби): Чертовы рабы. Они находят время веселиться и петь. Работать, работать... А мне нужна власть.

В это время стихла громкая неблагозвучная музыка. И музыка стала печальной, как бы выговаривая тоску.

На первом плане слева сцены бедная юрта. Входит Кунзенмаа в юрту с ведром воды. Затем выходит за шепками. Зажигает очаг, готовит чай. Поставила возле чаши узконосую посуду с молоком. И начала, взяв в зубы трубку, тереть беленький хураганий мех, чуть слышно напевая:

Я заступом воспоминаний

Разрыла юности курган.

В нем покоятся желанья,

Караван моих мечтаний

И коварнейший обман.

ЭРТИНЕ: (в юрту справа вносит беспомощного жеребенка и кладет у очага, чтобы ему было теплее.)

Слышится голос Тыртык-оола:

Мерзавец! Я тебя запорю, если подохнет жеребенок. У лучшей кобылы погибает жеребенок! Лентяи. Работать совсем не умеете. Рабы!

Тыртык-оол, вваливаясь в юрту, бьет Эртине по лицу.

ЭРТИНЕ: Кожай. Я ни в чем не виноват. Жеребенок таким слабым родился.

ТЫРТЫК-ООЛ: Заткнись! (Пинает Эртине). Еще смеет оправдываться! Подлый бездельник! Вторая племенная кобыла ожеребилась никудышным дохляком! Все у тебя. Ты, стерва, наверно, чем-нибудь травнись. Если еще ожеребится такой же падалью, я тебя повешу на первом дереве (бьет по лицу).

ЭРТИНЕ: Кожай, кожай! Я не виноват!

ТЫРТЫК-ООЛ: А, ты еще оправдываешься, мелегей! Замолчи! Из-за тебя табуны захиреют. Кобылы еле ходят. (Бьет Эртине плетью).

ЭРТИНЕ: Кожай, на чайлагах трава горит, будто ее зажигают. Лошадям не хватает травы. Такая жара стоит. Степь тоже становится голодной.

ТЫРТЫК-ООЛ: Не хватает, не хватает! (Бьет Эртине по голове). Убирайся прочь!

(Он вынимает кинжал, пробует, взяв палку. Собирается прикончить жеребенка).

ЭРТИНЕ: Уео, уео, кожей (Закрывает собой жеребенка). Не режьте жеребенка, кожей! Не убивай!

ТЫРТЫК-ООЛ: В племенном табуне не должно быть дохлых жеребят. Больные и немощные предаются смерти.

ЭРТИНЕ: Кожей, отдайте мне жеребенка, ради бога, не режьте. (Кунзенмаа наливает в деревянную чашку чая и становится рядом с мужем на колени.).

ТЫРТЫК-ООЛ: И ты... Ладно уж. (берет за подбородок Кунзенму). Хорошенькая ты... Видишь, твой муженек жеребятинки захотел. Да я тебя, гада, голодом заморю, если еще посмешь вот такого жеребенка показать. На месте запорю. Разве это жеребенок? Дохлатина.

ЭРТИНЕ: Отдай, пожалуйста, мне жеребенка! А я его выхожу.

ТЫРТЫК-ООЛ: А, этот все равно сдохнет (он ногой поворачивает голову жеребенка). Возьми, дурень, я добрый человек. Сколько лет ты на меня теперь бесплатно работать будешь, лентяй? Ха, ха, ха, 5+2 года. Значит, мелегей, тебе придется хребтину гнуть 7 лет.

ЭРТИНЕ: Отработаю, кожей, я еще не старик. Мне всего 35 лет.

ТЫРТЫК-ООЛ: Эй, кадай, накормишь своего дурачка-лентяя жеребятиной и сама поешь.

ЭРТИНЕ: Кожей, я его выхожу. Он обязательно станет на ноги!

ТЫРТЫК-ООЛ: Знаю, как ты выходишь! (Ногой плуц дверь юрты. Эртине и Кунзенмаа встали на колени. Вышел хозяин - поднялись. Эртине начал собираться на работу. А Кунзенмаа стала что-то искать в аптеке. Сначала нашла соску, потом небольшой сосуд, сделанный из дерева, с узким горлышком. Отлила молока, остальное вылила в чашу и начала кормить жеребенка. Он жадно начал пить.)

КУНЗЕНМАА: Пей, пей, миленький.

ЭРТИНЕ: Сейчас чаю попью. И пойду к табуну. Домой не приду. Что-нибудь дай с собой.

КУНЗЕНМАА: Ладно. Поближе положи жеребенка к очагу. Ему тепло будет. (Эртине ушел). Муж мне попался хороший, работающий. Жаль только, детей у нас нет. Скоро десять лет живем вместе. А все только вдвоем. (Она подходит к жеребенку. Наливает в сосуд молока.) Погоди. Вырастешь. Будешь красавцем. (Гладит жеребенка рукой). И назовем тебя Хартыга-аьт. (Накормила молоком, какой-то тряпкой накрыла и вынесла на солнышко). Иео, как бы ребятишки с тобой играли, как бы радовались твоему ржанью, мой маленький, мой слабенький. Скоро коровушка отелится. Я тебя молозивом буду поить. А потом много молока будешь пить. А сейчас молока тебе хватит, а сами и черного чаю попьем. Зато Эртине кедровые орехи будет приносить каждый день. Возле нас, да и где табуны кожая, много кедрача (входит в юрту).

СКАЗИТЕЛЬ: (выходит справа, идет к авансцене, играя на хомусе): Ох, как устал Эртине. Какой хороший человек. Отменный табунщик. День и ночь в работе. Отдыхать у него времени нет. День и ночь в труде. Вот бедняжка, еле плетется. (Сказитель исчезает).

Эртине так устал, что почти упал возле кедра и сразу уснул. А в том кедре Дангына без лимби. Под вечер она выходит. Эртине спит. Музыка. И волшебный свет. Дангына, танцую, подходит к Эртине. Он видит сон.

ДАНГЫНА: Крепись, Эртине. Тяжело тебе и жене твоей. Но радость и счастье придет к вам. Под сердцем жены двойня уже растет. И скоро, скоро родятся мальчик и девочка. Ваши дети. Мого-Белек и Долана. Придет на землю счастливый день. Народ будет радоваться (Дангына уходит в дуло).

Эртине проснулся. Вскочил. Только ветви кедра шуршат. Появляется музыка, и Эртине начинает плясать "Танец орла".

На сцене темнота. Затем зажигается свет. Ночь прошла. Эртине в юрте. Обими руками держит руки своей жены.

ЭРТИНЕ: Мать. Радостная весть. Удивительный сон! (В юрте на нетвердых ногах ходит жеребенок карей масти). Смотри, смотри, на ноги встал. Как мы его назовем? Мать, скажи!

КУНЗЕНМАА (улыбается): Хартыга-аьт.

ЭРТИНЕ: Кончуг эки! Отлично! А ведь у нас будут мальчик и девочка. (Они оба заплясали "Танец радости"). В волшебном сне красивая женщина мне сказала, чтобы мы назвали мальчика Мого-Белек. Он будет богатырем. А дочку назовите Долана - она будет красавицей.

КУНЗЕНМАА: Долана?

ЭРТИНЕ: Долана!

КУНЗЕНМАА: Мого-Белек?

ЭРТИНЕ: Мого-Белек!

КУНЗЕНМАА: Хартыга-аьт?

ЭРТИНЕ: Хартыга-аьт!

(Танцуют вокруг юрты).

II часть

СКАЗИТЕЛЬ: (выходит, наигрывая на хомусе): Год прошел. Стал конем Хартыга-аьт и людской речи научился. Родились мальчик Мого-Белек и девочка Долана. Они росли не по дням, а по часам, на радость родителям. Вот уже им по 17 лет. Ловким и сильным был Мого-Белек. Ходил за табунном. Ни один жеребенок не пропал. Отменно охотился. Только не хватало в тайге Дангыны. Птички не пели. Маралы не трубили. И сказал Хартыга-аьт Мого-Белеку, что знает он, где находится волшебная лимби: "Садись на меня". И они поехали. Тыртк-оол-Шулбус не знал, что Мого-Белек выкопал на горе лимби. А они отнесли лимби к кедру. Отдали хозяйке тайги. Запели птицы, запищали тарбаганы, затрубили маралы. Страшным голосом заорал Тыртк-оол-Шулбус. И побегал в юрту к Эртине. А Дангына подарила Мого-Белеку в благодар-

ность за лимби острый кинжал. Трижды поклонился ей Моге-Белск.

(Сказитель исчезает).

ТЫРТЫК-ООЛ *(вбегая в юрту)*: Где Моге-Белск и Хартыга-аът, мелегей? *(Обращается к Эртинне)*. Это мой конь. Я его отберу.

ЭРТИНЕ: Сын поехал коня поить.

ТЫРТЫК-ООЛ: Он, подлец, украл лимби и отдал Дангыне. Я его разорву на твоих глазах. *(Бьет Эртинне. Кузенмаа падает на колени. И вперед выходит Долана. Она красавица и очень смелая)*.

ДОЛАНА: Не смейте трогать моего отца. Он вам ничего плохого не сделал. А Хартыга-аът тебе не дастся.

ТЫРТЫК-ООЛ: Да, ты действительно красавица. Сначала будешь моей любовницей, а потом рабыней моих жен. Их у меня много.

ДОЛАНА: У меня есть жених и я за него замуж пойду. Он молодой, красивый и смелый, а ты, кожей, косоглазый, кривоногий и картавый.

Тыртык-оол замахнулся плетью на Долану. Зашел Моге-Белек и схватил плеть.

МОГЕ-БЕЛЕК: Не смей, мерзавец, трогать мою сестренку! *(Даже растерялся Тыртык-оол)*. За что бьешь моего отца, да еще замахнулся на Долану.

(Входит в юрту Кошкендей-охотник с полным мешком соболей и протягивает мешок Тыртык-оолу).

ДОЛАНА: Знай, кожей, вот он, мой жених, Кошкендей!

ТЫРТЫК-ООЛ: Плевал на тебя и на твоего жениха! Эй, ты, ободранный жених, почему только один мешок соболей принес? Я же приказал три мешка. А моего жеребенка, который был дохлым, я отберу!

КОШКЕНДЕЙ: Кожай. Зверь ушел за большой перевал. Даже лиса ушла, не только соболь. А волков ты не берешь.

ТЫРТЫК-ООЛ: Пять лет будешь бесплатно мне носить соболей и белок *(ударил по лицу и вышел. Сел на коня, слышен топот копыт)*.

МОГЕ-БЕЛЕК: Он теперь не оставит тебя и твою Долану в покое. Счастья не увидишь, как ушей своих. Что же делать, Кошкендей? *(Отца положил на кровать. Обтер лицо от крови)* Идите все ко мне *(Долана, мать, Кошкендей подошли к нему)*.

МОГЕ-БЕЛЕК: Знаете что? Когда я поил Хартыгу-аът, к нам подошел старенький старичок. Глаза добрые и умные. Мы с Хартыгой поклонились ему. Он сказал: Экинер - здравствуйте. И послушайте меня: пришла пора считаться с Тыртык-оолом. Он никакой не Тыртык-оол, а Шулбус. Вчера вечером за горой целый аал сжег. Дангыну мучил. Ее волшебную лимби отобрал, а ее в дупло загнал. Оглум-сыннок, ты и твой конь должны считаться с ним". И куда-то исчез, как будто его и не было. Мы с конем удивились. Хартыга мне сказал - послушай, друг, дедушка правду сказал. Он действительно трехголовый Шулбус. Я говорю: не боюсь Шулбуса, у меня есть

кинжал. Хартыга-аът мне в ответ: "Нет, нет, нам нужен меч звенящий-разящий. Если мы его найдем, будем непобедимы. Садись на меня, - сказал Хартыга-аът. Взовьемся в небеса. Чувствую силу свою. И кровь играет во мне. Облетим землю вокруг. Может, кто подскажет, где этот меч лежит. А я в свои силы поверил, да и в твои тоже". "Родные мои, вы меч найдете. Шулбус не успел препятать, - услышали мы голос старичка.

(По небу-экрану тенью взлетает в небеса всадник на коне. Это Моге-белек и Хартыга-аът. На экране, в небе вырастает Шулбус. Музыка страшная. Ветер стонет. Небо багровеет. У Шулбуса три головы. Идет борьба. Меч разящий-звенящий в руке у Моге-Белека. Летит сначала одна отрубленная голова, потом вторая, затем третья. Крик, стон - и тишина. За экраном Моге-Белек говорит: "Спасибо, Хартыга-аът!")

ХАРТЫГА-АЪТ: И тебе спасибо. Ты настоящий богатырь. Моге, ты иди к своим. А я так пить захотел. Поскачу к реке *(конь исчез)*.

Белоснежным платком Моге-Белек, вынув из-за опояски, вытирает кровь с меча и бросает платок. Подходит к юрте. Все - Долана, Кузенмаа и Кошкендей - кланяются в пояс Моге-Белеку, он в свою очередь кланяется им. Начинается очень красивая музыка. Затем все четверо начинают танец "Победителя". В конце остается Моге-Белек. Он очень красиво танцует. Трое хлопают руками. В конце танца выходит Эртинне. Он улыбается. Хлопает в ладоши. Подходит к Моге-Белеку и обнимает.

ЭРТИНЕ: Молодец, сынок. Я, лежа на кровати, следил за тем, как ты за всех людей мстил Шулбусу. Горжусь тобой.

Подходит Кузенмаа, обнимает сына и от радости плачет. Вытирает слезы. Берет за руку Кошкендея.

КУЗЕНМАА: Отец, Долана выбрала себе жениха. Они уже два года дружат и пришла пора жениться им. Кошкендей принес на шубу Долане соболей. Господи, хоть по-человечески будем жить. Нам в благодарность и Хартыга-аът помог. Выдадим замуж Долану. И будем готовиться ко второй свадьбе. Есть одна девушка. На играх Моге-Белек не отходит от нее. Хороша, как цветок. Скоро, Эртинне, мы с тобой бабушка с дедушкой будем. Весь аал в гости созовем. *(Кузенмаа начала плясать "Танец радости", Эртинне тоже начала танцевать)*.

ДОЛАНА: Мама, хватит вам там шептаться. Пора приниматься за работу. Через три дня будет наша с Кошкендеем свадьба. Работы очень много. Ягодное время. Я сейчас возьму два ведра и до вечера беру черной смородины и малины. Я эти места знаю. *(Она бежит в юрту, берет два деревянных ведра. Убегает)*. Тайга рядом. Слышно ее голосок. Она поет:

Шаловливый ветерок,
Словно шелковый платок,
Рябью речку шевелит.
То с рыбешкою шалит,
То обнимется с горой

Своей легкою рукой.
Я по лунной по дорожке
Топну-хлопну своей ножкой.
Ветерочек так устал,
Засыпать уже он стал,
Окунулся в синеву,
Лег в зеленую траву.

МОГЕ-БЕЛЕК: Кошкендей, мы поедем за мясом и ханом. Все там и сделаем. Так называемого Тыртык-оола немного пощиплем. Две свадьбы сделаем и всех баранов и коней раздадим по аалам. Все это бедным людям принадлежит. Мама с отцом пойдут собирать шишки. Они прямо на земле лежат.

(Все ушли).

День прошел. Темнота. Снова утро. Голубые и бледно-розовые горы и невдалеке тайга.

Долана не пришла домой. Ищут ее. Тревога. Никто не спал. Ржет Хартыга-аът, то там, то здесь пробегают Эртине, Кунзенмаа, Могге-Белек, Кошкендей, громко кричат ау, ау, ау, ау! Долана, Долана! Доченька, доченька! Сестренка! Сестренка! Долана! Долана! Любимая, нежная! Моя ненаглядная! Долана! Ау, ау, ау, ау. Долана, Долана, где ты? Ау, ау, ау, Долана!

Из тайги с полными ведрами на руках выходит Долана.

ДОЛАНА: Успокойтесь. Я была в гостях у Дангыны. *(За Доланой идет Дангына. Она вся в зеленом. У нее длинные косы переплетены жемчугом, на голове высокая легкая шапочка).*

ДАНГЫНА: Извините меня. Это я виновата. Как только Шулубус подох, лимби стала в моих руках. Я снова стала всемогущей в тайге. *(Все собрались в кучку).* Это я ее пригласила к себе. Было уже поздно. Она могла заблудиться. Я с нею заговорила. Она не испугалась. Я ее позвала. И она пошла за мной. Пела мне песни. На день свадьбы я ей подарю красивое платье. А тебе, Могге-Белек, золотую опояску, которая спасет от любой беды. *(Дангына мгновенно исчезла. Как будто ее и не было. Долана выходит в свадебном платье, прислушивается к музыке и начинает танец любви. Сначала одна. Потом к танцу присоединяется Кошкендей, Могге-Белек, мать с отцом).*

Чимис ЛАМАЖАА

ПРОБУЖДЕННЫЕ

Фантастическая повесть

Все началось с моего... любопытства.

Моя мама иногда брала меня с собой на работу, в святая святых - лабораторию. Это делалось для того, чтобы не оставлять меня одну после занятий в школе, так как все отлично знали, каким я была непоседливым и хулиганистым ребенком. Я не признавала платьев, играла большей частью с мальчишками, не могла сидеть на одном месте и была страшно любопытна. Я вечно совала свой нос куда не следует, трогала руками то, что нельзя трогать, дергала, ломала - в общем, была наказанием для родителей и любимицей деда.

В маминной лаборатории меня обычно охватывала смесь ужаса и восторга. Я бродила около бесконечных этажей с разными пробирками, сосудами с мирно посапывающими и булькающими жидкостями. Не уверена, что мои глаза в это время становились как два блюдца, по выражению мамы, но то, что мой рот сам произвольно открывался - это я установила за собой точно.

* * *

Тот памятный день начался как обычно. Шел сезон пасмурных летних дней, никакого желания не было ни гулять, ни сидеть дома одной. Ласковой кошечкой попутавшись в ногах у мамы, я упростила ее взять с собой меня в лабораторию. Усиленно побив себя кулачком в грудь, серьезнейшим образом хмуря брови, я доказывала, что в одиночестве могу сойти с ума, когда все мои друзья мальчишки разъехались на каникулы; могу с отчаянья разбить видеосистему, с крыши вызвать инопланетян и улететь с ними в космос... Домашние рассеянно выслушали мою утреннюю речь.

Но все же дедушка был рассеян сверх нормы. Во время завтрака он изящно выронил одну за другой вилку и ложку на пол, пролил чай на скатерть и чуть не подавился бутербродом. Все знали, в чем дело, и не сердились на него. Дед был директором огромного палеонтологического музея - гордости нашего Кызыла. В обширных залах его музея стояли скелеты доисторических животных, образцы пород, чучела, витрины с чем-то непонятным и еще много интересного. В эти дни прибыла экспедиция из Монголии и привезла много находок, поэтому дедушка все дни пропадал на работе. Его еле уговорили хотя бы ночевать и завтракать дома.

В рекордные сроки он уничтожил свой завтрак, схватил портфель, чмокнул меня в макушку и умчался. Из окна столовой было видно, как он два раза споткнулся по дорожке до калитки и умудрился пройти мимо куста роз так, что они его дружно укололи, хотя они у нас отличались исключительной миролюбивостью. Мама покачала головой, а папа, улыбаясь, подмигнул мне, и я, чтобы не засмеяться, низко наклонилась над тарелкой и занялась изучением узора на ней, как будто увидела ее в первый раз.

В лаборатории мне в очередной раз было наказано, чтобы я была "ниже травы - тише воды, так как лаборатория, честно говоря, это место совсем не для детей."

Пока мама священнодействовала с сосудами и делала записи в толстом журнале, я с интересом наблюдала за одной красной жидкостью в круглом "аквариуме" со множеством проводов, которая время от времени недовольно вскипала, что приводило меня в дикий восторг. Этот красный "сироп" до того мне понравился, что я захотела, конечно же, прибрать его к рукам.

На столе толпились банки-склянки, в любой из которых можно было унести немного "сиропа". Ведь его так много, что мама, наверняка, не заметит ничего. Как раз в это время она, строго взглянув на меня, вышла. Я осталась одна в этом стеклянном царстве.

Выбрав одну симпатичную пузатую банку со стола и встав на стульчик, чтобы дотянуться, я зачерпнула в нее внушительную порцию жидкости. Ее огненно-красный цвет был восхитителен. Но к моему великому разочарованию, ей понравилось в моей банке и она даже не думала бунтовать. Я трясла банку, заглядывала в отверстие, ругала ее, обзывая "ленивым бульоном", но она никак не реагировала на мои действия и слова. Устав держать тяжелую банку в руках, я вконец рассердилась. Поставила ее на широкий подоконник, отошла на несколько шагов, как для разбега, и грозно уставилась на строптивницу.

Вдруг на улице резко потемнело. Хмурые тучи, сутками висащие на небе, совсем почернели, в открытое окно дунул ветерок предверием очередной грозы. Сверкнула молния, другая, раздался гром. Я кинулась, было, закрыть окно, но, неожиданно, в глаза сверкнуло огнем и... прямо у окна, неизвестно откуда, возник маленький горящий шар, шипя и покачиваясь, словно в раздумье, зайти или не зайти в гости. Потом, все-таки решившись, шаровая молния величественно вплыла и медленно начала обследовать обстановку лаборатории, что-то недовольно бормоча и выплескивая мелкие искры. Я, испуганно забившись в угол, смотрела на это представление.

Что-то, видно, гостю не понравилось в помещении и она заторопилась обратно к окну. Как я ни была напугана, почему-то это вызвало у меня ассоциацию с какой-то важной коротышкой-графиней, осматривавшей местные достопримечательности и почувствовавшей внезапные колики в животе.

Моя "графиня" не успела вылететь наружу, как взорвалась у окна, прямо над моей банкой с "сиропом". При яркой вспышке я зажмурилась, потом осторожно открыла один глаз. Увиденное заставило меня открыть не только второй глаз, но и рот. Вместо красного "сиропа" в банке переливалось жидкое пламя цветов: ослепительно-золотое, пламенно-оранжевое, я овито-зеленое, небесно-голубое - все это послушно колыхалось и слепило глаза. Больше никаких следов пребывания шаровой молнии не осталось.

Вспомнив о маме, я тут же схватила свою курточку, накинула на банку и поставила ее у входной двери. Весь восторг, переполнивший меня, вылился в радостный индийский клич. Я замаскировалась вовремя, так как дверь распахнулась, вбежала мама с журналом в руках.

-Что здесь случилось? На улице такие страшные молнии громыхнули, а я вспомнила, что у нас окна открыты...

Я сбивчиво, размахивая руками, рассказала про шаровую молнию, умолчав про банку с ворованным "сиропом". Пока не знаю, но он мне для чего-нибудь пригодится. А расскажи я про него маме, тогда не видать мне его как своих ушей.

От моего рассказа мама, естественно, пришла в ужас, бросилась сначала к окну, потом ко мне, ощупать: целая я или нет. На мне не обнаружилось никаких ожогов, следов, кроме старых царапин на коленках. Затем она начала тщательно изучать свое хозяйство. Я, воспользовавшись этим, подхватила осторожно свою замотанную банку у двери и тихо выскользнула за дверь.

Спеша домой под дождем, я раздумывала, что сделать со своим новым приобретением, но ничего путного так и не придумала.

Когда дома никого не было, мне нравилось пробираться в дедушкин кабинет и устраиваться в большом мягком кресле за величественным столом из красного дерева. Вот и сейчас я взгромоздила мой сосуд на стол и утонула в дедушкином кресле, любуясь яркой радугой цветов сиропа.

В это время что-то тихо хрустнуло подо мной, и я с недоумением вытащила из-под себя веточку тополя с похужшими листочками. Вчера я подобрала ее на улице и совсем забыла, что, играя, бросила в кресло. Хорошо, что мой дед сейчас так занят и не сидит вечерами за любимым столом, а то он бы оскорбился за посягательство на свою территорию.

Веточка совсем сникла, ничего не поделалась. Я рассеянно засунула ее конец в банку, размешать жидкость. Сверкающие блики еще быстрее закружились за стеклом, я была совсем очарована.

Даже сейчас, когда прошло много времени с того дня, я помню все до мельчайших подробностей, как будто это было вчера...

Когда я вынула ветку, она так же восхитительно сияла и переливалась, но почему-то была совершенно сухая и эта краска никак не сходила, сколько ни отколупывай. В голове у меня сразу пронесся вихрь мыслей и планов: на день рождения мамы я ей подарю ее любимую деревянную шкатулку, сверкающую, как горстка алмазов из сокровищ царя Соломона; папе покрашу его спортивный велосипед; себе - берет десантника и т.п. А что же сделать для дедушки? Мой взгляд упал на кусок древней кости, лежащей всегда на рабочем столе деда. Это была часть челюсти с несколькими обломанными клыками какого-то динозавра с длинным мудреным названием.

Недолго думая, я взяла тяжелую кость и засунула ее в банку, но отверстие оказалось маловатым, точнее, кость оказалась великоватой, только один клык окунулся в "сироп" и стал сиять. Каким-то выступом челюсть застряла, не вытаскивалась и мне пришлось в качестве орудия взять первое попавшееся под руку - ножницы. Кость извлеклась, а ножницы выскользнули и носом бухнулись в жидкость, но когда и они были вызволены, то остались по-прежнему стальными, без малейшего намека на божественное сияние, каким исходил клык дедовой гордости.

Я ломала голову над этой загадкой, как уловила боковым зрением что-то рядом. Развернулась и ахнула: вместо веточки тополя умопомрачительной расцветки там, куда я ее выронила, лежал... целый куст с огромными зелеными листьями. Я медленно сползла с кресла, с опаской подошла к странному явлению, дотронулась до одного листа. Нет, не сон. Действительно, большая пополюная ветка, неузнаваемо выросшая за какую-то минуту. В кабинет никто не входил, никто не выходил. Сама по себе ветка не могла вбежать, для этого как минимум нужны ноги. Значит, это та самая веточка и она выросла. У меня, наверное, был очень глупый вид в эту минуту.

Я вопрошающе повернулась к банке и вздрогнула. Как только что оторванная от живого существа, на столе лежала окровавленная челюсть с огромными желтыми клыками... Несколько минут изумленного молчания дали, наконец-то, некоторое просветление моему разуму.

- Это же замечательно! - вскричала я и схватила в руки банку с теперь уже волшебным "сиропом". Если одна кость восстановилась и покрылась тканями, то почему бы целому скелету не принять прежний облик его владельца? Как я знаю, палеонтологи долго гадают над призрачным видом динозавров по их скелетам. А если покрыть экспонаты дедушкиного музея этим "сиропом", то это будет, наверняка, самым большим подарком для него в жизни. Он помешан на своей работе, на своих ископаемых животных. Шкатулка, велосипед и берет сразу вылетели у меня из головы.

Правда, моей жидкости на все скелеты не хватит, но если экономно разбрызгивать из маленького пульверизатора, то несколько маленьких или два больших сюрприза - обеспечены.

Пока что челюсть со стола спрячу подальше, веточку выброшу в сад, а там видно будет.

И вот я отправилась в музей с тяжелой сумкой, в которой лежали пульверизатор и тщательно упакованная банка.

За окошечком с надписью "Касса", как всегда, сидела тетя Оюн, листая потрепанную книгу "Улуг-Хем". При виде меня, она ласково улыбнулась, а увидев мою сумку даже рассмеялась:

- Дедушка опять забыл дома свой обед? Домашнее-то всегда лучше, а то он со своими бандитами даже забывает о еде.

"Бандитами" тетя Оюн называла Союна, Мергена и Арзылана - молодых людей из нашего университета, также помешанных на палеонтологии, которые помогали в музее после работы.

Действительно, мужи науки были настолько поглощены своим занятием, что ничего вокруг не слышали и не замечали. Когда я приоткрыла дверь директорского кабинета, в моем обозрении оказались задние фасады ученых, склонившихся над чем-то. Убедившись, что они не собираются в ближайшее время выходить, я, не откладывая дела в дальний ящик, прошла к залам.

Сегодня на редкость мало посетителей. Обычно в этот музей приезжает много паломников из институтов, научных центров многих стран. Русскоязычные группы постоянно ходили по музею и восхищенно отзывались о нем в числе других достопримечательностей нашего зеленого города.

В одном из самых больших залов я облюбовала два скелета в хищных позах. В дальнем углу на стуле мирно посапывала баба Саар. Целыми днями она или вязала, или большей частью дремала.

Не спеша приготовив все нужное, я деловито принялась обрызгивать экспонаты. Для того, чтобы обработать таких гигантов, мне приходилось взбираться на лестницу второго этажа со специальной смотровой площадкой. Полностью мне все же не удалось покрыть

их жидкостью, но, наверное, этого будет достаточно. Вконец измученная непосильным трудом, я застыла на мгновение, восхищенно созерцая мерцающие останки динозавров.

Тут я вспомнила про деда и, спеша его обрадовать, поставила на перила pulverизатор и побежала в сторону его кабинета.

Снова осторожно заглянула за дверь к нему. Ученая компания, видимо устав, уничтожила партию чашек с кофе и бутербродами. Поглощенная еда всегда располагает к благодушному настроению и я, вспомнив об этом, смело зашла.

- Здравствуй, здравствуй! - все радостно приветствовали мое появление. Хорошим моим другом был Соян, шутник и балагур, работавший на историческом факультете университета. С первого нашего знакомства мы сразу нашли общий язык и он объяснял мне, каких и сколько надо воткнуть в головной убор перьев, чтобы вообразить себя вождем индейцев.

Наравное, на моем лице явственно написана хитрость, так что Соян сердито сдвинул брови и потребовал:

- Признавайся, маленький разбойник, что ты натворила или еще задумала? Твой таинственный вид не внушает нам доверия.

Дед, поглаживая бороду, вставил:

- Я помню, как однажды это чудо с такими же ошалелыми глазами примчалось домой и заявило, что приготовило для нас сюрприз. Сюрпризом оказалась довольно упитанная обезьяна - шимпанзе, хозяйка которой на время уезжали из города и не знали, куда пристроить свою любимицу. Добрая душа, она, конечно же, с радостью решила выручить знакомых и привела шимпанзе домой. Обезьяна жила у нас только неделю, но за это время разбойница так погоняла ее с утра до ночи по саду, что хозяйка, приехав, не сразу узнали свою толстушку: так она похудела и осунулась...

Я терпеливо ждала, когда разнокалиберный смех утихнет. Все рады были немного отвлечься и разрядиться. Соян, отсмеявшись, озорно блеснул глазами:

- Я надеюсь, ты не сильно замучила бедняжку? Она сама была хоть в состоянии узнать хозяев?..

И опять рассмеялся, даже всхлипнул. Не обращая внимания на его дурацкий смех, я сказала:

- Ничего смешного не вижу. Она была сильно толстая и ей было полезно заняться спортом на свежем воздухе.

Глядя на мой необычно серьезный вид, все опять заулыбались. Меня просто возмутило такое несерьезное поведение ученых мужей на пороге величайшей сенсации, которую я им приготовила.

- Я хочу сделать вам подарок.

- Ну, выкладывай свой подарок. Только где он?- спросил дедушка, с наигранной тревогой заглядывая мне за спину.

- Там, в Большом зале, - небрежно охватила я взмахом руки добрую половину музея.

- И что же? - заинтересовался Соян.

Я, как можно торжественнее, произнесла:

- Восстановила облик вымерших динозавров!

- Как это "восстановила"?

- Облила их "сиропом"...

- ?? - дед на секунду недоуменно замер, вглядываясь в мое лицо, пытаюсь понять услышанное. Все тоже последовали его примеру, тогда как я гордо стояла в центре с чувством птицы высокого полета.

И вдруг, в этот момент, откуда-то со стороны залов донесся такой душераздирающий вопль, что волосы встали дыбом.

Соян первым очнулся и его точно ветром сдуло из кабинета. Мы побежали за ним в сторону, откуда донесся крик.

У огромного дверного проема основного зала Соян резко затормозил, как будто его током ударили.

- О, боже!.. - вырвалось у него.

Когда я опасно выглянула из-за его спины, то увидела ужасную картину. Это было неопишимо!

Внутреннее помещение заполнили собой два застывших в разных позах колоссальных ящера. Они выглядели такими живыми, что, казалось, только на секунду замерли.

Рядом с хвостом одного из них, вжавшись в стену, стояла баба Саар с позеленевшим от страха лицом. Увидев нас, она медленно подалась в нашу сторону, с ужасом обходя кончик хвоста, и, добравшись, упала на руки деда. Арзылан и Мерген унесли ее приводить в чувство.

Дедушка резко обернулся ко мне, взял сильно за плечи, заглянул в глаза и, даже не проговорил, а просипел от волнения:

- ЧТО ЭТО?

Испугавшись выражения его лица больше, чем материализовавшихся динозавров, я запинаясь, начала:

- Я хотела помочь...

Но тут произошло невероятное, что заставило меня замолчать. Один экспонат... ожил!

Представьте себе существо, превосходящее слона, с крохотной головой и огромным животом, с задом, возвышающимся над передней частью тела, со спиной, покрытой огромными треугольными костными пластинами, напоминающими листья, с мощным хвостом, вооруженным острым шипом.

И вот у этого чудовища (позже я узнала, что это был стегозавр) - сначала мелко задрожала кожа, оно шевельнулось и, наконец, медленно и шумно вдохнуло и выдохнуло воздух.

"День какой-то странный. Одни неожиданности", - мелькнуло у меня.

Первым опомнился теперь дед. Он схватил меня за шиворот, как щенка, и поволок по коридору. Соян последовало было за нами, но вскоре свернул куда-то в сторону.

Мы ввалились в директорский кабинет, где над бабой Саар хлопотала тетя Оюн. С Мергеном и Арзыланом мы столкнулись в дверях, когда они хотели бежать к нам. Дед остановил их. Он усадил меня в кресло и тут же забыл о моем существовании. Встав посередине кабинета, принялся вслух размышлять об увиденном, устремив взгляд в одну точку за окном.

- У меня в этом зале стояли скелеты стегозавра и цератозавра... То есть еще утром они были скелетами... А сейчас это уже не скелеты, а сами животные... Динозавры... Вид у них, конечно же, восхитителен... Непостижимым образом скелеты обросли тканями... И самое удивительное то, что они оживают...

- Как оживают?! - подбросило тетю Оюн.

- Оживают... - как эхо повторили Мерген и Арзылан.

- Ситуация была бы не такой тяжелой, если бы они оба были бы травоядными, но цератозавр - один из самых хищных ящеров. Надо немедленно что-то делать!

Оцепенение прошло и он начал поспешно нажимать клавиши телефона. Где-то его слова, наверное, приняли за шутку: его лицо скривилось, как от зубной боли.

Вдруг тетя Оюн охнула:

- Посетители... В залах же люди!

Арзылан кинулся к дверям. Не успел он, однако, схватиться за дверную ручку, как все пространство заполнил глухой низкий звук, медленно перешедший к высоким нотам и кончившийся трубным ревом.

Пол качнулся от мощного толчка, задрожали стены и опять раздался этот страшный звук.

Мужчины устремились из кабинета. Я хотела было последовать за ними, но меня перехватила тетя Оюн и прижала к своей несобъятной груди. Вырваться было бесполезно. Она всегда, когда говорила о себе, жаловалась на свою слабость и беззащитность, что, однако, не мешало ей с ловкостью добродушной слонихи носить на руках своих тяжелых шаловливых внуков.

Убедившись, что я сникла без всякого желания убежать, она судорожно погладила меня по вихрам и отпустила. Я присела на краешек дивана и принялась рассеянно наблюдать за дрожащими женщинами, одна из которых пыталась привести в чувство другую, одновременно не упуская меня из виду.

Баба Саар открыла глаза и слабо крикнула:

- Бежать отсюда! Бежать!

Тетя Оюн, разумеется, была согласна с таким блестящим выходом из ситуации, но дальше выкрика у ослабевшей коллеги дело не пошло.

Тут дверь кабинета открылась и возникла стройная молодая женщина в легкой блузе, в модных штанах с ремешком фотоаппарата на плече.

- Извините. Скажите, пожалуйста, что здесь происходит? - недовольно блеснула очками.

- Что это за звуки и какие-то толчки? Я - журналист городской газеты "Вечерний Кызыл". Меня прислали взять интервью у директора музея. Прихожу, а здесь такой шум, как будто снимают кино о военных учениях XX века.

Я опередила тетю Оюн, коротко сказав:

- Динозавры ожили.

- Какие динозавры? Как ожили? - ее реакция была вполне естественной. Мои слова казались бы нелепой шуткой, если бы не вид двух женщин, опровергающий любую мысль о шутке.

- Ты хочешь сказать, что динозавры настоящие? Живые?... серьезно спросила меня гостья.

- Да, да!- вместо меня выпалила тетьа Оюн. - Они ожили, они могут нас съесть!

Она с трудом помогла тете Саар встать.

- Это же сенсация! - неожиданно бодро сказала журналистка и резко развернулась к коридору, намереваясь, очевидно, бесстрашно отправиться за сенсацией в пасть к чудовищам. Но как же она могла обойтись без меня? Улучив момент, когда билетерша с бабой Саар трясли оконную раму, рсшив отступить через окно, я выскользнула вслед за молодой женщиной, пропустив мимо ушей истошный крик:

- Ты куда?! Верни-и-ись!..

В коридоре я нагнала журналистку и взяла ее за руку. Она не возражала против моего присутствия.

- Меня зовут Аля, - представилась.

Мы медленно, с опаской, двинулись в сторону, откуда доносилось Присутствие. Аля крепко держала меня за руку и расспрашивала. Видимо, в моем сбивчивом рассказе она все же уловила главную нить, так как скоро удовлетворенно хмыкнула и кивнула головой.

И тут на нас с высоты свалилось что-то темное и большое. Я испытала настоящее уважение к быстрые реакции моей спутницы. В мгновение она рванула меня в сторону на пол и сама повалилась сверху. Совсем рядом раздался, как мне показалось, разочарованный свист и промахнувшееся НЕЧТО, сверкнув глазами и бесшумно размахивая огромными крыльями, пронеслось мимо и исчезло в коридорах.

- Это становится все более интересным!

Восхищенно произнеся это, журналистка встала и бережно осмотрела фотоаппарат.

- Ты в порядке?

Я не ответила. Кто это мог напасть на нас? Из-под руки Али я успела заметить хищный глаз, крыло, взмахнувшееся, как у летучей мыши. Где-то я видела эту птицу... Кажется, на каком-то рисунке.

Пристальной вглядевшись в мое сосредоточенное лицо, Аля уточнила:

- Мне показалось, что ты говорила про двух динозавров без крыльев?

- Вот именно, - мрачно подтвердила я. - Эта птица из другого зала.

Мы отправились дальше по зданию, которое казалось само живым: дрожало, неясно шумело, дышало.

Осторожно заглянули в зал, смежный с Большим, куда, похоже, переместилась резиденция Ада. Качнулась и упала стеклянная витрина с камнями. Звон разбиваемого стекла заглушил громкий свист, из зала сверху выплыла большая змея с очень толстой шеей и клювом на голове. Заблуждение быстро рассеялось, когда следом в дверях показались бронированные плечи и лапы. Взглянув на людей мутными глазами и тяжело дыша, чудовище стало пробираться в проем, но выступающие на плечах и спине выросты мешали ему.

Стегозавру очень не понравилось соседство со своим врагом еще по доисторическим временам - цератозавром, который только сейчас начал подавать признаки жизни. Возбужденно свистя, со вздыбившимися шипами, стегозавр начал отступление, но к чести строителей музея надо сказать, что стены здесь были довольно крепкие и расширить с первого раза отверстие зверю не удалось.

Было трудно устоять на ногах при такой пляске пола, но Аля успела невозмутимо щелкнуть пару раз фотоаппаратом. Динозавр уже с силой ударил плечом по одной стене. Мне показалось, что все огромное здание музея содрогнулось: падали стенды, экраны, макеты, взметнулась туча пыли.

К звукам, издаваемым стегозавром, примешался еще другой неясный звук.

Цератозавр с хрустом поднялся, несколько раз клацкнул мощными челюстями с острыми саблями зубов. Медленно к нему возвращались зрение, обоняние, слух...

Сзади послышалась сердитая возня, фырканье; в ноздри резко ударил знакомый запах добычи, в памяти смутно всплыла ноющая боль в боку от удара шипом врага. Если бы у него была гибче шея и больше мозгов в черепной коробке, то ящер бы удивился, обнаружив свой раненый бок совершенно целым, без того уродливого шрама. Но боль засела в воспоминании, и цератозавр, взревев от ярости, круто развернулся. Как раз в это время стегозавр высвободился из проема и встал к нему вполоборота.

-Что вы здесь делаете?- до нас, полуголушенных и полузасыпанных, не сразу дошел крик Союна, который возник из коридора, подбежал к нам. Он встряхнул нас и с силой потянул за собой к выходу. На улице мы столкнулись с дедушкой, который таким же манером эвакуировал двух напуганных женщин с плачущим мальчиком. "Бегите подальше отсюда!"

Из глубины музея раздался тот же ужасный рев, что мы слышали в первый раз, но сейчас он был сильнее и звучал как вызов.

Стегозавр, крия, зорко следил за противником, повернувшись тяжелой тушей так, чтобы защитить свою уязвимую шею, и угрожающе поднимал хвост с шипом. Цератозавр ревел и бил хвостом, рассвирепев от этого оружия, которое со свистом рассекло воздух совсем рядом с его головой.

Динозаврам было тесно и, стремясь вырваться из этой ловушки, обороняющийся попытался к врагу, снова резко взмахнув хвостом. Цератозавр отшатнулся, и от удара его туши стена не выдержала и рухнула. Воспользовавшись секундой, стегозавр рванулся вперед, к светлому прямоугольнику окна. Наружу он вывалился, разнеся стекло, раму и стену, как простую фанеру. Вслед за ним выпрыгнул и охотник.

Подгоняемые в спину воем и визгом исполинов, люди бежали по вздрагивающей земле подальше от этой битвы.

Мы, четверо: я, Соян, Аля и дедушка - побежали в сторону Объединенной Библиотски, висившейся неподалеку, как пирог среди зелени.

Деда, казалось, раздирали сомнения и тревога. Он что-то бормотал себе под нос, вскрикивал, махал руками и сам себя опровергал. По обрывкам его фраз можно было догадаться, что его так мучает:

- Они убьют друг друга... Цератозавр... Великолепный экземпляр!.. Он очень опасен... горожане... немедленно поймать... для науки... Стегозавр... А какие шипы замечательные!.. Музей... моя гордость... убытки!..

Мы лихо, не останавливаясь, взлетели по эскалатору мимо удивленного вахтера, на второй, а затем на третий этаж, из окон которого открывалась панорама близлежащей местности.

Но когда мы взволнованно устремили взгляды в сторону музея, то увидели у покалеченной стены лишь один бурый холм с выростами. Стегозавр топтался, покачивался и бил хвостом о землю. Издалека он казался бы маленьким, если бы не деревья, возле которых он остановился.

Аля внимательно взглядывалась по сторонам. Вдруг она остановилась и показала нам куда-то вдаль, к домам. Там нелепой фигурой удался хищник.

- Ой, что же будет с людьми? - выдохнула она, не забыв сфотографировать панораму.

- Что же у них там произошло? - задумчиво произнес Соян. Он был сосредоточен и спокоен, в отличие от деда. Я как виновница всего происшедшего была пока отодвинута на второй план. Меня это несколько задело, и я, надувшись, молчала, сидя на подоконнике.

Глаза застлала красная пелена, из ран, нанесенных шипом стегозавра опять в тот же бок, хлестала кровь. Цератозавр, снова взвывая от ужасной боли, все дальше и дальше уходил от того места, где на вспаханной борьбой земле остался непобежденный враг. Незнакомая местность, коробки домов, провода, острые чужие запахи, странные звуки - все это приводило в ярость, которую сменила боль.

На секунду-другую сознание прояснилось, почудилась знакомая гора, за которой простирались его владения. Зверь, собрав последние силы, рванулся, но острая боль пронзила все тело и с ревом он рухнул на берегу реки.

Далеко вниз по течению рыбаки с удивлением обнаружили, что воды Енисея помутнели и рыба после этого исчезла на две недели.

- Мне кажется, что большая опасность миновала. Хотя стегозавр как-то странно ведет себя, - сказал дедушка, не отрываясь от окна.

Весть о динозаврах быстро облетела город при помощи городского радио, куда сообщила Аля. Кызыл напряженно замер, были подняты по тревоге все охранительные службы мэрии.

Но с цератозавром все было кончено. Снова сразившись со стегозавром во второй жизни, он забыл об осторожности, и раны, нанесенные ему, оказались смертельными. Место, где он испустил дух, было взрыто, деревья сломаны как спички, набережная имела ужасный вид, в центре которой лежала туша исполина, уткнувшегося мордой в обелиск "Центр Азии".

Стегозавр оказался тоже ранен. Хищник успел-таки вцепиться в загривок, но хватка была слабой, он был сразу отброшен, исклот шипом и отступился. Мощный стегозавр не даром носил на себе такие тяжелые доспехи. Он долго не мог успокоиться: топал ногами, издавал трубные звуки, агр сивно тряс острыми выростами на спине.

Аля что-то писала в блокноте, изредка задавая мне уточняющие вопросы; дедушка, сжав голову руками, стоял у окна и молча наблюдал за стегозавром; Соян спустился на первый этаж куда-то звонить. Рядом с нами стояли растерянные посетители библиотеки, оторванные от книг сообщением по радио и нашим вторжением. Они недоуменно смотрели то в сторону музея, то на дедушку, которого многие знали. Никто не решался отвлечь человека, который безумным взглядом уставился в одну сторону и выражал всем своим видом отчаянье.

Из центра города в небо взлетели три крошечные стрекозы - вертолеты охраны порядка. Они быстро набрали скорость и приблизились к нашему району. Один из них отделился, подлетел к самой библиотеке и приземлился на крыше здания, на специальной площадке.

Вскоре с верхней лестницы загрохотали шаги и перед нами предстали два рослых охранника в спецформе, которая меня всегда восхищала: береты, сапоги, синие комбинезоны с эмблемой на груди. Эмблема представляла из себя флаг республики, на фоне которого был очерчен силуэт Тувы.

Один из них пронзительным взглядом оглядел толпу, выделил из нее деда и твердо направился к нему.

- Нас послал мэр города, - сказал он.

В это время подбежал Соян. Он по-дружески поздоровался с прибывшими. После короткого разговора, дед подошел ко мне; нас жестом пригласили на крышу к вертолету.

Два оставшихся вертолета закружили над музеем. Их жужжание не понравилось животному: оно беспокойно завертелось, зашипело, разметая вокруг себя газоны и деревья. Наконец, динозавр не выдержал и сорвался с места. Его бег нельзя было назвать быстрым, но все же за несколько минут он, круша все на своем пути, покинул город. Два вертолета отправились его преследовать, а нас привезли к высокому зданию мэрии города.

Строгие важные люди в элегантных костюмах серьезно слушали мою нелепую историю про "сироп", шаровую молнию и скелеты. Когда я умолкла, все переглянулись в полном замешательстве.

* * *

Легкий вечерний ветерок шевелил листья на деревьях. Тихий шелест убаюкивал. На чистом небе заблестели первые звездочки.

Дед продолжал рассказ, отхлебнув чаю из маленькой чашечки:

- Он далеко все равно бы не ушел. Стегозавр начал задыхаться в нашей атмосфере. Когда его поймали на равнине, он имел жалкий вид: хрипел и еле стоял на ногах. Интересно, сколько он продержится в институте под наблюдением?

Он взглянул на маму. Та подлила чаю гостям, - Сояну и Але, и устало вздохнула:

- Трудно сказать что-то определенное. Мы пытаемся воссоздать его атмосферу - воздух мезозоя. Так или иначе, наша дочка задала нам задачу, которой будет заниматься целая лаборатория.

Все посмотрели на меня. Поскольку никто не хмурился, я очаровательно и несколько виновато улыбнулась.

- Хорошо, что никто не пострадал, - заметил папа, раскачиваясь на качалке. - Раздавлен только один пустой трамвай, порваны провода, разрушено несколько частных домов, к счастью, тоже без жертв...

- И все же это событие стоит разрушений! Ваша дочь стала знаменитостью! - воскликнула журналистка. - Происшествие в нашем городе - на первых полосах всего мира! Через несколько дней здесь будет столпотворение: приедут ученые, репортеры, любопытные...

- Только бы стегозавр не убежал, - засмеялся Соян. Глядя на его беспечное лицо, трудно было предположить, что вчера этот шутник проявил удивительную находчивость при ловле динозавра и что ему угрожала опасность, когда гигант вдруг резко рванулся в стальных сетях и чуть было не задел вездеход с охранниками и молодым ученым.

- Он не убежит, - убежденно заявил дед. - И мне еще надо его хорошенько изучить.

Он облегчено потянулся:

- Как хорошо, что эта беготня кончилась. Отдохнем немного и спокойно навестим нашего воскресшего динозавра...

Но тут мама вдруг вскрикнула и выронила сахарницу. Все как ужаленные вскочили с мест и уставились в небо. Из темноты, под свет высокого фонаря выскользнул силуэт... птеродактиля, широко взмахнувшего крыльями. Донесся знакомый свист, который звучал сейчас зловещей издевкой.

Молчание нарушил Соян:

- Нет. Видно, нам отдыхать пока не придется. Еще многое не разгадано.

Элеонора ЦВИГУН

ЖЕНЩИНА ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ВЕЧНО- ЗЕЛЕННЫХ ЛИСТЬЕВ

Фантастическая поэма

1.

Слушала я на краю вечности в ложе амфитеатра и не знала - куда мне идти. А потом улыбнулась - у вечности нет края. Почему же мне было так грустно? А потому, что я женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев. Знаю, вы улыбнетесь - так не бывает. И я так думала когда-то. Но это было так давно, так давно, что я просто позабыла. Но если было, то улыбнется. Омоем и заживит. И оживит. И все бы знали, если бы не забывали. Берегли и отмывали. Милое сердце всегда сияет. Сияет и светит. Даже если оно в груди у женщины из созвездия Вечнозеленых Листьев.

2.

А что если с моих листьев падает роса? Скажете, гроза? Нет, роса, а может даже не роса, а слезы женщины из созвездия Вечнозеленых Листьев.

3.

О чем плачешь, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? О тебе. Зачем? Ведь наши созвездия рядом. Ты хотела сказать - любви? Грозы. Ведь небо и земля всегда рядом, если между ними туманность Вероники. Ты хотела сказать - коса? Нет, звезды Вероники Первой.

4.

Чему ты улыбаешься, Солнышко? Вашим звездам.

5.

Откуда ты пришла, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? От тех ручьев, где ты черпала воду. А как я узнала тебя? Как узнают любовь - ты увидела слезы на моих глазах.

6.

Почему же мне было так грустно, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Потому что ты пила воду из кувшина без дна. Но где же доньшко? На дне кувшина.

7.

А как зачерпнуть, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Как зачерпнешь, так и будет. Только не пролей ни капли. Может, закрыть сердцем, если это живая вода?

8.

Почему ты загрустила, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Потому что ты уронила кувшин, когда сердце твое застучало. Но где осколки? Они стали зеркалами. Перед которыми свечи горят? Теми, что сами плачут.

9.

Не гасите свечи, мне холодно, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев. Ты не у тех просишь, у нас фиалок не рвут - ими любят.

10.

Значит, мне сказали правду, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Да там же нет следов от копыт, в том краю благодатном. У вечности новые дни? Дни последних страданий и вешний город зовет.

11.

Куда корабли плывут, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Тебе лучше знать - у тебя сердце болело. А можно сказать - прости? Берег дальний, но услышат все.

12.

Что слушаешь, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Вечность. А дорога туда открыта всем? Нет. Только тем, кто приходит через тесные врата.

13.

А как ты будешь петь, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев, когда слезы наши иссякнут? Я их снова пролью. Как же ты будешь знать - куда идти? А я пойду по тропе, которая лежит вдали от широкой дороги.

14.

Как же ты узнала свою сульбу, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Спросила у Мастера.

15.

А Мастер знал, что его театр заполнит черная вода, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Даже если и знал, он музыку от света писал. А что от света родится - в огне не сгорит.

16.

А звезды знали, что музыка от любви родится, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Звезды все знают, но не всем открывают. Ждут, когда след от копытца травой порастет. Травой-муравой.

17.

Так вот почему ты плакала, когда я стояла у твоего изголовья? Солнце зашло и я думала, что ты никогда не придешь ко мне, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев. Но я думала, что ты поймешь меня без слов. Слова тоже светят, если они от света рождались. От света рождались, во тьме погибали - как ты солнце могла закрыть от меня?

18.

А как же мне дальше жить, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Знать путь

и идти. А дорога без конца? Без конца и края. Мне весело, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев.

19.

Ты так любила смеяться? Я увидела мир красоты и град вешний на берегу великой реки. Никогда не забудешь? Как можно забыть то, что еще улыбнется. Ведь из моих листьев падает роса, а может, даже не роса, а слезы женщины из созвездия Вечнозеленых Листьев.

20.

Я назначила тебе свидание на берегу, почему ты не пришла на него, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Берегов много, но только один - дальний. Тот, на котором ты родился.

21.

О чем печалишься, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? О том, чего уже никогда не будет. О чем слезы льешь, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? О том, что уже никогда не услышу твоего голоса, мой любимый. Чему улыбаешься, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Тому, что встречу тебя опять и снова буду петь тебе свои вечнозеленые песни.

22.

А как объясняются в любви в Вечнозелености? Образами. А как целуются влюбленные в Вечнозелености? Цветами. А цветы улыбаются? Как могут улыбаться цветы - цветиками-самоцветиками.

23.

Где же цветы те цвели, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Там, где звезды слезы промывали. У них не было золотого песка? У них были золотые души. А золотые души не звенят - они сонетами венчаются.

24.

А для кого ты пишешь эти письма, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? Для тех, кто просит. Но кто ты такая? Я твоя сестра, которую ты не видела никогда. Можно мне видеть тебя? Нет, еще рано, ты не узнаешь сущности, только увидишь внешность. И не пойму? Все поймешь, когда подрастешь. И тогда мне можно будет ходить на тот берег? Можно, если позовут.

25.

А чем же я буду писать, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? У вас же нет чернил, только капли росы. Но эти капли мерцают даже среди ночи. А если хоть одна капля упадет на землю? Вырастет цветок. И его никто не сорвет? Кто же рвет цветы, которые сам посадил?

26.

Я посадила цветок на дальнем берегу. Не рвите его, на нем роса сверкает.

27.

А откуда ты несла эти цветы запоздалые, женщина из созвездия Вечнозеленых Листьев? А как бы ты узнала, что я - твоя сестра. А зимы не будет? Может быть, но можно сразу перешагнуть в весну, если очень хочешь быть красивой. Но я не знала, что ты любила гулять

под дождем? А разве это не та дождевая вода, которую я посылала тебе в награду, и ты сидела и слушала меня.

28.

Сестрица моя, какая ты красивая. А ты будешь, может, даже милее меня. Сестрица моя, а откуда эти колокольцы? Оттуда, где ты гуляла со мною в весеннем саду. Сестрица моя, у тебя сиреневые глаза. А твои начинают уже зеленеть. А как? Как в будущем.

29.

-Что вы делаете, сестра Вечнозеленость?

-Вечносиреневею. Разве это плохо?

-Нет, это светло, тернисто, это просто лучезарно.

-А может, это сирень?..

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

Борис Татаринцев

Туран и Уюк - Откуда эти названия?

Эти слова являются названиями двух связанных друг с другом естественно-географических объектов - рек {Туран является притоком реки Уюк}, а также двух одноименных с ними населенных пунктов, расположенных в долинах названных рек. В свою очередь, их названия являются компонентами названия той местности, по которой протекают реки Туран и Уюк - Турано-Уюкской котловины. Географическое название {топоним} **Туран** по своей форме фактически тождественно {особенно в написании} в русском и тувинском языках, тогда как топоним **Уюк** является формой передачи на русском языке тувинского слова **Өөк**, где начальной удвоенной гласной буквой обозначается характерный для тувинского языка и отсутствующий в русском долгий огубленный гласный звук.

Вместе с тем, судя по всему, эти два интересующие нас названия являются тувинскими только по бытованию, но не по происхождению, хотя они могут быть сближены {и иногда сближаются на практике} по своему внешнему облику с другими словами тувинского языка: ср. **туран** {пишется: **дуран**} "бинокль; подзорная труба", **өөк** "пуговица; застежка". Но такие сближения должны быть отнесены к тому, что обычно именуется "народной" {или ложной} этимологией, и не являются подлинно научными объяснениями происхождения рассматриваемых топонимов.

В то же время на территории Тувы имеется немало топонимов тюркского происхождения, не объясняемых на основе данных современного тувинского языка и являющихся достаточно древними. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены и названия **Туран** и **Өөк**.

Соответствия первому из этих топонимов представлены и за пределами Тувы: среди них - гора **Туран**, которая, судя по материалам XVIII в., ранее именовалась **Туран-кайа** {второй компонент названия представляет собой общетюркский географический термин со значением "скала"; ср. **тув. хая**} и которая находится на юге Красноярского края {правый берег р. Енисея}, и гора **Туран-Таг** {**таг** - "гора"} в Горной Шории, о которой нам, в частности, сообщил хакасский этнограф В.Я. Бутанаев. Затем, следует упомянуть название урочища и котловины **Туран** на территории Бурятии, в долине реки Иркут и, возможно, известную **Туранскую низменность** в Средней Азии и южной части Казахстана, в основе которой также лежит топоним **Туран**.

Этимология этих названий, там, где она существует, различна. Последнее из этих названий, согласно, в частности, "Школьному топонимическому словарю" Е.М. Пospelова, "в начале нашего тысячелетия" относилось к обширной местности в низменной части Средней Азии - от Каспийского моря на западе до горных поднятий на юго-востоке и от Тургайского плато и Казахского мелкосопочника на севере до Копетдага на юге, где проживал индоевропейский {точнее - ираноязычный} народ тулы. Первоначально **Туран** означало "страна туров", затем это название было перенесено на заселивших ту же территорию тюрков, а еще позднее оно было вытеснено наименованием **Туркестан** - "страна тюрков {турок}".

Туран на Енисее сближается с одноименным словом, представляющим собой название одной из родоплеменных групп хакасов {**туран**}, причем иногда высказывается мнение, что первичным является как раз последнее, а топоним истолковывается как производное от него. В.Я. Бутанов в одной из своих публикаций сближает вышеприведенное название группы {этноним} со страной **Туран**, но позже, в беседе с нами, он высказал точку зрения, согласно которой хакаские тураны являются выходцами из Шории, и связал их название с упоминавшимся **Туран-Таг**.

Туран в Бурятии и Туве неоднократно объяснялось через связь с якутским словом **туран** "солончак; солончаковая степь", что, однако, следует считать неточным. В строгом смысле,

такого слова в якутском языке нет. Во всяком случае, оно имеет несколько иной звуковой облик, которой средствами тувинской графики можно передать как тураң {дураң}, а средствами графики русской - в виде туранг. Различная конечных согласных в туран и туран для тюркских языков существенны, и поэтому замена одного другим должна иметь удовлетворительное объяснение, которого как раз и нет в версии, сближающей топонимы типа Туран с якутским словом и практически игнорирующей их фонетические различия, не говоря уже о том, что значение этого слова не соответствует характеру местности, именуемой Туран, в Туве. Ср. в этом плане также характерный перевод значения якут. туранг, стоящий в авторитетном "Словаре якутского языка" Э.К.Пекарского на первом месте: "худое место, на котором трава не растет". Вероятно, слово туранг родственно монг. туранги, туранхай "тощий, слабый, худой" {от глагола тура "худеть, тощать"}.

В принципе, однако, вполне допустимо, что топоним Туран первоначально мог представлять собой географический термин {каким, к примеру, является якут. туранг}, тем более, что такие слова часто входят в состав топонимов или выступают сами в функции топонима {как говорят специалисты в этом случае, "топонимизируются"}, что можно продемонстрировать и на примере тувинской топонимии: боом "обрыв горного хребта над рекой" и Боом, суг бажы "родник, ключ" и Суг-Бажы. Того же происхождения топонимы Булун, Бурен, Өвүр, Хербис и др.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в речи казахов, населяющих побережья Каспийского моря, в частности, на полуострове Мангышлак, отмечен местный географический термин туран "впадина на горе; котловина". Эта местность на юго-западе Казахстана, по-видимому, входила в тот обширный регион, который носил название Туранская низменность и границы которого были очерчены выше {в настоящее время этот объект на географических картах локализуется к югу и востоку от Арала}. Поэтому существование здесь подобного географического термина вряд ли следует считать случайным.

Интересно и то, что по своему содержанию термин туран определенно соответствует характеру рельефа объекта "Туранская низменность", для которого характерны грядовые формы рельефа, чередование плато с низменностями, наличие впадин ниже уровня моря.

В связи с этим может возникнуть вопрос: не может ли географический термин туран быть результатом перехода топонима Туран {Туранская низменность} из числа собственных имен в нарицательные? В принципе такое возможно, но на практике встречается редко: ср., в частности, научный географический термин меандр, возникший из названия извилистой реки Меандр, украинское дунай "поток; разлив реки". Не было бы очень сложно найти бесспорный пример подобного рода среди географических терминов тюркских языков. Думается, что в паре туран - Туран более естественным было допустить традиционный перенос наименований: от нарицательного к собственному имени.

Не исключено, впрочем, что происхождение слова Туран как основы топонима Туранская низменность и местного географического термина туран было различно. Допустимо, что на территории соответствующего региона могла произойти своего рода "встреча" двух практически тождественных по звуковому облику, но разных по своему значению и происхождению слов {омонимов}: топонима Туран, иранского по своему происхождению и связанного с названием страны Туран, и географического термина туран, возможно, имеющего тюркскую этимологию. Ведь и в реальности на территории страны Туран произошло нечто подобное: "встреча" разных по происхождению, но сходных внешне названий народов: туры и тюрки.

Стоит отметить, что значение казахского местного географического термина туран "впадина на горе; котловина" соответствует и характеру ряда объектов, находящихся за пределами Казахстана. Так, упоминавшаяся выше гора Туран на Енисее, судя по имеющимся описаниям, имеет с одной стороны скальную поверхность, а с другой - "внутренний лог" {в котором, кстати, были обнаружены памятники древнетюркской рунической письменности}. Еще в двух случаях {в Туве и Бурятии} географические объекты с названием Туран характеризуются наличием котловин.

На севере Казахстана, в Кустанайской области, отмечен еще один объект, именуемый Туран. Это - название озера {также находящегося в котловине?}.

Исходя из сказанного, слово туран первоначально могло обозначать отрицательные формы рельефа, связанные, однако, с горной местностью и могущие, вероятно, служить своего рода убежищами. Поэтому можно полагать, что это слово родственно некоторым другим тюркским географическим терминам, каковы, в частности, древнетюркское туруг {или тураг} "убежище, прибежище; логовище {в горах}", тувинское туруг "отвесная скала, утес". В других тюркских языках соответствия слова туруг {тураг} имеют значения "место остановки, стоянки", "стойбище", "жилище" и подобные. Оно, так же, как и имеющееся в ряде тюркских языков слово тура "баррикада", "бруствер", "крепость", "укрепленное жилище", "дом", "город", определенно является производным от общетюркской глагольной основы тур "стоять; подниматься". К ней же можно возвести и географический термин туран.

В случае с названием Туран в Туве имел место перенос названия местности на название протекающей по ней реки, что также является характерным для географических названий вообще и для топонимов на территории Тувы в частности.

Нечто подобное связано и с происхождением реки Өөк {Уюк} Последнее вызывает интерес исследователей главным образом тем, что оно сохранило {хотя и в заметном измененном виде}

то географическое название, которое зафиксировано в древнетюркских рунических памятниках, найденных здесь же, на территории Турано-Уюкской котловины. Это слово - Эгюк, употребляющееся, в частности, как начальный компонент топонимов Эгюккатун и Эгюк-оюк-эн, являющихся названиями местностей.

Ученые в основном обращали внимание на другие слова-компоненты данных названий и раскрыли {хотя иногда и по-разному} значения этих компонентов. Но для нашего сюжета они существенной роли не играют, и мы на названных частях топонимов здесь не останавливаемся.

Вместе с тем начальный их компонент {Эгюк} почти не привлекал к себе внимание в плане этимологии и по-прежнему остается загадкой. Ясно лишь, что перед нами более древняя форма современного Өөк.

В данном случае также встает вопрос, к чему первоначально относилось это название: к водному объекту {реке} или к окружающей местности. Отмечена попытка установить происхождение топонима, исходя из первичности "водного" значения: Эгюк {Өөк} сопоставлялось с древнеуйгурским юю {ügü} "вода", что однако, ни в плане разъяснения структуры слова, ни в фонетическом аспекте не выглядит достаточно убедительно.

Если же исходить из первичности и в данном случае значения, связанного с местностью, ее рельефом, то Эгюк закономерно сопоставляется с общетюркским глаголом в форме эг, характерной как для древнетюркских памятников, так и для ряда современных языков. Глагол этот означает "гнуть{ся}", "наклонять{ся}" и среди образованных от него существительных - названия понижений, склонов и подобных им реалий. Ср., например, турецкие диалектные слова ивек {ivək} "склон, сторона, бок; гребень; наклонная плоскость" и эйме {eyme} "низкое место между двумя горами", где основы ив- и эй- - варианты глагола эг-, а ивек по своей структуре одинаково с Эгюк. Следовательно, последнее по своему происхождению представляет собой отглагольное имя, характеризующее рельеф местности {наличие склона, уклон и т.п.}, ставшее затем названием данной местности, которое и было перенесено на протекающую по ней реку.

С наименованием этой реки уже давно и вполне обоснованно сопоставляется название реки в Хакасии {Өөк}, именуемой по-хакасски также Камышта, или, точнее, Хамыстыг, что означает "изобилующая камышом" и определенно указывает на низинный характер местности, где эта река протекает. Данное обстоятельство подтверждает выдвинутую нами версию происхождения топонима Өөк {Уюк} в Туве.

Таким образом, предложенные выше этимологии двух рассмотренных здесь названий рек связаны с древними тюркскими географическими терминами, характеризующими рельеф местности. При этом в случае с Өөк древность топонима подтверждена документально, и здесь можно констатировать сохранение в целом названия {при закономерных изменениях его внешнего облика} на протяжении более тысячи лет.

Владимир Монгуш

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В ТУВЕ

Тува очень богата памятниками природы, истории и культуры разных исторических периодов и времен, начиная с эпохи каменного века до современной истории нашего края.

Исследование музейного дела в Туве имеет очень важное историческое значение для дальнейшего развития музейной сети в нашей республике.

В 1925 году при полпредстве СССР в Танну-Тувинской Народной Республике возник "Кружок Урянховедения", встретивший поддержку партии и правительства, которым было положено начало краеведческой деятельности в Туве. Членами кружка были работники полпредства СССР и правительственных учреждений ТНР.

Правление кружка разослало по поселкам и хошунам письма с просьбой о помощи в сборе разнообразных материалов, и культуры. На это обращение сразу откликнулись жители Тувы, и от них стали поступать различные материалы по истории и этнографии. Члены

кружка с 1925 по 1928 годы провели большую подготовительную работу по изучению природы и истории Тувы. Кружковцами было отобрано большое количество разнообразных исторических материалов и коллекций, которые и стали первыми экспонатами будущего музея. Таким образом, в начале 1929 года возник вопрос о создании Государственного музея.

В 1929 году, 13 мая, на заседании Политбюро Центрального Комитета Тувинской Народно-революционной партии было принято постановление о создании Тувинского Государственного музея. Этим постановлением было положено начало становлению первого государственного музея в Туве. Организовав музей, правительство ТНР обратилось в советское правительство с просьбой оказать содействие и практическую помощь молодому культурному учреждению ТНР. Наряду со сбором местных материалов правительство ТНР через консульство СССР в 1929 году просило Всесоюзное общество культурной связи СССР с заграницей оказать содействие и практическую помощь молодому культурному учреждению ТНР. Наряду со сбором местных материалов правительство ТНР через консульство СССР в 1929 году просило Всесоюзное общество культурной связи СССР с заграницей оказать помощь в формировании фонда создаваемого Государственного музея в ТНР. С 27 августа 1926 года по 19 апреля 1930 года правительство ТНР командировало в Москву и Ленинград своего представителя В.П.Ермолаева, как имевшего опыт музейной работы, для установления связей с научными учреждениями, с Академией наук и музеями СССР.

В деле комплектования фондов создаваемого музея в ТНР большую практическую помощь оказал Советский Союз. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Академия наук СССР, музей г. Москвы и Ленинграда, музей Революции СССР, а также Зоологический и Минералогический музеи МГУ, книгоиздательство, учреждения культуры и выставочные организации оказали братскую помощь молодой республике в создании одного из первых очагов культуры ТНР. Безвозмездно из СССР были посланы для нового создаваемого Государственного музея разнообразные материалы, коллекции чучел птиц, млекопитающих, пресмыкающихся, образцы старинного оружия вплоть до рыцарских доспехов, около 66 шедевров - произведений искусства русских и западно-европейских художников и несколько скульптур и фарфоровых изделий. Из Красноярского музея поступили археологические коллекции палеолитических стоянок.

Эти подарки составили основу первоначальной экспозиции отделов нашего музея. Все эти экспонаты до сегодняшнего дня хранятся в фондах головного музея и временами экспонируются в нем и его филиалах. Впервые для нового музея было выделено небольшое деревянное здание.

В августе 1930 года состоялось официальное открытие первой экспозиции Государственного музея ТНР.

Активное участие в работе по созданию Государственного музея принимал старейший краевед и первоклассный фотограф В.П.Ермолаев.

С 1929 по 1934 годы он был первым директором музея, с этого времени Владимир Петрович Ермолаев, как большой знаток обычаев народа и истории края, не прерывал связи с нашим музеем.

Возникновение и открытие музея в Туве явилось очень важным историческим событием в культурной жизни Кызыла и всей республики. С первого же дня открытия нового музея в республике десятки, сотни жителей столицы и хошунов стали посещать музей, чтобы пополнить свои знания истории родного края. После посещения музея и знакомства с его экспозицией араты стали приносить орудия труда, утварь и различные бытовые предметы, кузнечные изделия, украшения и музыкальные инструменты. Это свидетельствовало заинтересованности тувинского народа в изучении его материальной и духовной культуры и истории.

С 1934 по 1940 годы музей был законсервирован в связи с отсутствием помещения. В 1941 году ему было выделено после ремонта другое деревянное здание, где была восстановлена экспозиция и создано три отдела: "Природа Тувы", "Дореволюционная история Тувы", "Народная Республика Тува". В 1941 году, 12 июля, в честь X Великого Хурала ТНР и в ознаменование 20-й годовщины Тувинской Народной Республики вновь был открыт Государственный музей. Это было важным событием в культурной жизни аратов.

Длительное время до 1945 года музей не имел своего постоянного помещения, он размещался в различных деревянных зданиях в столице республики. Только в 1945 году музею предоставили, к сожалению, опять деревянное здание {большее - бывшего Тувинского национального театра}, в котором он находится и в настоящее время.

Правительство ТНР в то время отпускало на реорганизацию музея крупные суммы денег, к работе были привлечены местные художники, педагоги и общественные организации. С этого периода музей начал приобретать настоящее краеведческое направление. В нем появилось много новых экспонатов, коллекций, интересных материалов, собранных местными краеведами, по археологии, истории, этнографии, развитию промышленности, транспорта, здравоохранения, сельского хозяйства и т.д.

Тувинский музей был организован сначала при Министерстве внутренних дел ТНР на средства, отпущенные на культурно-просветительную работу, а затем перешел в ведение Министерства по делам культуры. 26 февраля 1942 года он официально назван Тувинским Государственным музеем. В 1942 году, 26 марта, Президиум Малого Хурала Тувинской Народной Республики принял Указ "О присвоении Тувинскому Государственному музею имени Ал-

дан-Маадыр". Наш музей назван в честь восстания тувинских аратов {Шестидесяти богатырей} выступивших в 1883-1885 годах в защиту угнетенных бедных аратов против местных феодалов, маньчжурских захватчиков-поработителей. Новый этап развития краеведения в Туве начался после принятия ТНР в состав СССР 11 октября, а 13 октября в состав РСФСР в качестве автономной области, в 1944 году.

С 1947 года Тувинский Государственный музей имени Алдан-Маадыр преобразован в Тувинский областной краеведческий музей отдела культуры Тувинского облисполкома, а затем, в связи с преобразованием ТАО в Тувинскую АССР 10 октября 1961 года, в 1962 году музей переименован в Тувинский республиканский краеведческий музей имени Алдан-Маадыр, сохранивший свое название до настоящего времени. С 10 января 1962 года Тувинский музей подчиняется Министерству культуры Тувинской АССР. С 15 августа 1991 года Тувинский музей входит в ведомство Министерства культуры Республики Тува.

В настоящее время в Тувинском музее работают следующие отделы: природы; древней истории; Тувинской Народной Республики; истории Советской Тувы; научно-просветительный; фонды; а также научная библиотека и фотолаборатория.

Отдел природы Тувы отражает физико-географическую характеристику, геологию, природу, многообразие растительного и животного мира, полезные ископаемые края в трех экспозиционных залах.

Отдел древней истории Тувы, показывающий археологию и этнографию, занимает два экспозиционных зала, богато иллюстрированных и хорошо оформленных подлинными уникальными археологическими и этнографическими материалами. Экспонаты первого зала знакомят посетителей с археологическими коллекциями, найденными в процессе многолетних полевых исследований на территории Тувы археологами разных поколений, начиная с древнего каменного века вплоть до погребений тувинцев XVI-XVIII веков. Первые годы основания отдела археологии в оформлении экспозиции принимали участие научные сотрудники Минусинского и Красноярского музеев предоставлением археологических материалов из своих фондов. Экспонаты, полученные от этих музеев, стали первой основой экспозиции отдела археологии. В практическом создании экспозиции отдела археологии активное участие принимали советские ученые, и в частности археолог В.П.Левашова, работавшая под руководством профессора С.В.Киселева.

В 70-х годах Е.Ш.Байкара, М.Х.Маннай-оолом, художником-архитектором Л.Н.Барановым был оформлен новый экспозиционный зал - курган "Аржаан", царский курган раннескифского времени с самыми уникальными археологическими коллекциями. В 80-х годах проведена реконструкция раздела археологии Е.Ш.Байкара - зав. отделом и художником - оформителем В.Ш.Хертек. Ими созданная новая экспозиция зала археологии отражает историко-археологическую схему "От палеолита до тувинских захоронений". Этот раздел знакомит посетителя с подлинными археологическими материалами из курганов и погребений Тувы разных времен и эпох.

На стеллажах и во дворе музея размещены оленные камни, каменные изваяния, стелы с надписями, плиты и камни с наскальными изображениями, привезенными в разные годы исследователями территории Тувы.

Научными сотрудниками отдела Н.М.Богатыревым, В.П.Ермолаевым, Д.Б.Данзын-оолом в 1941-1943 годы проводились археологические обследования в Туве. Ими были организованы три разведывательные экспедиции, описано и зарегистрировано большое число курганов, каменных изваяний, наскальных изображений и надписей на камнях.

В 1951-1954 годах С.И.Вайнштейном, сотрудником отдела, были проведены работы по этнографическому обследованию восточной части Тувы. Им собран большой этнографический материал о восточных тувинцах. Наряду с этнографическими исследованиями этнографическая экспедиция Тувинского музея проводила разведку археологических памятников. Она обследовала развалины древней крепости Төрс-Холь и сняла ее план. К северу от крепости, в 150 метрах от берега озера, была обнаружена каменная стела с плохо сохранившейся древнеуйгурской надписью.

Второй раздел, этнографии, полностью отведен под показ традиционных этнографических материалов аратов-тувинцев, кочевников-скотоводов и быту русских переселенцев. Отражает национально-освободительное движение в Туве 1883-1885 годов; социально-политическое положение Тувы в 1758-1912 годах; заселение Тувы русскими в конце XIX - начале XX века; скотоводство, оленеводство и охота, земледелие, хозяйство и быт, народное искусство. В витринах и на стендах показаны этнографические предметы, орудия, изделия, украшения, женская и мужская национальная одежда: головной убор и традиционная обувь, предметы шаманского культа: костюм, бубен, колотушка и ламаистская атрибутика: священные книги, буддийские статуэтки, ламаистские одежды, маски, музыкальные инструменты, бумажные аппликации, светильники и другие предметы. Также юрта с ее интерьером, предметы материальной и духовной культуры тувинцев. Разделы археологии и этнографии Тувы создавались в 50-х годах С.И.Вайнштейном, Я.В.Гребневым, В.А.Дубровским, в 60-70 годах Е.Ш.Байкара, М.Х.Маннай-оолом, А.Д.Дамдынчап, Л.Ш.Сат, художником Х.К.Норбу, в 80 годах Е.Ш.Байкара, художником-оформителем В.Ш.Хертеком и автором этих строк. С 1991 г. ведется совместная археологическая работа, экспедиция минкультуры с Турцией по изучению памятников древнетюркской письменности на территории Тувы. С 1992 года с участием научных сотрудников начнется съемка документального телевизионного фильма о древнетюркских письменных памятниках бассейна Верхнего Енисея. В 1993 г. научные сотрудники отдела примут участие

с сообщением "Памятники енисейской письменности в собраниях Тувинского музея" в международном симпозиуме "К 100-летию расшифровки орхоноенисейской письменности в Туве". В 1995 г. в Туве планируется открыть туристический маршрут по памятным местам истории, археологии и культуры.

Отдел истории Тувинской Народной Республики {1921 - 1944 годы} показывает историю создания и развития народно-демократического государства, международное признание ТНР, флаги, ордена и медали ТНР, партизанское движение в Туве, промышленность и транспорт, связь, торговлю и финансы, быт аратов, сельское хозяйство, здравоохранение, основание и становление тувинской письменности, литературы и искусства, культуры, участие ТНР в Великой Отечественной войне, годы репрессий в Туве {1938-1944}, почтовые марки ТНР.

Отдел истории Советской Тувы {1944-1991 годы} отражает коренные социально-экономические преобразования в Туве в составе СССР, а затем в составе РСФСР. На стендах и витринах показаны материалы, демонстрирующие вступление ТНР в СССР и РСФСР, образование области и Тувинской АССР, социалистическое преобразование сельского хозяйства в 1941-1953 годах, исследование минерально-сырьевых ресурсов Тувы, комбинаты "Туваасбест" имени В.И.Ленина и "Тувакобальт", строительство, транспорт и связь, сферу обслуживания, здравоохранения, народное образование и средние и высшие учебные заведения, литературу, науку, изобразительное и прикладное искусство, республиканский музыкально-драматический театр, цирковую труппу, ансамбль "Саяны", макет будущего нового музея в столице Республики Тува Кызыле.

С 1992 года вышеупомянутые два отдела объединены в отдел истории Республики Тува {с разделами ТНР и истории Республики Тува}.

В связи с прошедшими изменениями в стране, с распадом СССР, экспозиция данного периода и истории в ближайшее время будет в корне изменена и оформлена заново.

В отделе фондов хранятся уникальные, бесценные археологические и этнографические коллекции и материалы, фотонегативы, документы и личные вещи участников гражданской и Отечественной войн, документы ветеранов войны и труда, героев пятилеток, передовиков производства, воинов-интернационалистов Афганистана, подлинные шедевры - живописные полотна русских и зарубежных художников и графика тувинских художников, работы камнерезов, ювелирные изделия и предметы материального народного прикладного искусства Тувы {литье, чеканка, резьба по дереву и камню, тиснение по коже}, и различные материалы по истории, флаги, ордена и медали ТНР. В хранилищах фонда насчитывается свыше 63 тысяч единиц хранения экспонатов, являющихся первоисточниками для изучения природы, экономики, археологии и этнографии, истории и культуры края. Они служат в настоящее время фактическим материалом для создания публикаций, научных статей, монографий и фундаментальных научных трудов.

С частичным привлечением материалов фонда написаны следующие труды ученых: А.Д.Грач "Древние изваяния Тувы", М., 1961; С.И.Вайнштейн "История народного искусства Тувы", М., 1970; Д.Д.Васильев "Корпус норкских рунических памятников бассейна Енисея", Л., 1983; М.Б.Кенин-Лопсан "Волшебник" {рассказ о народном камнерезе Монгуше Черзи}, Кызыл, 1976 и "Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства", Новосибирск, 1987; фотоальбом тувинской народной резьбы по камню "Оживший камень", К., 1969; фотоальбом "Советская Тува" {1984}; комплект открыток "Народное искусство Тувы", {1984}; буклеты, календари в 1974, 1984, 1991, 1992 годах; изготовлены знаки "Тувинский музей" с изображением пантеры из кургана Аржаан, "Тувинский музей - 50 лет" с изображениями каменного изваяния, горного козла и гор; краткий указатель по залам музея и Тематика экскурсий и лекций музея {1961}, и краткие путеводители по залам музея {1970, 1977, 1980 годы}.

Археологические и этнографические коллекции музея экспонировались в 1984 году в Монголии, в Улан-Баторе, в 1985 - в Москве и в Кызыле, в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде, а затем в 1986 году показаны в городах Усть-Каменогорске, Барнауле, Красноярске и Абакане. В 1981-1985 годах на международной выставке "Традиционное искусство кочевников Евразии" в Японии, отдельные археологические и этнографические экспонаты участвовали там же, в международной этнографической выставке в 1987-1988 годах, в Хельсинки в Финляндии, в Дюссельдорфе - в ФРГ, в 1988 году в городе Улан-Го́ме Убсу-Нурского аймака МНР.

В 1989 году по инициативе крупнейшего физика-теоретика, лауреата Нобелевской премии Ричарда Фейнмана АН СССР организовал выставку "Степные кочевники Евразии" в городах Лос-Анджелесе, Денвере, Вашингтоне в США, показывающую культуру кочевых народов. Здесь также были представлены археолого-этнографические коллекции, изделия тувинских народных мастеров и камнерезные работы. В этом же году выставка "Творческое наследие Рушевых" использовалась в Чите, в художественном музее. Некоторые экспонаты из фондов выставлялись в Шушенском, Минусинске, в Канаде и Франции.

В 1991 году выставка "Оживший камень" из фондов экспонировалась в Улан-Удэ, Элисте и Южно-Сахалинске. С использованием экспонатов музея отсняты документальные фильмы: "Чонар-Даш" {1981}, "Камень и Тойбу-Хаа", "Тува: настоящее и будущее", "Секундант" {1987}, "Тувинский фольклор" {1987}, "Мелодии Тувы", "Тувинские камнерезы" {1988} и художественный фильм "Алдаң-Маадыр", отснятый в мае-сентябре 1991 года. Премьера фильма состоялась в кинотеатре "Найырал" на русском языке, и на тувинском языке в Тувинском центре народной культуры в январе 1992 года в Кызыле, столице Республики Тува.

С 1992 по 1995 годы уникальные этнографические и археологические коллекции скифского искусства Тувы из фондов нашего музея будут представлены на выставках в Германии, Югославии, Монголии.

В научной библиотеке музея имеются 10 тысяч единиц книжного фонда. Среди них встречаются очень редкие и уникальные книги по этнографии, археологии, природе, истории, культуре, о быте и социальных отношениях тувинцев.

К великому сожалению, реликвии материальной и духовной культуры тувинского народа хранятся и экспонируются на страх и риск в старом деревянном здании, износ которого составляет 82 процента.

В экспозиционных залах головного музея и его филиалах, благодаря усилиям сотрудников музея и жителей всех возрастов, показывается лишь 8 процентов собранных экспонатов. А 92 процента уникальных экспонатов до сих пор хранятся в чердачном и подвальном помещениях, вопреки всем инструкциям хранения музейных предметов.

Давно уже пришло время ставить первоначальные вопросы перед Правительством Республики Тува и Министерством культуры о строительстве нового музея и его хранилищ. Такие вопросы неоднократно решались в течение ряда лет правительством Тувы и министерством культуры, однако до сих пор они остались открытыми.

Настало время, наверное, правительству республики от слов перейти к конкретным делам и решить вопрос о строительстве помещения музея. Если бесценные реликвии нашего народа испортятся или сгорят в деревянном ветхом здании нашего музея, такого не простит тувинский народ, наши потомки, это останется на совести дирекции музея, городской администрации, Министерства культуры, бывших первых руководителей республики, депутатов города, республики, избранных тувинского народа, на совести нынешнего правительства Республики Тува.

Будем надеяться, что принятое постановление Совета Министров Республики Тува №427 от 28 декабря 1991 года о республиканской программе "Культура - 95", в которую введен пункт о строительстве нового здания краеведческого музея им.Алдан-Маадыр в 1993-1995 годы, не окажется в очередной раз пустым бумажным общанием правительства Тувы и Кызылского горисполкома. Еще раз поверим своему правительству, Президенту Республики, которому наш коллектив отдал свои голоса и дал наказ о строительстве нового здания музея для тувинского народа.

При тувинском музее работает восемь филиалов.

Кочетовский историко-революционный филиал создан 4 сентября 1969 года в селе, где в 1921 году, с 13 по 16 августа, проходил первый Всетувинский Учредительный Хурал, на котором 14 августа 1921 года была образована Тувинская Народная Республика и принята первая Конституция Республики Танну-Тува Улус, установлен в Туве народно-демократический строй, создано суверенное государство в Центре Азии. Тогда эта местность носила название Суг-Бажы, а поселок - Атамановка, с 1943 года - село Кочетово. 14 августа 1981 года, в честь 60-летия Тувинской Народной Республики, филиал был вновь открыт, уже как историко-мемориальный комплекс. В 1991 году, 14 - 15 августа в селе Суг-Бажы Тандинского района, в Кочетовском филиале, проведен большой праздник 70-летия образования Тувинской Народной революции и образования государства в Туве.

В 1977 году, 12 декабря, на основе различных материалов, изделий, предметов, фотографий истории создания и развития комбината-первенца цветной металлургии Тувы, при комбинате "Тувакоальт" создан Хову-Аксынский филиал музея - "Трудовая слава", также в Тандинском районе, в 1991 году заново оформлена экспозиция филиала в новом, специально для него построенном здании.

В 1967 году, 10 октября, при комбинате "Туваасбест" имени В.И.Ленина по инициативе главного геолога И.И. Скобелина был основан Ак-Довуракский геологический музей, в 1979 году он преобразован в историко-геологический, посвященный истории создания и развития первого асбестового комбината в Туве, в Барун-Хемчикском районе, а 25 февраля 1980 года он становится филиалом головного музея.

В 1980 году основан и Туранский историко-революционный музей; в историческом мемориальном доме, где в марте 1922 года состоялся I съезд Тувинской Народно-революционной партии, 23 февраля 1981 года была открыта первая экспозиция филиала музея в городе Туране, в Пий-Хемском районе.

В 1974 году создан Сарыг-Сепский школьный музей революционной, боевой и трудовой славы; с 1987 года он открыт уже как филиал музея.

В 1988 году основан Шагаан-Арыгский природно-археологический музей, в 1991 году построено специально для него здание, а в настоящее время ведется работа по созданию и оформлению новой экспозиции филиала музея.

В 1990 году, 20 августа создан Чаданский народный музей краеведческого направления.

В 1991 году основан Алдан-Маадырский филиал музея.

С 1992 по 1995 годы будут созданы филиалы музея в Овюрском, Эрзинском и Тес-Хемском районах.

В перспективе для развития музейной сети в республике запланировано и намечается создание следующих филиалов музея: природы и экологии, литературный в Кызыле, в доме, где жили и работали многие тувинские писатели; художественный (тувинских художников), истории народного образования Тувы, истории школы-интерната, музей воинов-интернационалистов, "афганцев" в школе № 12, музей Нади Рушевой и музей спорта.

В районах будут созданы общественные музеи: в поселке городского типа, центре Барун-Хемчикского района, Кызыл-Мажалыке, селе Хандагайты в Овьуре, Мугур-Аксы в Монгун-Тайге, музей истории и религии на базе Верхне-Чаданского хурээ,

дом-музей В.П.Яна, известного писателя, жившего в Туве в 1921-1922 годах, в школе села Уюка Пий-Хемского района; архитектурно-этнографический музей-заповедник под открытым небом в местечке Бажын-Алаак Дзун-Хемчикского района.

В 1987 году в Торгалыге, в Овьурском районе, открыт литературный музей имени С.А.Сарыг-оола. В 1989 году, 26 апреля, в селе Адыр-Кежиг, в Азасской школе и в поселке Ий, Тоджинского района, 29 апреля, открыты школьные краеведческие музеи.

В 1990 году, 6 мая, в Эрзинском районе создан школьный музей по инициативе учителей и при активном участии учеников и их родителей. В Тес-Хемском районе в селе Кызыл-Чыраа, в старом школьном здании, также создан школьный музей. Работают школьные музеи в школах № 9 города Кызыла, селе Кызыл-Даге Бай-Тайгинского района, городе Шагонаре и селе Хайыракане в Улуг-Хемском районе, селе Чаа-Холе, центре вновь воссозданного района.

Всего в городах и районах республики работает 23 документированных школьных музея. В настоящее время создаются новые школьные краеведческие музеи. Но некоторые из них, к сожалению, распускаются, когда уходят из школ инициативные учителя-краеведы.

В столице нашей республики городе Кызыле работает еще два общественных музея. При Тувинском республиканском Доме санитарного просвещения {ныне - Тувинский республиканский центр здоровья} создан по инициативе санитарного врача П.А.Черкашина в 1956 году. Этот единственный в Сибири санитарный музей был основан Тувинским облздравотделом еще в автономной области. Там на карте показаны курорты Тувы. На схеме отражены лечебные местности, источники и грязи края.

В 1954 году главным геологом О.А.Богомоллом был создан геологический музей при Тувинской геологоразведочной экспедиции, до 1962 года он был закрытым музеем, недоступным для посторонних посетителей. С 1962 года стал свободным для посещения школьниками, студентами, учителями, населением республики и гостями Тувы. С 1980 года заведует музеем Тувинской ордена Почета геологоразведочной экспедиции геолог И.И.Корж. На стендах геологического музея висят геологическая карта Тувы, карта полезных ископаемых края, схемы, чертежи и фотографии местонахождений полезных ископаемых нашего края. На витринах размещены образцы полезных ископаемых, керамические изделия из глины, облицовочно-поделочные камни, разновидности минералов, имеющихся в Туве. Показаны также Ак-Довуракское месторождение асбеста, Хову-Аксынское - кобальта и никеля, Кара-Сугское месторождение комплексных железных руд, Каа-Хемский угольный бассейн, карты угленосности Улуг-Хемского бассейна, Терлиг-Хаинское месторождение ртути, Харальский золотоносный регион и другие.

С каждым годом растет популярность Тувинского республиканского краеведческого музея имени 60 богатырей в республике и за ее пределами. Это характеризуется увеличением числа посетителей. Большую работу по привлечению посетителей ведет научно-просветительный отдел музея среди городского и сельского населения республики. Этот отдел ежегодно обслуживает более 100 тысяч посетителей, местных жителей и гостей Тувы. Научные сотрудники музея выступают по радио и телевидению, на страницах газет, проводятся сотни экскурсий, десятки лекций, беседы, устные журналы, встречи и другие разнообразные и интересные мероприятия, в детских садах, школах, учебных заведениях и на предприятиях города. Передвижными выставками обслуживаются городское и сельское население, детские летние лагеря, курорты, аржааны, животноводческие фермы, полевые станы и чабанские стоянки.

В выставочных залах музея постоянно экспонируются новые выставки из фондов и показываются работы профессиональных и самодеятельных художников, мастеров народно-прикладного и камнерезного искусства Тувы, новые поступления и экспонаты из других музеев страны, а также наши сотрудники со своими экспонатами из фондов музея выезжают с выставками в другие города, в центральные музеи России. Наш музей поддерживает тесную связь с центральными музеями, научными институтами и различными экспедициями. Эта связь с ними благотворно отражается на всей его работе.

В музее ведется научно-исследовательская, культурно-просветительная, экспозиционная и собирательная работа, в этом отношении он не уступает другим музеям страны. В этом направлении плодотворно до сих пор работают энтузиасты - ветераны музейного дела: М.Б.Кенин-Лопсан, Е.Ш.Байкара, А.Д.Дамдынчап, К.Ш.Монгуш, И.М.Путинцев, А.В.Южаков, Е.З.Осмоловская, Н.Б.Чаш и К.И.Черненко. Наряду с ними, бок о бок, трудятся молодые научные сотрудники музея, приобретая трудовой опыт и навыки в музейном деле. Сотрудники пишут научные статьи, разрабатывают темы, посвященные музееведению, археологии, этнографии, истории, природе, культуре и искусству тувинского народа, выступали на местных, всесоюзных и региональных конференциях, семинарах и совещаниях с докладами и сообщениями в г.Барнауле, Тюмени, Улан-Удэ, Новосибирске, Иркутске, Чите, Красноярске и Кызыле.

В 1989 году 13 мая исполнилось шестьдесят лет со дня основания Тувинского республиканского краеведческого музея. В честь юбилея с 12 по 13 мая в том же году было проведено научно-практическое совещание, на нем 12 мая с докладом "Тувинскому музею - 60 лет" выступила директор музея А.Д.Дамдынчап, сделали сообщения сотрудники нашего музея и приглашенные представители других музеев, по тувинским материалам и проблемам дальнейшего развития музейного дела в Туве. А 13 мая участники совещания посетили выставку "60 лет Тувинскому республиканскому краеведческому музею имени Алдан-Маадыр", посвященную истории создания и развития нашего музея до настоящего времени. Еще они побывали в Туранском историко-революционном музее.

Наш краеведческий музей, пройдя шестьдесят с лишним лет, стал одним из важнейших очагов науки и культуры в Республике Тува, превратился в подлинно народное хранилище памятников природы, истории и культуры тувинского народа. Организация и развитие музеев на территории Республики заинтересовало не только самих музейных работников, но стало увлечение учителей, школьников и тружеников городов и сел Тувы. Они вносили и вносят посильный вклад в создание, организацию и развитие новой музейной сети в Республике Тува. Изучая историю Тувы, пройденный тувинским народом исторический путь, наши сотрудники ведут пропагандистскую и просветительскую работу, воспитывают у населения любовь к своей природе, уникальному, неповторимому древнему краю в Центре Азиатского материка, к солнечной и голубой стране Тува.

КАЛЕНДАРЬ КУЛЬТУРЫ

Важнейшие события 1992-1994 годов:

Союзу писателей Республики Тыва в 1992 году исполнилось 50 лет.

Он был создан в Тувинской Народной Республике 22 ноября 1942 года, в течение трех дней шли тогда организационная конференция и семинар молодых писателей. Первыми членами правления творческого Союза были Сергей Пюрбю, избранный председателем, Олег Саган-оол, Байкара Ховенмей, Александр Пальмбах, Степан Сарыг-оол, Александра Бобкова и Леонид Чадамба.

Спустя полвека юбилею Союза писателей нашей республики были посвящены двухдневная научно-практическая конференция - о путях развития тувинской литературы говорилось в более чем двадцати докладах и сообщениях писателей, ученых Тувы и гостей - крупных литературоведов из Новосибирска - и торжественное собрание в театре, где творческий союз-юбилар получил приветствия Президента Республики Тыва Ш.Д.Ооржака, Председателя ее Верховного Совета К.А.Бичелдея, братьев по искусству и культуре и просто читателей.

* * *

Его святейшество Далай-Лама XIV пребывал в Туве с 19 по 22 сентября 1992 года. Торжественное прибытие высокого гостя, переговоры с руководителями республики, встречи с жителями Кызыла и ряда кожуунов, верующими и неверующими, молитва на площади перед театром в столице Тувы, освящение цветов нового Государственного флага республики - этим запомнятся холодные и ветреные сентябрьские дни. Мира и процветания пожелал народу Тувы высокий гость.

* * *

Завершились конкурсы на лучшие проекты Государственной символики Республики Тыва, музыку и текст Государственного гимна. XVII сессия Верховного Совета республики приняла флаг и герб, эскизы которых были выполнены художниками Иваном Салчаком и Оюн-оолом Сатом. После освящения цветов флага Далай-Ламой XIV Государственный флаг Республики Тыва 2 ноября был поднят над Домом правительства и Домом Советов в Кызыле. В октябре 1993 г. сессия Верховного Совета в качестве Гимна Республики Тыва приняла народную песню "Орех«вая та"га".

* * *

В июне 1992 г. в столице Тувы прошли международные симпозиум и фестиваль "Хоомей-92". С тувинским уникальным горловым пением ознакомились и высказали свои мнения о нем ученые России и ряда зарубежных стран, свое искусство показали исполнители поистине от 7 и до 70 лет. Впервые решением Правительства республики шести лучшим исполнителям присвоено звание "Народный хоомейжи Тувы".

* * *

В конце сентября 1992 года в Абакане, столице Республики Хакасия, Тувинский республиканский музыкально-драматический театр имени В.Л.Кок-оола успешно участвовал во II Международном фестивале национальных театров Сибири.

* * *

В июне 1993 г. научно-практической конференцией в Кызыле и большим народным праздником в Сут-Холс отмечено 110-летие восстания 60 богатырей.

* * *

В октябре 1993 г. проведена научно-практическая конференция в честь 100-летия расшифровки орхоно-енисейской письменности.

* * *

В июле 1994 года проведен фестиваль “Хоомей-94”.

* * *

ОТМЕЧЕНЫ ЮБИЛЕИ:

100-летие В.П.Ермолаева, прозаика, поэта, журналиста, фотолетописца Тувы.

80-летие М.М.Мунзука, народного артиста России и Тувы, лауреата Государственной премии Республики Тыва.

80-летие С.Б.Пюрбю, народного писателя Тувы.

Установлены мемориальная доска в его честь на доме в Кызыле, где поэт, драматург и прозаик прожил свои последние годы, и памятник на родине поэта в селе Хайыракан Улуг-Хемского кожууна. Имя С.Б.Пюрбю присвоено республиканскому Дому народного творчества, учреждена премия Союза работников культуры его имени.

75-летие К.Н.Мунзук, народной артистки Тувы и России.

70-летие Р.Д.Кенденбия, композитора, народного артиста и лауреата Государственной премии Республики Тыва.

70-летие заслуженной артистки Республики Тыва, поэта и драматурга М.А.Рамазановой.

60-летие литературного критика Д.С.Куулара, композитора, заслуженного работника культуры и заслуженного учителя Республики Тыва А.С.Танова, поэта С.В.Козловой, литературного критика М.А.Хадаханэ, композитора Б.Х.Чульдум-Сюрюна.

50-летие поэта и драматурга В.С.Серен-оола, композиторов Вл.С.Токи и Б.М.Кенеша, дирижера, заслуженного артиста республики В.С.Токи.

Но литература, искусство, наука и культура республики понесли и тяжелые утраты.

Ушли из жизни писатели Анатолий Емельянов, Монгуш Доржу, Куулар Аракчаа, Владимир Серен-оол, Марьям Рамазанова, Аркадий Захаров;

художники Сарыг-оол Саая, Иван Салчак, Анай-оол Бовейлен, Иван Сажин. Дмитрий Саая;

композиторы Ростислав Кенденбиль, Хуреш-оол Дамба, Солаан Базыр-оол, Мерген-Херел Монгуш;

артисты Семен Митряшкин, Дарый Монгуш, Тамара Ондар, Самба-Сюрюн Баир, режиссер Кадр-оол Сагды, народный артист Тувы и заслуженный артист России Николай Олзей-оол;

журналисты заслуженный артист Республики Тыва Сергей Кондинкин, Алексей Чараш-оол, Петр Гриценко, Тимофей Сермавкин и совсем молодой Владимир Хобига;

первого профессора, доктора филологических наук, видного языковеда Шулуу Чыргал-ооловича Сата потеряла тувинская наука, заслуженного артиста, дирижера и педагога Ивана Григорьевича Минина и народного хоомейжи Маржымала Ондара – музыка и система эстетического воспитания.

Мы храним память о них как о гордости и цвете культуры нашей республики.

Содержание

ПРОЗА:

Анатолий Емельянов. “Широкоствольная лиственница”, повесть.....	3
Куулар Черлиг-оол. “Мое имя”, рассказ.....	24
Михаил Пахомов. “Гнедко”, из повести “Верность”.....	26
Георгий Неволин. “Тайна приверженца джудши”, рассказ.....	33
Александр Ондар. “Вернусь человеком”, рассказ.....	40

ПОЭЗИЯ:

Монгуш Кенин-Лолсан. “Девять алгышей”, перевод И.Фонякова.....	47
Владимир Серен-оол. “Двенадцать”, двенадцатистишия по лунному календарю, перевод С.Козловой.....	49
Монгуш Доржу. “Тебе”, “Разлука, как хрустальные снежинки...”, “У песен соловьиных...”, “Смерть моей собаки”, переводы К.Емельянова.....	51
Людмила Санчай. “Как много зла...”, “К тебе стучится мир”, “Избавление от беса”, “Запретный плод сладок”, “”Памяти дорогих сердцу людей”, “Сегодня - не завтра”.....	52
Кара-оол Натпий-оол. “От весны до снега”, перевод Г.Принцевой.....	54
Инна Принцева. “Холщовое зеркало”, из цикла стихов.....	55
Болат Маады. “Священное в земном”, “Кузница отца”, переводы Г.Принцевой.....	56
Алексей Бегзин-оол. “Аржаан”, восьмистишия, переводы К.Емельянова.....	56
Евгений Агарков. “Захотелось мне петь...”, “К приходу снега”.....	57
Роман Северов. “Танцуют травы”, “Шуга”, “Съемки в госпитале”, “Овчарки”, “Там, где прошли бои”.....	57
Анатолий Третьяков. “Крик души”, “Уходя, не гасите свечей...”, “Я сегодня ушел...”, “Потушен свет, потерян час...”.....	59

Лорис Шульгин. “Позиция”, “Ложь”.....	60
Алексей Щука. “Икебана”, “Сестограндо”, “Человек”, “Дождь”, “Только книжный переплет...”, “Что может быть...”.....	60

ФОЛЬКЛОР:

Сергей Натпит-оол. “Как здороваться по-тувински”.....	62
Русские народные анекдоты. Записала М.Татаринцева.....	65

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ:

Юрий Некрасов. “Злоключения Мишки Кораблика, беспризорника”, повесть.....	68
Чооду Кара-Куске. “Почитай-ка!”: “В полет”, “Балалайка”, “Котенок”, “Зайчонок напугался”, переводы А.Захарова.....	84
Марьям Рамазанова. “Мого-Белек и Хартыга-аът”, пьеса-сказка.....	85

ФАНТАСТИКА:

Чимис Ламажаа. “Пробужденные”, повесть.....	89
Элеонора Цвигун. “Женщина из созвездия Вечнозеленых листьев”, поэма.....	97

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ:

Борис Татаринцев. “Туран” и “Уюк” - откуда эти названия?.....	99
Владимир Монгуш. “Музейное дело в Туве”.....	101
Календарь культуры: Важнейшие события 1992-1994 гг.....	107

“Улуг-Хем”. Литературное приложение к журналу “Улуг-Хем” - Кызыл.: “Новости Тувы”, 1994, 112 с., илл.

© “Улуг-Хем”, приложение к литературно-художественному и общественно-политическому альманаху. Зарегистрировано в Тувинской республиканской инспекции по защите свободы печати и средств массовой информации, № Т 00028 от 17.5.1994 г.

© “Новости Тувы”, 1994, Лицензия ЛР №070606 от 11.09.92, 667000, г.Кызыл, Республика Тыва, ул.Красноармейская, 100

Сдано в набор 4.02.93. Подписано в печать 15.07.94. Формат 84x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,76.

Тираж 3000 экз. Заказ 343

Отпечатано типографией производственно-издательского комбината “Офсет”, г.Красноярск, ул.Республики, 51.

2000p.